



ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

VI Международная
научно-практическая конференция

Часть I



2004

МАЛАЯ АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА
НИИ ДЕМОГРАФИИ ВКУ им. С. АМАНЖОЛОВА
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАХСТАНСКО – РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

**VI Международная
научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября 2004 г.)**

сборник научных трудов

Часть I

Усть-Каменогорск
2005

ББК 60.54

Э 91

**Под редакцией: Алексеенко А.Н.
Краснобаевой Н.Л.
Тарасовой Е.В.
Владимирова В.Н.**

**Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане
и сопредельных территориях: VI Межд. науч.-
практич. конф. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября
2004 г. – сборник научных трудов, Часть I, Усть-
Каменогорск, 2005. – 236 с.**

ISBN 9965-9682-0-9

В сборнике представлены научные труды, включенные в программу VI Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, истории и географии населения Казахстана, России, Украины, Беларуси. Выявлен круг проблем, свойственных этнодемографическому развитию государств и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

**Э 0703000000
00 (05) - 05**

ББК 60.54

© Малая Ассамблея народов
Восточного Казахстана, 2005

Р.К. Айдарбаева

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Бухтарма - главная артерия Южного Алтая начинается вблизи истоков реки Аргута в особом леднике и впадает в Бухтарминское водохранилище. От впадения правого притока реки Белой Берели выходит на широкую долину, называемую Бухтарминской.

Данная местность всегда являлась территорией обитания рода Найман. В начале XVIII века в годы "Актабан - шубырынды" бухтарминские казахи вынуждены были временно оставить свои родные кочевья. Как известно, в 20-е годы XVIII века джунгары прошли широкой полосой с Алтая на запад, вытесняя встречавших на их пути казахов. При обратном движении джунгар, завершившемся разгромом Джунгарского ханства, на освобожденные земли хлынула обратная волна казахов. На часть этих земель заявил претензии Китай и казахи вынуждены были выплачивать ему дань в размере одной лошади в год с родовой ветви[1].

Принятие бухтарминскими казахами русского подданства произошло в 60-70-х годах XIX века. До этого существовало в этом крае одно общество, известное под именем Каратай-Даулетовского рода. Управлял всем родом по назначению от китайского правительства влиятельный бай Маметек. Управление народом не выходило из его рода до перехода в русское подданство, то есть было наследственным. Он отдавал распоряжения о сборе податей китайскому правительству. Кроме того, казахи отбывали подводную повинность по доставке китайцев от пикета до пикета. Китайцы брали на пикет на лето коз для доения по 3-5 голов на пикет и возвращали их своим хозяевам. Этим исчерпывались материальные отношения казахов и Китайского правительства.

Каратай - Даулетовский род, после перехода в русское подданство, разделился постепенно на четыре волости: Чингистайская, Курчумская, Нарымская и Уркерская[2]. Сначала выделился род Отай или Курчумская волость (в 70-х годах XIX века). Таким же образом образовались две волости Чингистай и Уркер. От этих двух волостей в 1872-1873 гг. отделились роды Андагул, Бура, Жарымбет, Мунай/пас, Черуши, образовавшие Нарымскую волость. Позже к первым засельщикам присоединились и каратаевские роды: Саргалдак, Чонмурун, Калим и другие. Селились они здесь рода-

ми. Приходившим позже достались места дальше на восток по Бухтарме. На занятых ими местах они проводили зиму, а летом кочевали по обширным пустовавшим в то время пространствам, называемым Чабанбай.

Такое положение сохранялось до 60-х годов XIX века. Именно с этого времени началась русская колонизация Бухтарминского края, которая имела тяжелые последствия для коренного населения края.

В силу топографических условий и географического положения Бухтарминской долины, ее колонизация совершалась с запада на восток, вверх по течению реки. Сначала была занята только нижняя часть долины. До 1864 года река Бухтарма составляла государственную границу России с Китаем, пока Чугучагский договор не передал России и левого берега. Казахи же продолжали считать и левый, и правый берега Бухтармы своими

В 1866г. на реке Терс-Булак, левом притоке Бухтармы, появились первые русские крестьяне - выходцы частью из соседней Томской губернии, частью из губернии европейской части России, и стали выкашивать у казахов луга, делать порубки, распахивать пашни, ставить себе жилье, устраивали пасеки.

Бии и почетные казахи рода Каратай писали управляющему подданными Ергенекти-Найманскими волостями султану Майлыхану Нуралину: "Начиная с 4-го поколения прадедов наших, мы имели зимовые стойбища по р.Бухтарма начиная с верховьев до урочища Чингистай, а по правую сторону ее в горах Шабанбай летние кочевки. И до настоящего времени не видели притеснений как от китайского, так равно и от русского. Нынче российские поселились на наших местах и выстроили дома"[3]. Русские переселенцы сразу начали вести себя как полные хозяева, сжигали дома казахов, ими были сожжены полностью несколько зимовок на урочище Каратау. Вытесненные русскими с урочища Белькарагай и Кулмесмерген казахи в количестве 500 кибиток вынуждены были уйти в китайские владения, на урочище Укок. Первые сведения об этих казахах на территории Чуйской долины Горного Алтая принадлежат перу известного ученого В.В.Радлова. Он, находясь в Чуйской степи 1870г, писал в дневнике: "Часть бухтарминских киргизов подчинилась России (каратаи), а самаи ушли в Китай". Этим строкам предшествуют слова: "Здесь должно быть, в прошлом году жили киргизы. В то время действительно казахи еще не обосновались в Чуйской степи, но уже происходили их передвижения, приведшие их через несколько лет в эти места"[4].

Таким образом, русская колонизация Бухтарминской долины положило начало миграции казахов в Горный Алтай, в пределы Томской губернии. Лишенные своих кочевьев, бухтарминские казахи вынуждены были искать пристанища в сопредельных территориях - в Горном Алтае и Китае.

В то время в этих местах, т.е. в урочищах Укок, Чат, Джазатыр, Калгуты проживали урянхайцы и первые переселенцы - казахи платили им ясак (тарту). Например, в первый год они заплатили 60 лошадей [5]. Численность казахов, прибывающих на эту территорию, все больше увеличивалась, и они постепенно оттеснили урянхайцев. А спустя 3-4 года после определения границы между Китаем и Россией, урянхайцы полностью оставили эту территорию и через перевал Кызыл-Кезен (Улан-даба) ушли на территорию Монголии. С этого времени территория эта перешла к казахам, причисленным к Семипалатинской области.

Заселение русскими Бухтарминского края из года в год приобретало все больший размах, обостряя взаимоотношения местного и пришлого населения. На это указывают жалобы казахов, направленные в различные инстанции. Одна из них, на имя Семипалатинского губернатора, была получена 30 апреля 1867 года. "Наш Каратаевский род, - говорилось в ней, - около 100 лет постоянно имеет стойбища по урочищам против Баш-Караула в Терен-Чате и с этого места до Чынгыстая и Урыли... Назад тому года два или три начали появляться в наших местах русские крестьяне ... отобрали зимовые наши места, степи выжгли огнем, дворы на зимовках остались без всякого присмотра, а нас самих выгнали..." [6]. Они предупреждали в своем письме, что "если не уйдут крестьяне, то дойдут казахи до крайних бедствий и разорений". И действительно, не дождавшись поддержки со стороны властей, 1500 юрт каратаевских родов вынуждены были оставить свои земли.

1 мая 1867 года Кашкымбай Урусбаев из Богай-Буринского рода Ергактинской волости подал Семипалатинскому губернатору жалобу, в которой излагал следующее: "Места наши около Нарына, на которых мы проживали с давних времен, платя ясак и ремонтную пошпину за скот, выгоняемый в зимнее время на вашу сторону. И прожнее время русские никогда не косили у нас сена, но вот года два тому назад они стали косить на наших местах и думают прогнать нас с этих мест, т. е. Баш-Караула и Орта-Караула. Большая часть Богай-Буринского рода находится в русском подданстве, а потому просит Вас отдать нам занимаемые места"[7].

По всем указанным случаям казахи чувствовали себя бессиль-

ными перед напором переселенцев и массами покидали свои кочевья. 500 кибиток выселилось на Укок, часть ушла дальше в Чуйскую степь. Ушли и 1500 каратаевцев в Китай, а оставшиеся 3000 юрт каратаевских же кибиток собрались тоже уходить, грозя при этом, одновременно с уходом, уничтожить крестьян"[8]. На их землях возникли крестьянские деревни Медведка и Таловка.

Местное население было лишено той помощи, на которую вправе было рассчитывать со стороны администрации. Здесь сыграли свою роль и некоторые объективные факторы: отдаленность края, отсутствие налаженной связи, а так же плохое знание местности. Например, 1 сентября 1866 года каратаевцы жалуются на захват Терс-Булака, но только в конце марта 1867 года прошение доходит до Семипалатинского губернатора. Затем начинается переписка между ним и Правлением Алтайского округа по данному вопросу, подробно говорится о появлении русских крестьян на реке Терс-Булак, и вдруг неожиданно возникает вопрос: "Где она протекает?"

Как видим, шестидесятые годы в судьбах казахского населения долины Бухтармы были отмечены серьезными столкновениями с Алтайским горным правлением и переселенцами - крестьянами. Но казахам грозила еще одна опасность, пожалуй даже еще более грозная, в лице новых пришельцев - казаков.

Чугучакский договор 1864 года, заключенный с Китаем ввел в состав России довольно значительные территории: около 25960 кв. верст с 64000 душ кочевого населения. Это были долины рек Верхней Бухтармы, Курчума, озера Зайсан до хребта Тарбагатай. Присоединение неизбежно повлекло за собой необходимость стратегического усиления государственной границы, вследствие чего власти приступили к фактическому закреплению новой пограничной полосы устройством новых поселений.

19 октября 1870 года был утвержден приказ по военному ведомству водворений в Зайсанском крае двух поселений из казаков Сибирского казачьего войска, одно на реке Джемене, другое - в долине Верхней Бухтармы. Переселившиеся за свой счет казаки приобретали право самостоятельного выбора своих участков. Кроме того, известная часть надела (от 10 до 20 десятин удобной земли на семью урядника, штабс-офицерам по 400 десятин и обер-офицерам по 200 десятин) поступала им " в частную, на вечную и потомственную собственность"[9].

Таким образом, казахи очутились между молотом и наковальней, на левом берегу Бухтармы у них отбирали землю для казаков, а с правого берега их усиленно выдворяло Алтайское горное

правление. Не трудно предвидеть печальные последствия такого положения вещей.

В начале 70-х годов XIX века вопрос о выселении казахов "за Бухтарму" поднимается с новой силой. Начинается новый этап борьбы между Алтайским горным правлением и кочевниками - казахами. Каждая сторона видела в противнике сторону нападающую, а свои действия рассматривала, как необходимую меру самозащиты и обороны. Отстаивая эти земли, Алтайское горное правление опиралось на специально изданные законы, а казахи на право давности. "Как можно было, - говорили они, - издавать законы, сгоняющие нас с мест, где издавна кочевали наши отцы, деды и прадеды. Да и куда нам теперь идти, когда свободных земель больше уже не имеется"[10].

Алтайское горнозаводское начальство и Кабинет всегда признавали вредным для заводов пребывание казахов, так как "они хищничеством своим, истреблением и порчем заводских лесов и вытаптыванием пастбищ причиняли значительный ущерб заводскому ведомству". Но данное мнение не поддерживалось губернаторами Семипалатинской области, которые, находясь на месте действия, видели всю пагубность для казахов выселения их с родовых кочевков и ту массу проблем, которые должно было повлечь за собой это обстоятельство.

Такое положение сохранялось до 1873 года. С увеличением русского населения столкновения с казахами сделались постоянными, что вынудило Томского губернатора обратиться к генерал-губернатору Западной Сибири Хрущеву с ходатайством о перенесении кочевков казахов на южный берег реки Бухтармы с определенным отводом земель.

Мера эта, по мнению Семипалатинского военного губернатора, отнимала у искони кочевавших тут казахов самые удобные земли для зимовок и пашен. Стесняла 600 кибиток в узкой долине и весьма лесистой нагорной местности Курчумского хребта, чем могла вызвать даже удаление их в пределы Китая, что и произошло в 1878 году, когда откочевали в Китай казахи 2-х волостей Усть-Каменогорского уезда: Чингистайской и Алтайской[10]. Но в Китае их ждало разочарование: приняли их там плохо, условия жизни оказались еще более тягостными, чем в России.

Беглецы укочевали частью в Южный Алтай, частью на реку Урунгу. Н.М. Пржевальский свидетельствует: "Мы шли по средней Урунгу, как раз теми самыми местами, где зимовали киргизы, укочевавшие незадолго перед нашим приходом к верховьям описыва-

емой нами реки. На этой последней, начиная верст за сто от ее устья и до самого поворота гученской дороги вправо от Урунгу, т. е. всего верст за полтора ста зимовые кочевья киргизов встречались чуть ли не на каждом шагу. На всем выше означенном пространстве положительно не было ни одной квадратной сажени уцелевшей травы: тростник и молодой тальник были так же съедены дочиста. Мало того, киргизы обрубали сучья всех решительно тополей, растущими рощами на берегу Урунгу. Множество деревьев так же были повалены: кора их шла на корм баранов, а нарубленными со ствола щепками кормились коровы и лошади.

От подобной пищи скот издыхал во множестве, в особенности бараны, которые возле стойбищ валялись целыми десятками. Даже многочисленные волки не могли поедать такого количества дохлятины, она гнила и наполняла заразою окрестный воздух. При этом падеж тысячных стад чуть ли не сплошную массою лежал по всей долине Урунгу"[11].

По свидетельству Пржевальского, ушедших (частью в Южный Алтай, частью на р. Урунгу) было 1800 кибиток, в том числе приблизительно около 9000 душ обоого пола. Эта цифра, как нам кажется, несколько преувеличена. Мы уже видели выше, что число кибиток, подлежащих переселению с правого берега р. Бухтармы, определялось, хотя и не одинаково, но всегда в пределах 500-600 кибиток.

Встретив в Китае еще большие трудности, уже на следующий год значительная часть этих откочевавших вернулась обратно.

Разумеется, положение их от этого не улучшилось, узкая полоса земли на левой стороне реки Бухтармы, вместо желанного и необходимого для кочевника приволья, скорее походила на тесный коридор, где тысяча (по счету Колпаковского) кибиток, то есть по меньшей мере 5000 душ прямо задыхалось, лишенные какой-либо возможности свободно расположиться со своими стадами.

С 1882 года произошли изменения во взаимоотношениях казахов с Горным правлением. Горький опыт последних лет вынудил казахов отказаться от мысли о "наследованных", "исконных" правах на правый берег. "Пускай он принадлежит Кабинету, - говорили они, - берите аренду за наши летовки, но, по крайней мере не мешайте пользоваться ими"[12].

20 мая 1883 года генерал Колпаковский (военный губернатор Семипалатинской области) в своем донесении на имя министра Двора ходатайствовал о разрешении казахам кочевать в пределах

Алтайского горного округа, на правом берегу р. Бухтармы, в горах Чабанбай. Под Чабанбаем подразумевалось пространство, с севера ограниченное рекою Катунью, а с востока Бельгетаяу, с юга наделами крестьянских деревень Каменушки, Фыкалка, Черновая, Березовая, а с запада горами Салкынтау. За плату в 1000 рублей ежегодно казахам было представлено право кочевать в количестве до 1000 кибиток без ограничения количества скота. Переправа через реку Бухтарма и через прилегающие крестьянские земли должна была производиться по трем заранее указанным дорогам.

Таким образом, уплатив определенную сумму арендной платы Кабинету, бухтарминские казахи получили возможность кочевать на тех самых землях, которые совсем недавно являлись их собственными.

А что касается тех откочевников, которые остались в Китае, то спустя несколько лет они малыми группами начали перекочевывать в сторону Калгуты, Укок, Джазатыр, Джумалы, Аюды, затем к Даргыты, Чанаг-Бургус и далее в Каратал, Карашат на теленгитские земли. Казахи получили эти земли за подарки зайсанам.

Перешедшие затем в подданство России, они, однако, земельного надела не получили и продолжали кочевать на землях чуйских теленгитов.

В 1893 году китайский подданный Абдула Келтеке из рода Саргалдак, перекочевавший с подведомственным ему народом в пределы Российской империи, обратился к русским властям с ходатайством о принятии его с народом в русское подданство и поселении их вблизи урочища Кош-Агач Бийского округа [13].

По поводу выяснения происхождения этих казахов было произведено полицейское дознание, в результате чего выяснилось, что "они никогда в Российском подданстве не состояли: действительно лет 35 тому назад они жили в пределах Семипалатинской области, не будучи российскими подданными, а затем они ушли в Китай и жили там в кереевцах. Около 15-18 лет назад перекочевали опять в пределы России и поэтому ныне ходатайствуют о принятии их в подданство" [14]. Эти казахи перекочевали из Китая во время дунганского восстания к Кош-Агач и проживали на землях Томской губернии, их насчитывалось до 100 кибиток. По соседству с названными казахами кочевали так же более 100 кибиток казахов Чингистайской волости. Переселение было вызвано, как мы уже знаем, избытком земель для русских переселенцев, произведенных в Бухтарминском крае царским правительством.

Переселившиеся с Чингистайской волости казахи платили

определенную дань за использование пастбищ теленгитским зайсанам. Горное правление все эти годы не раз оказывало давление на казахов с целью вынудить их оставить земли на правом берегу Бухтармы. В 1894 году 100 кибиток Чингистайской волости обратились к Семипалатинскому губернатору с заявлением о желании перечислиться на положение крестьян Бийского округа Томской губернии с тем лишь, чтобы им было позволено проживать по правую сторону Бухтармы[15].

Тогда же степному генерал-губернатору было вручено прошение родовых старшин 1-й и 2-й Чуйской волостей Бийского округа Томской губернии Степана Чулукова и Емельяна Тадышева, в котором говорилось: "За последние десятилетия в районе подведомственных нам волостей, по реке Чуе, близ урочища Кош-Агач стали поселяться киргизы Чингистайского уезда Семипалатинской области и в настоящее время их там проживает под предводительством Токтамыша Муова до 100 кибиток ... их баранта и случаи ограбления наших русских торговых караванов заставляют нас, чуйских калмыков, ходатайствовать о выдворении упомянутых киргизов из пределов наших волостей. Нахождение на наших землях чингистайских киргизов нежелательно для нас, обременительно, как стесняющий нас в зверопромышленности и во сборе кедровых орехов"[16].

Надо отметить, что эти обвинения чуйских старшин не имели под собой реальных оснований. Перекочевавшие казахи всегда занимали земли с согласия теленгитов и за определенную плату. Прошение чуйских волостных правителей было вызвано желанием казахов перейти в состав Бийского округа Томской губернии. В случае положительного решения этого вопроса должно было последовать землеустройство казахов, в этом случае теленгитские зайсаны лишались права получать плату за аренду земли.

Просьба казахов не сразу была удовлетворена. Еще долгое время зайсаны занимались вымогательством, ежегодно напоминая, что они живут на чужих землях. С 1905 по 1914 годы теленгитский выборной волостной старшина назначал от себя неофициально, без печати, старшину от казахов. Таковым был Акы Буйдаканов. В 1908 году прибывший по просьбе казахов Томский губернатор указал им для обитания земли по левому берегу Чуи, а теленгитам по правому. Таким образом, устье Чаган-Бургазы, так называемый Каратал, и некоторая часть течения Чуи, выше Кош-Агача, известная под названием Коштал, были заняты исключительно зимовками казахов[25]. Предпринявший летом 1908 года поездку по Алтаю извес-

тний путешественник В.И. Верещагин пишет в своих путевых заметках: "Между Коксу и Ак-Алахой, раскинулась широкая долина, где зимуют киргизы. Они также зимуют от реки Карадумыша до Тархыты, на другой стороне реки Ясатера - в широкой степи Тойдунчель, в верховьях Арыгема, у реки Тарбаган"[17].

Казахское население вело кочевой и полукочевой образ жизни, имея постоянные зимовки. На них были лишь небольшие оседлые жилища, сделанные из дерна. Основным жилищем служила юрта. Около зимовок помещались казахские сенокосы. Тяготение казахских зимовок к Кош-Агачу объясняется тем, что побочным промыслом являлась перевозка товаров по русско-монгольскому тракту. Этот промысел наложил свой особый отпечаток и на скотоводство казахов. У казахов всегда было много верблюдов, на которых перевозилась значительная часть товаров из Монголии до Кош-Агача, так как Кош-Агач служил перегрузочным пунктом на тракте, то становится понятным, почему казахи строили свои зимовки поближе к этому пункту.

В 1912 году управлением Алтайского горного округа было произведено землеустройство, в результате чего земли, которыми пользовались казахи, были отделены от пользования теленгитов. По этому землеустройству казахи получили надел на 672 душ, составив одну, Казахскую волость с селением Юстыд[18]. В последующие годы численность казахского населения Чуйской степи постоянно росла за счет перекочевывающих казахов из Монголии и Бухтарминского края. Чуйская степь привлекала их своим земельным простором.

Первые наиболее полные сведения о казахах Горного Алтая были приведены в книге С.П. Швецова "Кочевники Бийского уезда", изданной в 1900 году. В книге были использованы данные первой Всероссийской переписи населения 1897 года. Согласно итогам переписи в Чуйском районе было зарегистрировано 129 хозяйств из 279 мужчин и 280 женщин, всего 559 человек[19].

По переписи 1897 года в селении Черный Ануй зарегистрировано было всего 252 хозяйств, из них 139 хозяйств русских крестьян, 105 хозяйств казахов, 8 хозяйств алтайцев. Таким образом, главное ядро инородческого селения составляли казахи. Они вели оседлый образ жизни, имели свои дома, занимались звериным и другими промыслами, скотоводством и земледелием.

Всего в Переселенческом районе числилось 134 казахских хозяйств с населением 564 человек (281 мужчин и 283 женщины).

Таким образом, по итогам первой Всероссийской переписи

населения на территории Бийского округа находилось 264 хозяйств казахов с населением 1123 человек (560 мужчин и 563 женщин) [19].

Швецов приводит так же данные о половозрастном составе, о хозяйстве, о грамотности и т.д. У казахов Чуйского района, которые вели полукочевой образ жизни, среднего состава семья имела одинаковое количество мужчин и женщин - 2,4, всего же - 4,8 человек, что несколько больше, чем у казахов, живших в переселенческих поселках, где средний состав семьи - 4,0 человек. Больше половины казахского населения, т.е. 50,2% мужчин и 54,4% женщин составляли люди работоспособного возраста.

По данным Швецова, уровень грамотности среди казахов был очень низкий. Источниками распространения грамотности являлись школы грамотности, содержавшиеся в Горном Алтае на средства Православной церкви. Понятно, что при таких условиях все некрещеное население оставалось лишенными возможности приобрести образование. На 1000 казахов приходилось 25 человек, могущих быть причисленными к грамотному населению.

Основная масса казахов Горного Алтая занимались скотоводством (214 хозяйств или 81,1 % от общего числа хозяйств). В среднем на одно хозяйство приходилось лошадей - 19,3, из них рабочих - 6, крупного рогатого скота - 9,2, овец - 35,2. Казахское земледельческое население почти целиком проживало в переселенческих поселках - Тюдралы, Черный Ануй, где сосредоточено было 40 хозяйств. 9 хозяйств занимались пчеловодством (всего 117 ульев).

Таким образом, формирование казахского населения Горного Алтая было связано с колонизацией Бухтарминской долины русскими переселенцами. Изъятие земель и выселение казахов с данной местности привело к их хозяйственному разорению, стала причиной частых межродовых столкновений из-за пастбищ. Часть населения вынуждена была переселиться в сопредельные районы Китая и Томской губернии, где была продолжена борьба за новые земли. Обедневшая часть казахов-переселенцев видела в принятии христианства единственную возможность поправить свое хозяйственное положение.

В первые десятилетия XX века произошел ряд событий, которые оказали влияние и на жизнь казахского населения Алтая. Это, прежде всего первая мировая война 1914-1918 гг. Усиление социального и национального гнета в военные годы привело к еще большей нищете и окончательному разорению беднейшей части

казахского населения.

В этих условиях был опубликован царский указ от 25 июня 1916 года о "реквизиции инородческого населения" Терской и Кубанской областей Закавказья, Средней Азии и Казахстана и Сибири для создания "оборонных" сооружений в районах действующей армии. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Вслед за объявлением Указа о призыве во всех регионах Казахстана возникли волнения. Этими волнениями было охвачено и казахское население Алтайского края. Наиболее широкого размаха оно достигло в Кош-Агачском районе Бийского уезда Томской губернии [20]. Волнения эти проявлялись в том, что казахи отказались идти на работу, выступали против своих управителей, уничтожали призывные списки, а также откочевывали за границу - в Монголию и Китай. По сведениям начальника Омского военного округа генерала А.А. Таубе, в Кош-Агачском районе численность повстанцев достигла 2 тыс. человек. Казахи-повстанцы были в основном вооружены суюлами и палками с набитыми острыми наконечниками. Против них из Барнаула была отправлена казачья сотня 1-Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска с пулеметами [21].

Сибирская администрация опасалась массовых откочеек в Монголию. Для их предотвращения была установлена связь с монгольским правительством. При казачьей сотне, действовавшей в Кош-Агачском районе, находились представители Монгольского правительства: два местных князя Штейгун и Есатупа. С помощью их часть казахов, откочевавших в Монголию, была возвращена обратно.

В результате карательных действий, восстание в Кош-Агаче было подавлено, руководитель повстанцев Пукербай был арестован. Несмотря на противодействие монгольских властей, часть населения, спасаясь от преследователей, ушла за границу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по обследованию степных областей под рук. Ф. Щербины. Т.5. Усть-Каменогорский уезд. - СПб., 1905. С.5.
2. Там же - С.44.
3. ЦГА РК - Ф.15. -1807. -Л.-39.
4. Самойлович А.Н. Казаки Кош-Агачского аймака Ойратской автономной области. //В кн.: казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Сер. Казахстанская. - Л., 1930. -Вып.15. -С.304.

5. 3Ф ГАВКО. — Ф.6. — Оп.1. — Д.95. — Л.131.
6. ЦГА РК. — Ф.15. — Оп.1. — Д.1807. — Л.Л.42,47.
7. Там же. — Л.45.
8. Шмурло Е. Русские и киргизы в долине Верхней Бухтармы. // Царская колонизация в Казахстане. (по материалам русской периодической печати XIX в.) — Алматы, 1995. — С.28.
9. Крафт И.Н. Сборник узаконений о киргизах степных областей. — Оренбург, 1898. С.346.
10. ЦГА РК. — Ф.64. — Оп.1. — Д.3945. — Л.55.
11. Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами и Тибет. — М., 1948. С.32-33.
12. Шмурло Е. Указ.соч. — С.61.
13. ЦГА РК. — Ф.64. — Оп.1. — Д.930. — Л.5.
14. Там же. — Л.5.
15. Там же. — Д.4412. — Л.3.
16. Там же. — Л.6.
17. Верещагин В.И. Поездка по Алтаю летом 1908г. Путевые заметки. // Алтайский сборник. Изд.Алтайского подотдела ЗСОИРГО. Т.10. — Барнаул, 1910. С.36-37.
18. Самойлович А.Н. Указ.соч. — С.304.
19. Швецов С.П. горный Алтай и его население. Т.1. — Кочевники Бийского уезда. — Барнаул, 1900. С.33.
20. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С.23.
21. Там же. С.493.

З. Н. Айтказина

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им.С.Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ («НОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ»)

Активная гуманизация общественных наук, начиная с середины 1980-х — начала 1990-х годов способствует появлению в научной литературе работ, которые объединены общностью подхода — антропологического, при рассмотрении проблем исследования. «Исследовательский пафос» нового направления, как писал в 1988 году Гуревич А.М., применительно к историческим исследованиям, включает в себя *«раскрытие человеческого содержания истории — во всех без исключения проявлениях общественного человека и, главное, в достижении на этой основе качественно нового историчес-*

кого синтеза». [1, С.86]

Правомерность употребления термина *антропология* в исследованиях не связанных с биологией вызывает множество вопросов и дискуссий ученых, что объясняется, прежде всего, различной трактовкой дефиниции «антропология» (гр. antropos - человек + logos – учение, понятие).

Считается, что впервые термин был употреблен Аристотелем при изучении духовной жизни человека, и только в последствии ему стали придавать несколько другое значение, родственное анатомии и изучающее морфологию человека. [2; С.3] И именно такое определение встречается в отечественных словарях изданных до второй половины 1980-х годов. Например, по «Словарю иностранных слов» 1955 года выпуска представление о предмете антропологии сводится к следующему – «наука, всесторонне изучающая биологическую природу человека (положение человека в ряду органических существ, происхождение человека, древние и современные морфологические, физиологические, половые и возрастные особенности человека)». [3, с.63]

Современная интерпретация термина получает некоторые дополнения – «биологическая наука о происхождении и эволюции физической организации человека и его рас. Основные разделы антропологии: антропогенез, морфология человека... и этническая антропология, т.е. расоведение... В некоторых зарубежных странах (прежде иногда и в России) термин «антропология» понимается иногда как совокупность наук о человеке...» [4, с. 45] Появление подобных замечаний свидетельствует о том, что допускается вероятность, пусть даже гипотетическая, применения антропологического подхода в междисциплинарных исследованиях, в центре изучения, которых - человек.

Следовательно, у представителей отечественной научной мысли есть реальная возможность несколько расширить познавательный потенциал вслед за учеными других стран и выйти на новый уровень анализа, основывающемся на поиске истины с позиции достижения всего комплекса гуманитарных наук.

Одним из *преимуществ* применения данного подхода в исторической науке является то, что он позволяет включать в сферу исторического рассмотрения широкий круг новых проблем и направлений, таких как, социальная психология, история ментальности, «новая демографическая история», историческая психология, политическая антропология, история частной жизни и др.

При этом нельзя не отметить, что познание проявлений чело-

веческой личности и индивидуальности в историческом прошлом всегда привлекало историков. Однако достойными внимания были лишь правители, полководцы, выдающиеся деятели искусства, науки и др. Жизнь «простых» людей, как правило, сливалась в абстрактных масс, и в результате оставалась в осмыслении исторического процесса где-то на обочине. [1, С. 86]

И лишь в современных условиях проблемы изучения истории «среднего» представителя эпохи или социальной среды, его мировидения, стереотипы восприятия и повседневная жизнедеятельность привлекают все возрастающее внимание ученых.

Отношение исследователей к данному подходу, как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке довольно сложное.

Приступая к освещению историографии необходимо, на наш взгляд, отметить, что знакомство с некоторыми зарубежными источниками, рассматриваемых нами, осуществлялось, опосредованно, ввиду их труднодоступности. Вместе с тем, упоминание их необходимо для полноценного историографического обзора.

Историческая антропология, как жанр исторического исследования сформировалась, прежде всего, в *зарубежной историографии*.

Наиболее известной у нас является французская «школа *Анналов*». Начало новому направлению в истории было положено в 1929 году, когда вышел первый номер журнала «*Анналы экономической и социальной истории*», объединившего историков, социологов и филологов.

Основателями «школы Анналов» и первыми редакторами журнала были *Марк Блок* и *Люсьен Февр*.

Своими наставниками М. Блок называет Мишиле и Фюстель де Куланж, которые «уже давно научили нас ... понимать – предмет истории является человек. Скажем точнее люди ... За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самими, казалось бы, сухими документами и инструментами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей». [5, С. 18]

Одно из классических произведений М. Блока, раскрывающее методологические и методические основы «анналистического» подхода, «Апология истории или ремесло историка» разрабатывается в период, когда проблема смысла изучения истории, возможности научного освоения ее содержания стоят особенно остро. Поэтому автор представляет один из возможных вариантов решения проблемы дальнейшего развития истории как науки.

По его мнению, перспективы исторической научной мысли состоят в поиске понимания истоков исторических событий.

История, единственная наука о людях во времени «люди больше походят на свое время, чем на своих отцов...», наука, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых «время истории — это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты». [5, С. 18, 23] Поэтому человек традиционного общества должен изучаться в контексте ментальности своей эпохи, ибо человек объект и субъект истории.

Подобный исторический анализ возможен лишь с применением знаний других наук, например психологии, филологии и др. «Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию». [5, С. 15]

Ключевым понятием для М. Блока и его сподвижника Л. Февра являлось *определение менталитета*.

Само слово «менталитет» ввел в научный оборот в начале 1920-х годов французский антрополог Л. Леви — Брюль. [6, С. 21]

История ментальностей по концепции Л. Февра включает психическую жизнь во всем ее объеме от наиболее эмоциональных проявлений в области чувств до наиболее интеллектуальных форм и области религиозного и научного мышления. [7]

Несколько иное понимание ментальностей было предложено М. Блоком, считавшим, что отделить мир психического, мир представлений от их социальных корней и материальных ограничений, навязываемых обществом невозможно. Поэтому необходимо рассматривать весь общественный организм в целом. [7]

Второе поколение «школы Анналов» оформилось в послевоенный период. Наиболее яркий след в историографии этого периода оставили последователи концепции Л. Февра: Ф. Бродель, Г. Бутуль, Р. Мандру, Ж. Делюмо, А. Корбен и др.

Так, Г. Бутуль в 1952 году более подробно развернул дефиницию менталитета в монографии «Менталитет». «Менталитет — это совокупность идеи и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет находится между нами и миром, как призма». [8, с. 159 - 160]

Рассматривая психологическую теорию ментальностей Робер Мандру, Жан Делюмо, Алэн Корбен большое внимание уделяли влиянию на деятельность человека страха, ощущения безопасности, его отношения к телесности и др. В результате, иногда их работы квалифицируют как «историю чувств». [7]

Фернан Бродель - автор работ по истории Франции написанных в «анналистическом» ключе, редактор журнала издававшегося уже под названием «Анналы: экономики, общества, цивилизации». [9] В своих научных изысканиях особое значение придавал истории «временной протяженности». Он полагал, что с помощью этого «языка» постичь «глубинный смысл истории, по воле которой одна Франция сменяла другую, - прекрасная цель...», которая «помогает не судить на одну из судеб, но находить ей место и объяснение... отличать главное от второстепенного». [10, С.424 - 425]

Ф. Бродель выделил три времени исторической реальности: время чрезвычайно большой протяженности (природные ритмы и экономические структуры), время конъюнктур (в социальной сфере), и краткое время (событийная история). Главная и единственная проблема для него - «показать, как разные времена движутся с разной скоростью». [9]

Например, рассуждая о «большой временной протяженности» Ф. Бродель поясняет вложенный в это определение смысл: «исторические перемены и сдвиги в разных ее (Франции) регионах и областях никогда не совпадали ни по сути, ни по времени. Страна двигалась вперед, но не сплошным строем, не в едином ритме. Впереди шли застрельщики прогресса... но позади них плелись отстающие, составляя большинство... так что общий экономический прогресс страны зависел от сложения этих разных Франций» [10, С.425, 174] Кроме относительности исторического времени автор развивает мысль о некой цикличности исторического развития: «перемен много, а по сути все одно и то же... непрерывность некой неспешной истории, постоянство похожего, монотонное повторение, реакции, которые легко предвидеть, ибо они всегда или почти всегда одни и те же...», при этом «случаются, разумеется, сломы, разрывы, но они никогда не разрубают всю толщу истории надвое». [10, С.424 - 425]

Конец 1960-х - 1970-е годы ознаменовали начало нового этапа для «школы Анналов». Историческая антропология превратилась из подвижных усилий ученых - энтузиастов в широкое общепризнанное течение исторической мысли, вобравшие в себя целый спектр смежных подходов и направлений. Разочарованию в возможностях экономической истории и обращению историков к изучению ментальности способствовали успехи этнологов-африканистов, представителей социальной антропологии (в лице, прежде всего, К. Леви-Строса), работы которых показали необходимость постижения систем ценностей и форм мышления, отличных от тех,

то присущи европейцам нового времени. [11, С.91]

В США наиболее влиятельным в исторической антропологии стало психоаналитическое направление - применение неопрейдизма к изучению личности и массовых движений в истории, развивающееся под именем психоистории.

Шкуратов В.А., анализируя это направление, предлагает в своей работе «Историческая психология» следующие варианты:

«а) Литографическое описание прошлого на основе учения об индивидуальном бессознательном, вне критериев достоверности, принятых в исторической науке (в первую очередь - работы самого З. Фрейда о Леонардо да Винчи, о происхождении цивилизации, религии и морали);

б) глубинные толкования коллективных символов (аналитическая психология К. Юнга);

в) психологические объяснения социальных институтов и типов личности на основе клинических аналогий (неопрейдизм);

г) разработка психоаналитических схем применительных к требованиям документальной обоснованности исследования (психоистория). Теория психоанализа - психотерапевтическая, то есть выводит развитие общества из глубинных предрасположенностей человека». [12, С.136 - 137]

Уникальность открытий З. Фрейда в области психиатрии оказалась настолько значима, что оформились в научное направление, имеющее мировоззренческий характер.

Фрейд и Павлов впервые положили эксперимент в основу изучения процессов мышления и нашли закономерности восприятия человеком внешней среды, возникновения условных рефлексов, влияния подсознания на деятельность человека. [13, С.4] З. Фрейд открыл проблемы, психические механизмы, феномены, факты, касающиеся обширного пласта регуляции человеческого поведения, в котором представлена область бессознательного; выдвинул и обосновал учение о характере, не с художественной, а с научной точки зрения. [14, С.419; 15, С.13-14]

Исследуя природу неврозов и разрабатывая теорию психоанализа, он обращается к истокам культуры, нравственности, религиозных верований. Полагая, что рождение человека из животного произошло с появлением феномена совести, который в свою очередь возник из первородного греха - убийства лидера соплеменниками, из-за сексуального соперничества детей и отцов. Преступление породило раскаяние и клятву не совершать таких деяний. Таким образом, «в Эдиповом комплексе совпадают начала религии,

нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов». [16, С. 178] Следовательно, социальные моменты, определяющие эволюцию культуры на ранних стадиях ее развития, по существу, полностью игнорируются. Ключевым для З. Фрейда становится представление о том, что поведением людей правят иррациональные психические силы, а не законы общественного развития. [14, С. 421, 426]

В целом, современная психоистория предпочитает брать учение Фрейда более ограниченно, как теорию человека в обществе. При этом навыки психоаналитика улавливающего глубинные мотивы человеческого поведения, признаются ценными и соответствующими характеру работы историка. [12, С. 140]

В Великобритании значительный вклад в разработку методологии исторической антропологии внес английский историк П. Берк. Так, в книге «Историческая антропология в Италии начала нового времени» он выделяет пять характерных черт исторической антропологии: Во-первых, она в отличие от многих работ по социальной истории, описывающих общие тенденции на основании количественных данных «намеренно качественна и фокусирует внимание на особых случаях». Во-вторых, авторы историко-антропологических исследований избирают предметом своего изучения не судьбы миллионов людей, а подчас малые сообщества. Такая «микроscopicность» нужна для предания исследованию «большей глубины, большей красочности и жизненности». В-третьих, вместо каузальных объяснений на основе долговременных тенденций историко-антропологи прибегают к тому, что этнолог К. Гиру назвал «плотным, насыщенным описанием», то есть к «интерпретации социального взаимодействия в данном обществе в терминах норм и категорий самого этого общества». В-четвертых, историки антропологического направления уделяют большое внимание символизму повседневной жизни. В-пятых, - теоретические истоки: если социальная история вдохновляется теориями Маркса и Вебера, то для историков-антропологов их «великая традиция» идет от Э. Дюркгейма и А. ван Геннера. [11, с. 92 - 92]

Во Франции, продолжая традиции основателей «школы Анналов», внимание ученых привлекают, прежде всего, проблемы менталитета и особенности психологии поведения людей изучаемой эпохи. Например, в трудах известных научных деятелей Филиппа Арьеса и Мишеля Фуко разрабатываются проблемы «ментального инструментария» - границы мыслимого и немислимого в опре-

деленную эпоху. В целом, по словам Жака ле Гоффа (главы школы с 2002 год) в последние годы школа переживает кризис «роста и изменения»: «журнал, столь устойчиво связанный с идеей обновления продукт своего времени, и в новой историографии не могут не найти своего выражения изменения обществ и знаний о нем. Поэтому нужно быть внимательным к тому, что рождается». [7]

Таким образом, пройдя ряд этапов становления «анналистический» подход плодотворно используется исследователями зарубежных стран «историки постепенно совершают «тихую» революцию в исторической науке, «изнутри» все выглядит как кропотливая и планомерная научная работа над давно известными фактами». [9]

Таковы основные тенденции развития исторической антропологии в западной историографии.

В советской историографии проблемы «обновленческого» подхода привлекают к себе внимание в 1960-1980 годах.

Первоначально данный подход реализуется применительно к психологическим явлениям в практических и теоретических исследованиях Л. С. Выготского и его школы. [17]

Очевидным свидетельством научного интереса историков к историко-психологической проблематике, явилась книга Б. Ф. Поршнев «Социальная психология и история» опубликованная в 1966 году. Автор пишет о повышении интереса исследователей к данной теме, объясняя его неотложными практическими задачами воспитания нового человека в соответствии с идеологическими установками времени. При этом он отмечает, что еще В.И. Ленин в своих работах о революции разрабатывал проблемы социальной психологии: изучал «народную психологию», «социальные психологические условия» для революции, отражение идеологии в психологии, взаимоотношение партии с массами и классами. Соответственно, требованием подлинной исторической науки является видеть реальность во всей ее наготе, познать специфические закономерности отдельных уровней и сторон общественной жизни людей. [18]

В конце 1960-х - начале 1970-х годов под руководством Б. Ф. Поршнева работает межинститутский семинар по исторической психологии. В 1987 году при научном совете по истории мировой культуры Президиума АН СССР начал работать аналогичный семинар, под руководством А. Я. Гуревича. Восстановление семинара участники рассматривали как продолжение одного из незавершенных начинаний 80-х годов. [19, С. 183]

В 1970 годы исследования в этом направлении были факти-

чески свернуты, лишь в конце 1980-х годов наметился сдвиг. Отсутствие интереса исследователя к антропологическому подходу в советской исторической науке объясняется, прежде всего, борьбой материалистического понимания истории против идеалистического. Антропологический принцип был отнесен к идеалистическому, а значит к неправильному – «ненаучное объяснение явлений общественной жизни свойствами и потребностями отдельных людей как биологических существ, а не на основании исторических законов развития общества. Антропологизм характеризует ограниченность до марксистского материализма (например, Фейербаха), недошедшего до материалистического понимания истории». [3, С. 63]

В постсоветский период наблюдается устойчивая тенденция увеличения внимания исследователей к проблемам исторической антропологии. Наиболее характерны эти тенденции для исследований по проблемам исторических ментальностей. Значительно менее антропологический подход выражен в истории частной жизни, истории женщин и др., которые еще только переживают стадию своего оформления. [1, С. 86]

В 1989 году в Москве издательство «Наука» открывает целую серию исследований по социальной истории и исторической культуре под названием «Одиссей», целью которых является разработка проблем антропологически ориентированной истории.

Мировосприятие и культурная традиция, религия и психология – суть та среда, в которой выплавляются человеческие реакции на внешние стимулы, не говоря уже о том, что широкий пласт поступков вообще диктуется сложившимися идеалом и культурными моделями, а не материалами интересами. «Поэтому человек с его внутренним миром, в свою очередь исторически и культурно обусловленным не может не стоять в центре гуманитарного исследования». [19, С. 7, 8]

В 1993-1994 гг. в Москве прошли три конференции: осенью 1993 года в Российском Государственном Гуманитарном Университете состоялась международная конференция на тему «Менталитет русской культуры»; в июне 1994 года в институте всеобщей истории РАН имело место другое представительное научное собрание, посвященное проблеме «Менталитет и аграрное развитие»; в октябре 1994 года на конференции в Институте Российской истории РАН обсуждалась тема «Русская история: проблемы менталитета». Как отмечает А. И. Куприянов, общей чертой большинства работ, посвященных изучению ментальности, является недостаточное внимание к методологическим проблемам исторического исследования и

игнорирование опыта, накопленного в этой области зарубежными и отечественными историками. [1, С. 87]

Периодически в свет выходят работы имеющие предметом изучения собственно *историографию историко-антропологического направления*.

Значительную научную ценность имеют труды М. М. Крома. Например, в работе «Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии)» М. М. Кром характеризует историографию антропологического подхода в истории и отмечает, что «завоевав мировое признание, новое направление получило... весьма расплывчатые очертания, включив в себя самую разнообразную тематику: народную культуру и политическую антропологию, историю семьи, историю частной жизни и т.п... Если одни исследователи придерживаются предельно широкого взгляда на историческую антропологию и ее задачи, то другие оценивают это направление более критически, указывая не только на его сильные стороны, но и на возможные границы применения историко-антропологического подхода». [11, с. 91] Также в работе автор подвергает критическому анализу произведения американских ученых о средневековой допетровской Руси. При этом, отмечая, что историческая антропология «сформировалась сначала на материале средневековой Европы, и произошло это на лет десять раньше, чем были сделаны первые попытки распространить ту же исследовательскую парадигму на Московскую Русь». [11, с. 90]

Свой вклад в изучение историко-антропологического направления внес научный деятель М. Кошкин. Рассматривая проблемы исследовательского поиска французской исторической школы «Анналов» он отмечает, что тематика ее приверженцев постоянно менялась. В частности, в средний период (1945-1968 годы) школа изменялась от экономической и интеллектуальной истории к «геоистории», исторической демографии и истории ментальностей, переросшей со временем в историческую антропологию. В свою очередь для поздней школы был характерен антропологический эмпиризм. Таким образом, М. Кошкин предлагает периодизацию историографии историко-антропологического направления. [9]

Большой интерес представляет статья белорусского ученого Ольги Шумовой «Гендерный подход междисциплинарность в историографии», поскольку отражает одну из позиций историков о развитии и появлении исторической антропологии, а именно, нарастающий интерес к изучению проблем исторической антропологии (в

частности к «женской» или «гендерной истории») объясняется ими проявлением постмодернизма в исторической науке. Так, констатируя факт проявления постмодернизма в «отечественной историографии» О. Шутова приходит к выводу, что «Мир может быть познан только в форме литературного дискурса», он открывается человеку «лишь в виде рассказов, нарративов о нем», ввиду того, что «дискурсивные практики, как челнок, пронизывают многоцветную ткань исторического гобелена, отражая и даже во многом определяя гендерные, этнические, классовые отношения, что особенно важно в ситуации постмодернистского осознания взаимозависимости всех сфер истории и взаимопроникновения научных дисциплин». [20]

Методологические проблемы исторической антропологии и изучения ментальностей разработаны, прежде всего, в работах А.Я. Гуревича. Так, определяя главные задачи, методы и пути исследования в исторической антропологии, он отмечает, что «одна из главных задач исторической антропологии и состоит в воссоздании картин мира, присущих разным эпохам и культурным традициям, и тем самым в реконструкции субъективной реальности, которая была содержанием сознания людей данной эпохи и культуры и определило стиль и содержание последней, характер отношения этих людей к жизни, их самосознание». [21, С. 57]

Издаются учебные пособия, посвященные конкретно антропологической проблематике или написанные в историко-антропологическом ключе: А.Я. Гуревич, Д.Э. Харитонович «История средних веков», Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. «Политическая антропология»; Шкуратов В.А. «Историческая психология» и др., что свидетельствует о введении данных дисциплин в учебные программы университетов.

Так, в 1995 году под редакцией В.В. Ильина издается теоретическое пособие «Политическая антропология» из серии «Теоретическая политология: мир России и Россия в мире». Ценности, приоритеты политической антропологии концентрируются в принципе «не человек для общества, а общество для человека». «Политическая антропология — наука о «человеке политическом»: о субъекте политического творчества, его возможностях, границах, специфике его воздействия на социальную и духовную среду общества... Новая для научного сообщества дисциплина. Новым в нашей общественной науке является вопрос о специфической мотивации «человека политического», о политике как призвании и профессии, как цели и как средстве, как творчестве и как ритуале». [22, С. 88]

Авторы данной работы выделяют такие вопросы, как гумани-

ция политики, самодостаточность «просточеловека» перед лицом индустрии власти, достижения консенсуса, в выработке, принятии и пропедении политических решений, осуществление гуманитарной экспортизы властно-государственных действий, типология политических деятелей по мотивации и характеру политической деятельности.

В 1995 году А.Я Гуревич в соавторстве с Д.Э. Харитонович выпускают учебник «История средних веков», созданный в русле антропологически ориентированной истории». Авторы исходят из положения, что единицей исторических процессов является человек. Объяснения событий средневековья и структур – социальных, экономических, политических, духовных – ведется исходя из взглядов, чувств, устремлений, ценностей людей той эпохи. [23]

В 1997 году в Москве выходит одно из первых в мировой психологии учебное пособие В.А. Шкуратова «Историческая психология», посвященное развитию психологии человека в человеческой истории. В работе дана подробная характеристика психологии разных исторических эпох, прослеживается культурная история слова, языка и письменности, историческое развитие восприятия, памяти и мышления. Подробно рассмотрены направления и школы исторической психологии. Шкуратов В.А. отмечает: «История и психология, объединяя свои достижения, обещали представить психологическую картину прошлого без анахронизмов (то есть не приписывая эпохе не свойственных ей черт), полно (то есть с опорой на последние знания о психике и личности) обосновано (в эмпирическом отношении), исторично (принимая во внимание развитие и преемственность психологических феноменов во времени)». [12, с. 49]

В Санкт-Петербурге издательством Санкт-Петербургского университета в 1997 году опубликованная монография Бобровой Е.Ю. «Основы исторической психологии». Автор представляет историко-психологическую типологию личности, типологию исторических деятелей, объясняет такие явления, как массовая политизация общества, массовые психологические эпидемии, историческая деятельность лидеров и масс. В работе предлагается историко-психологическая концепция личности и индивидуальности, раскрываются историко-психологические механизмы социализации и индивидуализации личности, разработанные на основе достижений отечественной и зарубежной психологии. [24]

Необходимо отметить также, что антропологический подход находит свое применение не только в исторической науке, но и в

других гуманитарных дисциплинах.

Издательством «Лань» города Санкт-Петербурга в 1997 году публикуется серия учебных пособий: «Основы социальной антропологии» В.В. Шаронова, «Философская антропология» Б.В. Маркова, в которых излагается история становления, предмет, основные проблемы, научный статус и место в современном человековедении определяемых дисциплин. [25, 26] «Философская антропология представляет собой учение о природе (сущности) и предназначении человека как продукта, а также субъекта – носителя и творца истории. Ее модификацией является социальная антропология, которая выясняет и описывает соотношение человека (субъекта) созданных его деятельностью общественных отношений и институтов. Объектом непосредственного интереса социальной антропологии выступают те качества человека, которые «делают» его творцом социальных форм бытия. Иными словами, она исследует субъективные факторы формирования объективных общественных форм, а также – самого «механизма» этой объективации». [26, С. 18]

В казахстанской историографии также как и в российской наибольший интерес в историко-антропологической проблематике вызывают вопросы менталитета.

Так, А. Калмызбаев в статье «Национальный менталитет и национальный дух» отмечая необходимость познания «менталитета народа» выделяет особенности национального менталитета казахов «внешне прост и скромнен, открыт и обычен... по природе миролюбив, безмятежен, но когда требуют обстоятельства, он несокрушим, негибем, безжалостен к нарушителям национального покоя». [27]

В целом, характеризуя постсоветский период развития исторической науки, можно отметить, что учеными разрабатываются в основном теоретические проблемы исторической антропологии, внедрение антропологического подхода исследователями в своих трудах начинается лишь с середины 1990-х годов.

Становление и развитие «новой демографической истории», как одного из основных направлений исторической антропологии исследователи связывают, прежде всего, с использованием качественных методов в демографии, «пришедших» из социологии, антропологии, психологии и других наук (история жизни – «жизненный путь», обоснованная теория и т.д.).

Предметом изучения «новой демографической истории» традиционно являются все субъективные аспекты демографии, а именно оценка возрастов жизни (особенно детства и старости), восприятие смерти, болезни, телесности, отношение к женщине, роль

брака и семьи, сексуальная мораль и практика. [7]

Интерес зарубежных демографов к методам качественного анализа возрастает преимущественно во второй половине XX века. Обоснованием для использования качественных методов послужили необходимость расширения методического и методологического инструментария демографов, и, «возросшая гуманистическая ориентация общественной жизни». [28, С. 76]

Например, разработка проблем «качественной» демографии, была проведена:

- В 1951 году под эгидой IUSSP для изучения высокой рождаемости и прироста населения стран, испытывающих модернизацию, был создан комитет, председатель Фрэнк Нотестайн. Подходы применяемые в исследовании: структурный функционализм, фокус на культурных механизмах как основе гомеостазиса между населением и ресурсами. Итогом проекта явился сборник «Культура и рождаемость» (1954 год); [29]

- В Великобритании в 1966 году кэмбриджской группой ученых было проведено историческое исследование домохозяйств, с применением качественной методологии;

- В 1988 году IUSSP создал комитет по антропологической демографии, под руководством Джека Колдуэлла (Австралия). Результатом работы группы стала публикация книги «Micro - approaches to demographic research», в которой Джека Колдуэлл подчеркивал ограниченность традиционных методов демографии и недостаточную развитость демографических теорий, предлагая переместить фокус на локальные исследования с применением качественных микро-методов, широко используемых социологами, этнографами и др.; [29]

- В 1980 – 1990 годы демографами NIDI в Голландии проведена серия исследований объединенных общим подходом – рассмотрение демографических феноменов и процессов в рамках концепции «жизненного пути» и др.; [30]

- В 1987-1995 годы при изучении миграции между США и Мексикой в рамках проекта Mexican Migration Project (MMP) проводилось исследование с применением метода «этноисследования», комбинирующего количественный и качественный подходы. Данный метод позволил изучить такие проблемы как: нелегальная иммиграция из Мексики в США, годовые потоки денежных переводов, воздействие американской иммиграционной политики на объем и состав иммиграционных потоков, влияние ограничительных мер на уровень оплаты труда иммигрантов из Мексики и др. [29]

С начала 1980-х годов исследователями разрабатываются постоянно совершенствуются компьютерные программы для качественного анализа, что значительно расширяет его возможности. Наибольшее распространение получила серия программ NUDIST фирмы QSR (QUALITATIVE SOLUTIONS AND RESEARCH), которая помогает исследователям разными способами интерпретировать, управлять сложными массивами данных, осуществлять поиск интерпретацию данных в контексте проблемы, определять зависимости смысла и значения, создавать и проверять трактовки и объяснения, соотносить теории с данными. Признанными специалистами в этой области считаются:

Том Ричардс - основателем фирмы QSR, написал первую версию программы NUDIST и продолжает создавать и совершенствовать новые программы. Широко публикуется по вопросам качественного анализа и компьютерных наук («Language of Reason» 1978 год, «Clausal Form Logic» 1989 год);

Лин Ричардс - директор научного подразделения QSR, младший профессор-исследователь качественных методологий (Adjunct Research Professor of Qualitative Methodology) в University of Western Sydney, Macarthur и младший профессор в международном институте качественных методологий (Adjunct Professor at the International Institute of Qualitative Methodology). Автор документов и описаний сопровождающих программы, разрабатывает материалы для обучающих семинаров, преподаёт спецкурсы по качественному анализу с применением компьютеров в более чем 13 странах (ранее преподавала курсы по семье, гендерным исследованиям). Публикует книги о компьютерных программах для качественного анализа (Lyn Richards, Pat Bazeley «The NVivo Qualitative Project Book») и др. [31]

Таким образом, к настоящему времени — «качественная» демография получила признание в научной среде многих стран мира и активно внедряется на практике.

Интерес к субъективным аспектам демографии у советских демографов проявился в 1970-е годы, и был обусловлен усилением внимания к вопросам методологии анализа проблем народонаселения в целом и соответственно к качественной методологии. Но применение качественных методов, как правило, велось в качестве дополнения к основному количественному исследованию.

Изучая феномен малодетной семьи и потребность в детях, В.В. Бойко использовал метод эксперимента при рассмотрении «чадолюбия». Основной причиной побудившей его к проведению опы-

та было то, что «эксперимент позволяет обнаружить ... в «чистом иде» ... что не всегда удастся подметить в обыденных поступках людей» [32, С.38] Подводя итоги исследования «чадолюбия» автор пришел к выводу, что снижение «чадолюбия» одна из важных психологических причин ограничения рождаемости (в крупном городе), существенный фактор определения репродуктивного поведения и установок.

А Антонов разрабатывая проблемы рождаемости и семьи, применял метод семантического дифференциала (СД). Для определения применимости метода СД, при «измерении репродуктивных установок» была проведена экспериментальная процедура. Рассуждая о методе СД при экспериментальных исследованиях «аудиторных установок», автор отмечает, что СД «позволяет проникнуть в структуру установки, фиксируя ее составляющие. Когнитивный... Эмоциональный... Побудительный компонент... выявить качественную сторону установок, например отношение к полу ребенка... к усыновлению, ... средствам предупреждения беременности...» По мнению А Антонова, сопоставление количественных показателей о числе детей и данных СД «повышает надежность информации... измерения установок детности... Развитие методов исследования репродуктивных установок и мотивов должно проводиться во многих направлениях...». [33, С.52]

При исследовании особенностей рождаемости в среднеазиатском регионе активно использовался метод интервью. Например, в целях апробации индикаторов репродуктивного поведения, посредством которых в перспективе возможно было бы провести углубленное репрезентативное (количественное) исследование, и, для предварительной характеристики рождаемости в Туркменской ССР было проведено пробное интервьюирование. [34, С.119] В 1981-1983 годах Таджикским университетом по некоторым районам Таджикской ССР было проведено выборочное обследование репродуктивного поведения семей. Для выявления качественных и количественных показателей изменения типа воспроизводства коренного населения Таджикской ССР применялись методы анкетирования и интервьюирования. [35, С.132]

Активное внедрение на практике субъективных демографических аспектов в качестве самостоятельных научных изысканий, создание методических пособий началось в 1990-х годах. При этом, необходимо отметить, что разработка проблем методологии и применения качественного подхода проводилось преимущественно социологами и психологами, а не демографами. Обоснованием

включения данных работ в историографию направления «новой демографической истории» послужила демографическая тематика исследований, а также общий методический инструментарий социальных наук.

Практические исследования по технике качественного метода «история жизни» начаты в 1990 году в Институте социологии РАН в рамках российско-французского проекта «Век социальной мобильности в России» (руководители Д. Берто и В. Семенова). На конец 1990-х годов существует уже несколько научных центров, которые ведут наиболее активную исследовательскую и издательскую деятельность в этой области: Московский гендерный центр (М. Малышева, В. Константинова, Т. Клименкова), Институт социологии РАН (Е. Мещеркина, В. Семенова), Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (В. Воронков, Е. Здравомыслова). [28, С. 77]

Под эгидой Института социально-экономических проблем народонаселения РАН во второй половине 1996 г. было проведено совместное российско-американское социологическое исследование, посвященное состоянию брачно-семейных отношений в России в период социально-экономических реформ. Результаты, представленные в совместном труде Н. Римашиевской, Д. Ванной, М. Малышевой, Л. Куббинс, Е. Мещеркиной и М. Писклаковой «Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году». Исследование проводилось в Москве и в регионах Псковской и Саратовской области на основании анкетного опроса мужей и жен, а также дополнялось глубинными интервью. В работе присутствует анализ исследовательских методов, описываются механизмы воспроизведения устойчивых тенденций во взаимоотношениях супругов, раскрываются такие проблемы как: гендерные представления и характеристики; материальные условия жизни семей и их здоровье; представление о браке, о разводах, о насилии и др. [36]

В целях выявления репродуктивного поведения женщин и самообъяснения ими этого поведения в 1997 году научным сотрудником Института социологии РАН О.Г. Исуповой проведено интервьюирование тридцати женщин репродуктивного возраста. Исследование установило, что материнское поведение – это зависимая от социальных условий и от различных групп мотивов переменная величина, а не сформированный с детства психобиологический конструктор. В мотивационном ряду автор выделил несколько основных групп: «мужчина», «ребенок», «я сама», «материнство как идентичность», отмечая при этом, что все мотивы могут иметь для женщин

как ценностный характер, так и инструментальное значение. [37]

С позиции качественной методологии рассматриваются также проблемы миграционной активности. В монографии «Психологическая адаптация эмигрантов (на материале исследования иракских эмигрантов в Швеции)» написанной Вахид Хармзом (уроженец Ирака, по политическим мотивам эмигрировавший в Швецию, получивший высшее образование в Санкт-Петербургском университете, на отделении факультета психологии, и защитивший в 2000 году кандидатскую диссертацию, основные материалы которой включены в данную книгу) с точки зрения адаптации анализируются феномены инкультурации, психологической защиты, копинг – поведение и др. При проведении исследования автор использовал несколько экстенсивных и интенсивных методов, в том числе такие качественные методы как *наблюдение, метод направленной беседы, клинико-биографический метод*. Кроме того, описано большое количество методик, получивших широкое применение в общепсихологических и кросс - культурных исследованиях. Обобщая эмпирические данные, Вахид Хармз выделил системообразующие факторы межкультурной дезадаптации в изучаемой группе эмигрантов: низкий образовательный уровень эмигрантов; резкий разрыв в этнических стереотипах у иранцев и шведов; рассогласование между потребностями и возможностями их реализации (невозможность вернуться на родину); наличие интрапсихологического конфликта, связанного с мотивационной напряженностью и когнитивным диссонансом (неопределенность в будущем), что способствует возрастанию напряженности. [38, С. 106] Следовательно, наличие «психологического сопровождения эмигрантов является чрезвычайно важным фактором успешности их адаптации» считает автор, и делает вывод, что целесообразным является «включение психолога в эмиграционный комитет и в комитет по защите прав эмигрантов». [38, С. 142]

В 1993 году выходят в свет учебные пособия В.В. Семеновой по качественной методологии в целом (переиздано в 2001 году), и С.А. Белановского по проведению глубокого интервью в частности (переиздано в 1998 году). [28, 39] Авторы отмечают, что данные работы являются одними из первых в отечественной практике учебно-методических пособий по качественной методологии в виду характерного для социологии советского периода, и вообще для всей мировой социологии, «противостояния макро- и микроанализа». [28, С. 8]

Известный социолог, автор основополагающих трудов по ме-

тодологии и методике поведения социологических исследований В. А. Ядов в очередном переиздании учебного пособия «Стратегии социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности» за 1998 год включил новую главу, написанную В.В. Семеновой «Качественные методы в социологии», что является несомненным признанием важности дальнейшей разработки данного направления. [40]

Существенный вклад в расширение методического инструментария качественных исследований русскоязычных специалистов внесли американские исследователи Ансельм Страусс и Джульет Корбин, работа которых в 2001 году издается в переводе с английского на русский язык Т.С. Васильевой «Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники». Это первая публикация на русском языке по обоснованной теории (grounded theory), которая заняла прочное место в зарубежной практике. Книга адресована исследователям различных дисциплин, заинтересованным в «построении индуктивной теории путем качественного анализа». [41, С.9] При этом, типология качественного исследования включает в себя: обоснованную теорию, этнографию, феноменологический подход, историю жизни и анализ разговора. Более подробно авторы разбирают процедуры и техники обоснованной теории и иллюстрируют ее примерами из исследовательской и преподавательской практики. Согласно критериям обоснованной теории она должна: соответствовать реальности, быть понимающей, обобщающей и контролируемой. [41, С.21] Главная идея обоснованной теории состоит в том, чтобы строить теорию во время самого исследовательского процесса, «развертывать из данных», эмпирических свидетельств в конкретных жизненных ситуациях. [42, С.227]

В Казахстане лишь в конце 1990-х годов предпринимаются единичные попытки провести исследования в ключе изучения субъективных демографических аспектов, и в основном в качестве дополнения к количественным разработкам. При этом публикация результатов большинства подобных обследований еще не осуществилась.

Таким образом, историография «новой демографической истории» свидетельствует об этапе становления подхода и ознакомления отечественных исследователей с достижениями в этой области зарубежных ученых.

Из выше сказанного следует, что применение антропологического подхода в исследованиях историко-демографического

направления, а именно использование методов: история жизни - «жизненный путь», нарративное интервью, обоснованная теория и др. позволяют глубже понять события, явления и процессы, протекавшие в прошлом и наблюдаемые в настоящем, следовательно, являются вполне обоснованным и перспективным. «Надо писать историю, в которой действуют живые люди. Таково требование, которое трудно выполнимо, но справедливо». [43, с. 209]

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления// Отечественная история. - 1996. - №4. - С. 86-99;
2. Абдина А.К. Проблемы философской антропологии (традиции иррационализма): диссертация на соискание степени кандидата философских наук. - Алматы, 1997. - 114 с.;
3. Словарь иностранных слов. - 5-е изд. - М., 1955. - 856 с.;
4. Словарь иностранных слов. - 17-е изд., испр. - М.: Рус. яз., 1988. - 608с.;
5. Блок М. Апология истории или ремесло историка. - М.: Наука, 1973. - 256с.;
6. Русская история: проблемы менталитета// Преподавание истории в школе. - 1995. - №3. - С. 21-29;
7. Майзульс М. Историческая антропология. Российско-Французский центр исторической антропологии имени Марка Блока// <http://cmb.ruh.ru/page/cmb/maizuls3>;
8. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки// Отечественная история. - 1995. - №3. - С. 158-165;
9. Кошкин М. Школа «анналов»: в поисках утраченного факта. Топос. Литературно-философский журнал, 18.10.2002.// <http://www.topos.ru/articl/607>;
10. Бродель Ф. Что такое Франция?: Книга вторая: Люди и вещи, ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в.- М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. - 511с.;
11. Кром М.М. Антропологический подход к изучению русского средневековья// отечественная история. - 1999. - № 6. - С. 90-106;
12. Шкуратов В.А. Историческая психология.-2-е, переработанное изд. - М., 1997. - 505с.;
13. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. - М.: Просвещение, 1989. - 448с.;
14. Басин Ф.В., Ярошевский М.Г. Фрейд и проблемы психической регуляции поведения человека// Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции.- М.: Наука, 1989. - 456с. - С 419-456;
15. Гуревич П. Загадки архаической культуры// Фрейд З. Тотем и табу: Сб. - М.: Олимп; ООО «Изд. АСТ-ЛТД», 1998. - 448с. - С. 7-15
16. Фрейд З. Тотем и табу: Сб. - М.: Олимп; ООО «Изд. АСТ-ЛТД», 1998. - 448с.;

17. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 Т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.; Леонтьев А.К. Избранные психологические произведения: в 2 Т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1. – 392 с.;
18. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1966. – 213 с.;
19. Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и исторической культуре. – М.: Наука, 1989. – 198 с.;
20. Шутова О. Гендерный подход и междисциплинарность в историографии// <http://envila.iatp.by/9-centre/another2/article20.html>.;
21. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология// Вопросы философии. – 1988. – №1. – С. 56-70;
22. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. – М.: Изд. МГУ, 1995. – 254 С.;
23. Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. – М, 1995. – 336 с.;
24. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1997. – 236С.;
25. Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. – СПб.: Изд. «Лань», 1997. – 192 с.;
26. Марков Б.В. Философская антропология. – СПб.: Изд. «Лань», 1997. – 384 с.;
27. Калмырзаев А. Национальный менталитет и национальный дух// Мысль. – 2000. – №8-9. – С.19-28;
28. Семенова В.В. Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.;
29. Опара О. Тема: А22: Использование качественных методов в демографии/изучении народонаселения // Материалы международной летней школы «Актуальные вопросы преподавания демографии в системе высшего образования». 2001 год. – 8 с.;
30. Опара О. Тема: А17: Демографические явления (феномены), структуры и процессы: количественный и качественный подходы // Материалы международной летней школы «Актуальные вопросы преподавания демографии в системе высшего образования». 2001 год. – 6 с.;
31. Опара О. Люди работающие на фирме QSR (QUALITATIVE SOLUTIONS AND RESEARCH)// Материалы международной летней школы «Актуальные вопросы преподавания демографии в системе высшего образования». 2001 год. – 1 с.;
32. Бойко В.В. От чего зависит потребность в детях?// Рождаемость: известное и неизвестное. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 118 с. – С. 30-49;
33. Антонов А. Репродуктивные установки и их изучение// Демографическая ситуация в СССР. (Народонаселение.) – М.: Статистика, 1976. – 119 с. – С. 34-53;
34. Кадыров Ш.Х. Рождаемость в туркменской семье (результаты пилотажного обследования)// Детность семьи: вчера, сегодня, завтра.

- (Демография: проблемы и перспективы.) – М.: Мысль, 1986. – 204 с. – С. 117-131;
35. Исламов С.И. Особенности репродуктивного поведения таджикской семьи// Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. (Демография: проблемы и перспективы.) – М.: Мысль, 1986. – 204 с. – С. 132-145;
36. Римащевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. – М.: Academia, 1999. – 272 с.;
37. Исупова О.Г. Социальный смысл материнства// Социологические исследования. – 2000. – №11. – С. 98-107;
38. Хармз В. Психологическая адаптация эмигрантов (на материале исследования иракских эмигрантов в Швеции). – СПб.: Речь, 2002. – 240 с.
39. Бопановский С.А. Глубокое интервью: Учебное пособие. – М.: Никколо - Медия, 2001. – 320 с.;
40. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 1998. – 596 с.;
41. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.;
42. Висильева Т.С. Обоснованная теория в поле качественного исследования// Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с. – С. 225-250;
43. Туревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории»// Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 256 с. – С. 170-222.

В.В. Аксенова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им.С. Аманжолова,
г.Усть-Каменогорск

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Небывалый рост миграционных потоков, связанный не только с увеличением численности населения Земли, возникновением конфликтов и зон нестабильности в различных частях планеты, но и с все большей открытостью стран в условиях глобализации, сделал проблему международной миграции одной из самых актуальных в современном мире. Вопросы миграционной политики стали на повестку дня в первую очередь в высокоразвитых странах-акцепто-

рах, главными из которых на Евразийском континенте являются государства-члены Европейского Союза.

После того, как контроль на внутренних границах ЕС был ослаблен, рост нелегальной миграции, неразрывно связанной с международной организованной преступностью, наркотрафиком, торговлей людьми и терроризмом, превратился в реальную угрозу внутренней безопасности. Противодействовать ей страны Сообщества могли лишь в случае изменения своего подхода к сотрудничеству в сфере внутренних дел и правосудия. Переход от координации действий на основе двусторонних межправительственных соглашений к совместной политике, в т. ч. и миграционной, всех государств-членов ЕС стал необходимостью.

Кроме нелегальной иммиграции, одним из самых насущных вопросов в области миграционной политики является вопрос о предоставлении политического убежища и присвоении статуса беженца. В этом отношении первым шагом на пути к совместной политике ЕС стала *Дублинская конвенция 1990 г.*, вступившая в силу в 1997 г. Ее основная цель – устранить ситуации, когда иммигранты подают заявления с просьбой предоставить политическое убежище одновременно в нескольких странах ЕС, причем одна из стран предоставляет убежище, тогда как другие отказывают.

Отсутствие четкого распределения компетенции между институтами ЕС и национальными государствами послужило источником конфликтов, которые чрезвычайно осложняли сотрудничество. На этом фоне в конце 1991 г. специальная группа по проблемам иммиграции вынесла на обсуждение разработанные ею положения миграционной политики. В ходе дискуссий относительно необходимости «коммунитаризации» миграционной политики выявились разногласия в позициях государств ЕС. Если Великобритания и Дания настаивали на сохранении национального суверенитета, то Германия и Бельгия, напротив, стремились к расширению компетенции Сообщества в этой области.

Маастрихтский договор о Европейском Союзе явился своего рода компромиссом между крайними точками зрения. Впрочем, компромисс был скорее видимым. Раздел «Сотрудничество в сфере внутренних дел и юстиции», включавший политику предоставления политического убежища, контроль над внешними границами Союза, таможенное сотрудничество, иммиграционную политику, являл собой лишь слегка модифицированный вариант межправительственного сотрудничества. Сферы деятельности, перечисленные в разделе, были отнесены к т.н. «третьей опоре» ЕС и названы

областью общих интересов». Таким образом предполагалось консолидировать сотрудничество, осуществлявшееся посредством межправительственных контактов в вопросах, требующих совместного решения. Переход от межправительственного сотрудничества, которое теоретически могло носить обратимый характер, к обязательству сотрудничать на постоянной основе явился безусловным достижением Маастрихтского договора. Кроме того, в Договоре имелось положение о принятии решений в вопросах визовой политики на общеевропейском уровне. Это была единственная сфера деятельности государств ЕС, которая оказалась полностью в компетенции Сообщества.

Для осуществления сотрудничества в сфере внутренних дел юстиции был создан Совет министров стран ЕС, уполномоченный принимать резолюции, решения и рекомендации по разным вопросам, включая миграционную политику. Однако в договоре не была прояснена цель сотрудничества в этой области — то ли это возможность законодательных инициатив, то ли оперативного, практического сотрудничества. Возможности участия Комиссии, Европейского парламента и Суда ЕС в решении вопросов «третьей опоры» были ограничены, по существу, консультативными функциями.

На протяжении нескольких лет после вступления в силу Маастрихтского договора институты ЕС настойчиво требовали более полной коммунитаризации «третьей опоры», в т. ч. миграционной политики. Эти требования были вынесены на обсуждение Межправительственной конференции 1996–97 гг., одним из результатов которой стало предложение о создании «европейского пространства свободы, безопасности и правопорядка», что и было осуществлено в рамках Амстердамского договора 1997 г. Главным условием осуществления данного проекта была названа «коммунитаризация» таких сфер внутренних дел и правосудия как предоставление политического убежища, иммиграция, охрана внешних границ Союза. В Амстердамский договор решено было включить Протокол об интеграции «шенгенских правил» и протокол о порядке предоставления политического убежища в ЕС гражданам государств-членов Союза. В результате, после подписания этого договора положения об иммиграции и политическом убежище, охране границ и правом сотрудничестве в гражданских делах были отнесены к компетенции Сообщества, что значительно облегчило принятие совместных решений и повысило эффективность работы институтов ЕС в этой области.

Концепция «европейского пространства» получила дальней-

шее развитие в т.н. *Венском плане действий*, который содержит конкретные рекомендации и предложения, необходимые для реализации Амстердамского договора. Эти предложения были рассмотрены на *саммите ЕС в Тампере* (Финляндия) 1999 г. По итогам саммита были приняты «Заключения», получившие название «Венские Заключения». В «Заключениях» признавалась необходимость «единой системы предоставления политического убежища» на территории ЕС в соответствии со статьями Дублинской Конвенции и положениями «временной защиты» беженцев. В адрес стран-кандидатов на вступление в ЕС прозвучало требование принять в полной мере шенгенские правила. В рамках иммиграционной политики решено было также усилить борьбу с нелегальной иммиграцией и торговли людьми. В то же время Евросовет призвал к соблюдению прав иммигрантов, проживающих легально в странах ЕС, вплоть до предоставления им права голоса на выборах в местные органы власти. Ключевым элементом нового подхода к иммиграционной политике было названо также сотрудничество с третьими странами, т.е. «Заключениях» подчеркивался внешний аспект внутренней безопасности.

В рамках реализации решений саммита в Тампере, в июле 2001 г. был одобрен проект директивы об условиях въезда и проживания граждан третьих стран с целью трудоустройства. В соответствии с директивой, устанавливаются общие критерии для всех стран, принимающих рабочую силу, и учреждается единый документ для въезда и проживания. В то же время, основываясь на принципах subsidiarity, национальные государства будут самостоятельно определять квоты иммигрантов, направляя иностранных рабочих в те отрасли и сектора, где ощущается ее дефицит, с тем чтобы не ущемлять положение национальной рабочей силы.

Продолжается интенсивная работа по созданию единой европейской политики предоставления политического убежища. Совет ЕС принял ряд документов в данной области. В июле 2001 г. были опубликованы заявления Комиссии ЕС «О новых методах координации общей иммиграционной политики и предоставления политического убежища», а также «О борьбе с нелегальной иммиграцией».

Последнее имеет особое значение с учетом того, что проникновение нелегальных иммигрантов на территорию ЕС варьируется по данным УВКБ ООН на 2002 г., от 125 до 500 тысяч ежегодно и становится все более серьезной угрозой общественной безопасности.

В этой связи в середине февраля 2002 г. министры внутренних дел и юстиции стран ЕС приняли «План глобальных действий против нелегальной иммиграции и торговли людьми». План основан на заявлении Комиссии ЕС о нелегальной иммиграции, а также решениях саммитов в Тампере и Лакене, в которых была подтверждена необходимость появления такого документа. Основные пункты Плана – визовая политика, обмен информацией и ее анализ, меры, регулирующие порядок пересечения границ и репатриацию, легли в основу иммиграционной политики, предложенной Испанией на рассмотрение Европейской Комиссии.

Комиссия ЕС также предложила открыть дебаты по поводу мер по возвращению иммигрантов на родину как составной части европейской иммиграционной политики. Таким образом, Комиссия намеревается выполнить решения Лакенского саммита об интеграции иммиграционной политики во внешнюю политику Евросоюза.

В русле этой политики в апреле 2002 г. в испанском городе Лансароте состоялась встреча министров внутренних дел ЕС и АСЕМ, на которой было объявлено о намерении сторон противодействовать массовой эмиграции населения стран АСЕМ в Европу, обмениваться информацией о легальной эмиграции и нелегальной сети транспортировки иммигрантов. Дальнейшим шагом в сотрудничестве ЕС и АСЕМ должны были стать соглашения о репатриации незаконно проникающих в ЕС нелегальных иммигрантов.

Также весной 2002 г. Совет министров внутренних дел и юстиции принял целый ряд документов, которые давно ждали своей очереди. Было достигнуто политическое соглашение о единой стандартной процедуре по приему претендентов на политическое убежище. В то же время вопрос о распределении финансовой ответственности за прием претендентов согласовать так и не удалось.

Совет принял заключение об усилении контроля на морских границах Евросоюза как средства борьбы с нелегальной иммиграцией. Была одобрена программа сотрудничества по охране внешних границ, визовой политике и предоставлению политического убежища (т.н. «Argo programme»). В 2002-2006 гг. Комиссия ЕС планирует вложить 25 млн. евро в программу, предусматривающую сотрудничество ведомств, ответственных за реализацию политики Евросоюза в данных областях. Деньги, в частности, предполагается потратить на оказание помощи нелегальным иммигрантам в аэропортах.

Много внимания министры уделили вопросу сексуальной эксплуатации детей и детской порнографии – неотъемлемому элементу нелегальной иммиграции и торговли людьми. Однако из-за ряда

разногласий в определении понятий и мер наказания министрам так и не удалось прийти к конкретному соглашению.

Что же касается сотрудничества ЕС с третьими странами в вопросах нелегальной иммиграции, о котором уже говорилось выше, специальная группа по проблемам миграции и предоставлению политического убежища в составе высоких должностных лиц подготовила доклад о действиях по отношению к третьим странам, не желающим сотрудничать в сфере борьбы с нелегальной иммиграцией. Министры одобрили создание объединенных международных патрулей на морских границах, командирование офицеров связи «проблемные» страны, определение «зон риска» и усовершенствование системы раннего предупреждения. Был составлен также перечень мер, которые предлагается принять странам происхождения иммиграции, а также транзитным государствам. Эти меры включают применение *Женевской конвенции о беженцах 1951 г.*, установление уголовной ответственности за незаконную транспортировку людей, изготовление фальшивых паспортов и виз, усиление пограничного контроля и обязательства забирать обратно граждан своих стран, нелегально проникших на территорию ЕС. В отношении третьих стран, намеренно не желающих сотрудничать с ЕС в противодействии незаконной иммиграции, предлагалось даже ввести экономические санкции путем урезания или прекращения помощи, необходимой для экономического развития провинившихся стран. Это предложение Испании, председательствовавшей в то время Европарламенте, поддержанное Великобританией, не нашло однако положительного отклика у других стран-членов ЕС. Тем не менее оно было рассмотрено на саммите ЕС в Севилье. Уже само это обстоятельство указывает на то, что проблема иммиграции в европейских странах, в особенности наплыва нелегальных иммигрантов, достигла своей критической стадии.

Исходя из здравого смысла, а, кроме того, под нажимом ООН и правоохранительных организаций, главы государств и правительств в Севилье отклонили предложение о прямой зависимости экономической помощи третьим странам от их согласия остановить нелегальную эмиграцию. Однако из Заключений саммита следует, что сама идея не отвергнута полностью. «Недостаток желания какой-либо из третьих стран сотрудничать с ЕС может воспрепятствовать установлению более тесных отношений между ними... После того, как будут исчерпаны все возможности, которые предоставляют существующие в ЕС механизмы, Совет может решить единогласно, что третья страна демонстрирует неоправданное нежела-

ние сотрудничать в регулировании миграционных потоков. В этом случае Совет может, в соответствии с положениями Договоров, принять меры или позиции в рамках общей внешней политики и политики безопасности и других направлений политики Европейского Союза, ... не ставя при этом под сомнение цели сотрудничества во имя развития».

Для осуществления данных мер, по мнению участников саммита, необходима интеграция иммиграционной политики во внешнюю политику Европейского Союза. Это дало бы возможность интенсифицировать переговоры с третьими странами о реадмиссии, подписание которых обязывает правительство страны взять на себя усилия по вывозу из ЕС не только собственных граждан, но и транзитных мигрантов. Саммит признал также необходимость пересмотреть список стран, чьим гражданам требуются визы для въезда в ЕС. Например, из этого списка исключена Румыния, получившая возможность безвизового въезда. Участникам удалось договориться и о системе идентификации данных по визам.

Таким образом, хотя саммит в Севилье и не оправдал целиком надежд председательствовавшей Испании, он внес свой вклад в становление Европейского пространства свободы, безопасности и правопорядка. Решения саммита основывались на трех важных документах Комиссии – Заявлении о борьбе с нелегальной иммиграцией, на основе которой Совет ЕС разработал План действий, Зеленой книге о репатриации, а также Заявлении о совместном управлении внешними границами.

Исходя из всего вышесказанного, в современной иммиграционной политике ЕС можно выделить два основных направления, связанных с существованием легальной и нелегальной иммиграции. Положения, касающиеся законного пребывания граждан третьих стран на территории ЕС, включают следующие понятия:

- ♦ *Постоянное место жительства* (в настоящий момент в Совете ЕС рассматривается возможность предоставления права на постоянное место жительства в ЕС иностранным гражданам, легально проживающим на территории одного из государств-членов Союза в течение 5 лет);

- ♦ *Воссоединение семьи* (в феврале 2003 г. Совет ЕС рассмотрел проект директивы, касающейся права иностранных граждан, легально проживающих на территории ЕС, на воссоединение с ближайшими родственниками);

- ♦ *Иностранные студенты* (в октябре 2002 г. Европейская Комиссия предложила проект директивы, касающейся статуса ино-

странного студента, лица, проходящего профессиональную практику или осуществляющего волонтерскую деятельность в странах ЕС. В настоящий момент проект находится на рассмотрении Совета ЕС.

♦ *Иностранные рабочие* (проект директивы, разработанный Европейской Комиссией еще в июле 2001 г., предлагает достаточно прозрачное определение статуса и прав иностранных рабочих на территории ЕС);

♦ *Интеграция и трудоустройство* (в 2003 г. Европейская Комиссия одобрила программу, согласно которой правительства стран ЕС должны принимать необходимые меры для интеграции легальных иммигрантов в общество, в том числе способствовать их трудоустройству).

Борьба с нелегальной иммиграцией занимает особое место в концепции иммиграционной политики Европейского Союза и включает в свою очередь следующие элементы:

♦ *План действий по борьбе с незаконной иммиграцией и торговлей людьми*, принятый Советом министров стран ЕС 28 февраля 2002 г.;

♦ *Программа репатриации, принятая 28 ноября 2002 г.* и включающая систему долгосрочных и краткосрочных мер по возвращению на родину лиц, незаконно въехавших на территорию ЕС;

♦ *Сотрудничество с третьими странами*, в рамках которого 11 июля 2003 г. была принята программа финансовой и технической помощи странам-донорам в борьбе с незаконной миграцией.

Подводя итог, нужно отметить, что не все страны Европейского Союза одинаково заинтересованы в проведении единой иммиграционной политики. Коммунитаризация сферы регулирования миграционных потоков не распространяется, например, на Данию. Великобритания и Ирландия также согласились принять лишь часть положений общеевропейской концепции иммиграционной политики. Такая несогласованность позиций стран ЕС, выливающаяся в бесконечные дискуссии, безусловно, осложняет реализацию единой иммиграционной политики ЕС.

По данным Комиссии ЕС, в конце 1990-х годов уровень прироста населения за счет миграции неуклонно возрастал. Это свидетельствует о том, что предпринятые ЕС попытки регулирования миграционных потоков оказались малоэффективными. Несмотря на продолжительные обсуждения и огромное количество принятых резолюций, программ и планов действий, проблема нелегальной иммиграции остается нерешенной.

Если такая тенденция сохранится, вряд ли можно будет говорить об успехах иммиграционной политики ЕС в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Потомкина О.Ю. Европейское пространство свободы, безопасности и правопорядка: границы, содержание, механизмы. Москва, 2002.
Рябенцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь, 2001.
Johannes Greving. Europaeische Union. Berlin, 2002.
www.migrationpolicy.org
www.europolicy-network.org.uk

Г.Т. Аймагамбетова

Карагандинский Государственный Университет им. Е.А.Букетова, г. Караганда

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ (1999-2004 гг.)

Перепись населения 1999 г. и данные текущей статистики населения показывают существенные различия в ситуации с воспроизводством населения на территории страны. Несмотря на некоторые улучшения демографической ситуации в республике, демографические процессы развиваются не очень благоприятно, в особенности в Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Карагандинской областях.

В Карагандинской области проживает 9,4% всего населения республики с плотностью 3,1 человека на кв. км. Область является наиболее урбанизированной в республике - удельный вес городского населения составляет 83,3%. По данным текущего учета населения на конец 2004 года в области проживает 1330,9 тыс. человек, г.Караганда насчитывает 429034 (32,2%), крупным городом с численностью 169353 тыс. человек является г.Темиртау, г.Жезказган - 95167, г.Балхаш - 73925 человек.

Главной особенностью развития народонаселения области в современный период является сокращение его численности в 1989-1999 гг. (на 335230 или почти на 20%). Эта динамика сохраняется и в последние пять лет. Уменьшение происходит как среди сельского населения (с 252,5 до 221,9 тыс. человек), так и городского (с 1158,9 до 1109,0). Сокращение населения области происходит из-за свое-

образия и особенностей демографической структуры, характеризующейся высокой долей русскоязычного населения, для которого свойственны миграционный отток из республики и низкая рождаемость.

Численность населения зависит от трех главных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции.

Таблица 1
Рождаемость в Карагандинской области в 1999-2003 гг.

Годы	Общее число родившихся (чел)			В расчете на 1000 человек		
	всего	город	село	всего	город	село
1999	16778	14139	2639	11,9	12,2	10,5
2000	16067	13961	2201	11,5	12,1	8,8
2001	16421	14394	2027	12,1	12,9	8,6
2002	16914	14628	2286	12,6	13,2	9,9
2003	18380	16606	1774	13,8	15,0	7,9

Так, в 1997-1999 годах из общего числа рождений 50-51% приходилось на рождение первого ребенка, 29-30%-второго, и лишь 19-20%-третьего и более. Это положение подтверждается и результатами обследования общественного мнения, касающегося репродуктивных планов населения области, проведенного в конце 2000-начале 2001 гг. областным агентством по статистике и социологическим исследованием на тему «Современная демографическая ситуация в Казахстане», проведенного в ноябре 2003 года институтом стратегических исследований при Президенте РК. Результаты социологических исследований показали, что 21,1% карагандинцев и 23,1% казахстанцев репродуктивного возраста вообще не имеют детей. Имеют одного ребенка в семье 21,1% и 23,7% респондентов соответственно. Двух детей имеют 28,6%, 32,3% опрошенных. Трех детей 14,1% и 11,7% участников опроса. Четырех и более 14,7% и 7,9%. Таким образом, как и в области, так и в республике в целом в основном семьи являются одно-двухдетными.

Таблица 2
Ответы респондентов о желаемом количестве детей в Карагандинской области (в % к числу ответивших)

Желаемое количество детей в семье	Ответы респондентов относительно мнения о желаемом числе детей в семье		
	всего	городская семья	сельская семья
1	13,8	15,0	10,7
2	39,3	40,8	35,2
3	21,9	19,6	27,9
4	12,6	12,8	12,3
Полов 4-х	12,4	11,8	13,9
Итого	100,0	100,0	100

Как следует из таблицы, 53,1% обследованных хотели бы иметь своих семьях 1-2 детей.

В 2001-2003 гг. число рождений в области увеличилось. Соответственно вырос и общий коэффициент рождаемости с 11,7 на 1000 в 2000 г. до 13,8 в 2003 г. Для того, чтобы посмотреть, за счет каких очередности рождений было достигнуто идущее третий год увеличения их общего числа, мы проанализировали записи актов о рождениях за 2003 год Бухаржырауского района г.Караганды (том: 200-203). Акты показали, что всего родившихся 16910, из них на первые рождения приходится - 47,4%, на вторые рождения - 31,4%, на третьи рождения - 12,6%, на четвертые рождения - 4,7%. В возрастном разрезе это выглядит следующим образом:

- из первых рождений на 15-19 лет приходится 20,8%; на 20-24 51,1%; на 25-29- 20,4%; на 30-34- 5,6%; 35-39- 1,4%
- из вторых рождений на 15-19-2,5%; 20-24-30,3%; 25-29-40,9%; 30-34- 20,1%; 35-39- 5,6%; 40-44 -0,6%;
- из третьих рождений на 20-24-11,6%; 25-29-32%; 30-34-34,9%; 35-39- 17,3%; 40-44-4,0%;
- из четвертых рождений на 20-24- 4,6%; 25-29 - 2,4%; 30-34- 35%; 35-39-30,4%; 40-44-6,4%

Таким образом, на первые-вторые рождения приходится около 80% рождений. Вклад в общую рождаемость молодых матерей остается очень высоким. Максимум рождений приходится на возрастную группу 20-24 года. Наблюдается рост возрастных ин-

тенсивностей деторождения, особенно заметный у женщин в возрасте от 25 до 35 лет. Это либо реализация отложенных в трудные годы первых и вторых рождений, либо осознанное рождение еще одного ребенка в ответ на общее улучшение обстановки в стране. В первом случае фактический уровень рождаемости существенным образом не меняется и речь идет только о сдвиге в «календаре» рождений, но никак о повышении рождаемости. Во втором случае происходит действительное повышение вероятности повторных рождений в реальных поколениях, а значит, и действительный рост рождаемости. Учитывая, что репродуктивные установки трансформируются очень медленно, тем более в сторону повышения и что на первые-вторые рождения приходится около 80% рождений можно предположить, что речь идет об отложенных рождениях 90-х годов.

Показатель, не зависящий от возрастной структуры населения, коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения) также свидетельствует о том, что в области происходит медленное увеличение интенсивности деторождения.

Таблица 3

Итоговая (суммарная) рождаемость

Годы	1999	2000	2002	2003
СКР	1,6	1,4	1,5	1,7

В 1999 году показатель в области составил 1,6 рождений на одну женщину. Это очень низкий показатель, соответствующий суммарному воспроизводству, что и продолжается по сегодняшний день.

Демографическая проблема Карагандинской области, на мой взгляд, это проблема здоровья населения, высокая смертность мужчин в трудоспособном возрасте и младенческая смертность. Область лидирует в республике по уровню смертности, она выше на 15% среднереспубликанского уровня.

На фоне роста числа родившихся наблюдается рост числа умерших и в итоге - незначительный естественный прирост в 1999 году 563 человека, в 2000 и 2001 году отрицательный естественный прирост -571 и -137 соответственно. Общий коэффициент смертности продолжает расти: с 11,9 в 1999 году до 13,0 в 2003 году. Естественная убыль населения по-прежнему сохраняется в городах Темиртау, Шахтинск и Сарань: соответственно -561, -214, -133 человека.

Таблица 4

Уровень смертности в Карагандинской области в 1999-2003 гг.

Годы	Общее число умерших (чел)			В расчете на 1000 человек		
	всего	город	село	всего	город	село
1999	16356	14277	2079	11,9	12,2	8,3
2000	16709	14731	1978	11,5	12,1	7,9
2001	16558	14675	1883	8,6	13,1	7,9
2002	16564	14700	1864	9,9	13,3	8,1
2003	17311	15328	1983	7,9	13,8	8,8

Ключевые причины высокой смертности - сердечно-сосудистые болезни и несчастные случаи, на третьем месте злокачественные новообразования, а также рост заболеваемости туберкулезом. Специалисты отмечают рост заболеваемости туберкулезом в области с 14,5 в 2001 г. до 17,0 в 2002 г. на 100 тыс. населения. Лидируют Жылытауский район - 363,6 человек на 100 тыс. В Балхаше - 264,8 и в Жукаржырауском - 241,4. Смертность от туберкулеза остается высокой в г.Балхаше - 49,7 на 100 тыс., Сатпаево - 47,5. Запущенные формы туберкулеза выявлены в Нуринском, Актогайском, Жанаринском районе и г. Жезказгане. Группа риска - оралманы и амнициированные. Туберкулез относится к числу так называемых социальных болезней, возникновение которых связано с условиями жизни населения. По интенсивности заболевания туберкулезом можно в определенной мере судить о социально-экономической ситуации в области. Растущая заболеваемость и смертность от туберкулеза на протяжении последних лет обусловлена рядом причин: одна из них - финансовые трудности в учреждениях здравоохранения, вследствие чего туберкулез выявляется в запущенной форме.

Как известно, именно рост смертности в средних возрастах всегда вносил решающий вклад в снижение ожидаемой продолжительности жизни населения. Ожидаемая продолжительность жизни в области на фоне республики выглядит хуже, разница в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами колеблется с 11,5 лет в 1999 г. до 12,7 на начало 2004 г.:

Таблица

**Средняя продолжительность жизни населения
Карагандинской области, 1999-2003 гг.**

Годы	Средняя продолжительность жизни		
	оба пола	мужчины	женщины
1999	63,5	57,9	69,4
2000	63,6	57,6	70,1
2001	64,0	58,2	70,0
2002	64,2	58,5	70,2
2003	63,8	57,7	70,4

С 1999 г. наблюдался кратковременный рост продолжительности жизни, но в 2003г. произошло его снижение из-за сокращения средней продолжительности жизни среди мужчин. Среди женщин наблюдается динамика роста.

Уровень младенческой смертности в области снижается: с 19,5 в 2001 г. до 15,0 умерших детей на 1000 родившихся в 2004 г. Но в то же время он остается довольно высоким. Так, в концепции государственной демографической политики Республики Казахстан приоритетом является повышение рождаемости и его стимулирование в то время как значительный резерв лежит в снижении младенческой смертности в республике.

По данным Академии профилактической медицины РК показатель младенческой смертности в республике за 90-е годы повысился с 50 до 62 на 1000 в 1999 гг.

Критерии регистрации смерти новорожденных в республике значительно отличаются от критериев Всемирной организации здравоохранения, что и приводит к занижению уровня младенческой смертности. Показатели младенческой смертности Агентство по статистике ниже на 50% данных обследований 90-х гг. Структура причин младенческой смертности за 90-е годы указывает на увеличение числа врожденных аномалии, болезней нервной системы и органов чувств. Около 30% младенческой смертности приходится на состояние возникающие в перинатальном периоде (т.е. зависящие более от состояния матери). Сохраняется высокая экзогенная смертность от инфекционных заболеваний, болезней органов дыхания.

Социально-биологические различия младенческой смертности в республике показывают, что уровень смертности до года в сельской местности выше по сравнению с городской на 46%. Показатель

степень младенческой смертности среди детей казахской национальности выше, чем у детей русской национальности так же на 46%.

Демографические различия показателей смертности до одного года обусловлены паритетом родов и продолжительностью межродового интервала. Младенческая смертность среди детей, родившихся от четвертых и более по счету родов, выше, чем у детей, родившихся от родов меньшего порядка. Анализ взаимосвязи между темпом деторождения и уровнем младенческой смертности показывает, что некоторое снижение смертности могло бы иметь место при удлинении межродового интервала.

В последние пять лет причинами младенческой смертности в области являются состояния, возникающие в перинатальный период (то есть мертворождения и умершие в возрасте до 7 дней), врожденные аномалии, грипп, ОРЗ и пневмония. По данным главного врача области, в последнее время рост рождаемости произошел среди алкоголичек и наркоманок, которые, получив пособие, не ухаживают за детьми, что приводит к гибели младенцев, в тоже время, сократилось число брошенных детей как следствие выдаваемого пособия. Так, карагандинские врачи считают, что все дети, рожденные в Балхаше в последние 3 года – потенциальные инвалиды детства и главная причина это состояние экологии.

Во многом перспективу демографического развития и воспроизводственных процессов предопределяет половозрастная структура населения. В связи с этим следует отметить тенденцию снижения доли детей и подростков с 24,5% в 1999 г. до 21,7% в 2004 г. на фоне роста удельного веса людей пенсионного возраста с 12,7% до 14% соответственно. За период с 1999 по 2003 годы наблюдается увеличение доли трудоспособного населения с 62,8% до 65,3%. В связи с увеличением числа рождений произошел рост удельного веса детей до года с 1,2% в 2001 г. до 1,4% в 2004 г. Начиная с переписи 1989 г. растет удельный вес женщин репродуктивного возраста: соответственно 50,5%: 52,5%: 53,8%.

Изменения демографической ситуации в области коснулось и размера семьи. Средний размер семьи уменьшился с 3,7 (1989) до 3,5 (1999). За межпереписной период уменьшилось число семей, состоящих из 4-х человек, на 30%. Это в основном за счет роста однодетных пар или состоящих из 2-х человек. Происходит рост числа одиноких почти в два раза за межпереписной период, это и за счет незарегистрированных браков.

Проблема со снижением рождаемости напрямую связана с состоянием брачно-семейных отношений.

Таблица 6
Состояние брачно-семейных отношений

Годы	Количество зарегистрированных браков		Количество зарегистрированных разводов	
	всего	на 1000 чел.	всего	на 1000 чел.
1999	8121	5,8	3016	2,2
2000	8564	6,1	3251	2,3
2001	8408	6,2	3371	2,5
2002	8843	6,6	3593	2,7
2003	9720	7,3	3549	2,7

Следует отметить тенденцию сокращения числа заключенных браков и увеличения числа разводов, особенно в молодых семьях. В течение 90-х годов в области наблюдалось снижение уровня брачности почти в 2 раза. С 1999 года наблюдается тенденция роста заключенных браков с 8121 до 9720 на начало 2004 г. и в то же время рост числа разводов - с 3016 до 3549. Среди зарегистрированных разводов наибольший удельный вес приходится на продолжительность брака 5-9 лет, причем более 80% из них - на городскую местность.

В составе населения области наиболее многочисленными являются русские и казахи на долю которых приходится на начало 2004 г. 83% населения. Согласно данным Агентства РК по статистике, численность казахского населения в области за период с 1999 по 2004 годы увеличилась на 12970 человек (с 37,55% до 40,76%). Численность русского населения снизилось на 56032 человека (с 43,57% до 41,95%). В г. Караганде удельный вес русских составляет 51,1%, казахов 28,8%. Третьим по численности этносом области являются украинцы, их численность уменьшилась на 9908 человек, в процентном соотношении с 5,58% до 5,17%. Уменьшение численности отмечено у немцев (на 15923 человек или с 4,06% до 3,10%).

Одним из основных факторов снижения численности населения области является эмиграция. Острейшая миграционная ситуация в области в 90-е годы сменилась тенденцией в сторону снижения числа мигрантов после переписи 1999 г., но отрицательное saldo миграции сохраняется: с -21508 в 1999 г. до -3798 в 2003 году.

Таблица 7

Миграция населения за пределы области, чел.

	1999	2000	2001	2002	2003
Прибыло	6833	6687	8117	9130	11120
Убыло	28341	31789	28517	20068	14918
Сальдо миграции	-21508	-25102	-20400	-10938	-3798

В межобластной миграции до 2003 года отрицательное сальдо сохранялось, в 2003 г. небольшое положительное (200 человек). Основной поток прибывающих в область дает Жамбылская и Южно-казахстанская области, сальдо миграции 675 и 514 соответственно. В области уезжают в основном в Астану, Алмату и Акмолинскую область, соответственно -956, -671, -115 человек.

Таблица 8

Международная миграция, чел.

	1999	2000	2001	2002	2003
Прибыло	3160	2406	2970	3397	4539
в том числе из:					
Россия	2277	1595	1872	1766	1962
Узбекистан	168	184	497	938	1702
Украина	193	163	138	162	130
Казахстан	77	90	88	130	129
Беларусь	74	73	68	70	51
Германия	78	86	84	106	114
Монголия	88	63	92	90	243
Убыло	16009	17293	17556	13732	8533
в том числе в:					
Россия	9813	10998	11301	7901	4696
Узбекистан	80	49	38	36	25
Украина	420	331	278	232	149
Казахстан	93	50	42	31	11
Беларусь	790	639	525	454	156
Германия	4232	4697	5963	4790	3334
Израиль	270	219	128	105	35
США	6	73	52	81	91

За период с 1999 по 2003 годы масштабы международной миграции населения изменились. Численность мигрантов области выезжающих из страны возросла с 16009 в 1999 г. до 17556 в 2001 г. снизилось до 8533 человека в 2003 г. Основной поток выезжает в Германию, сальдо миграции -3220, затем Россия -2734. Положительное сальдо миграции с Узбекистаном и Монголией. Это объясняется распределением в 2003-2004 годах семей оралманов прибывших по квоте из Узбекистана и Монголии в Карагандинскую область. Так, например, по квоте в 2003 г. из Узбекистана прибыло 565 семей и в квоты 147 семей, из Монголии 107 и 38 семей соответственно.

Этнический состав мигрантов как до переписи, так и после не примерно одинаков. Так, в 2003 году из общего потока выбывших из области удельный вес русских составил 53,0%, немцев 26,5%, украинцев 8,1%, казахов 2,5%. Среди прибывших казахи составляют 42,0%, русские 38,4%, украинцы 4,3%, немцы 2,2%. Большую часть эмигрантов составляют русские 53%. Немцы составляют вторую по численности русских группу мигрантов из области и основную часть выезжающих в дальнейшем зарубежье. Несмотря на существующий миграционный потенциал, все же наблюдается тенденция снижения миграционных настроений среди населения области.

Главные причины потери населения области в последние годы - низкая рождаемость, соответствующая суженному воспроизводству, младенческая смертность, высокая смертность мужчин в трудоспособном возрасте, а так же отрицательное миграционное сальдо.

Таким образом, сложившаяся в области демографическая ситуация характеризуется тенденциями депопуляции. Перспективы ее дальнейшего оздоровления требуют проведения целенаправленной и эффективной региональной государственной демографической политики. Во всемирном плане действий в области народонаселения подчеркивается, что ввиду инерционности динамики народонаселения, мероприятия демографической политики должны носить долгосрочный характер. Задачей демографической политики становится не просто изменения стандартов репродуктивного поведения, но и обеспечение его устойчивости, в частности, недопущения больших колебаний погодных чисел рождений, которые несли бы в себе формы рождения новых «демографических волн» разрушительных для экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги естественного движения населения Карагандинской области за 1999–2004. Караганда, 2004.
2. Итоги миграции населения по Карагандинской области. Караган-

да, 2004.

Уровень жизни населения Карагандинской области. Ст. сб. Караганда, 2004.

Современная демографическая ситуация в Казахстане. Алматы, 2004.

Ж. С. Аубакирова

Восточный Гуманитарный Институт, г. Усть-Каменогорск

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА (1979-1999 ГГ.)

Важным объектом демографических исследований являются этнические отношения. Актуальность этнического подхода в изучении демографического развития населения республики является очевидной, ее значение возрастает при исследовании демографических процессов в полиэтнических государствах. Исследование динамики численности населения и других демографических процессов видится наиболее перспективным не только по административно-территориальному делению, но и по этническому составу населения.

Главную этническую доминанту республики (96,6% всего населения республики) по переписям 1979, 1989, 1999 гг. представляют 10 крупных этносов – казахи, русские, украинцы, узбеки, немцы, татары, уйгуры, белорусы, корейцы и азербайджанцы.

В период с 1979 г. по 1999 г. в этнической структуре Казахстана произошли существенные изменения, не характерные для предыдущего времени (таблица 1). Эти изменения обусловили появление совершенно новых тенденций в демографическом развитии наиболее крупных этнических групп населения республики.

Из всего этнического состава населения за 20 лет (1979–1999 гг.) наибольшему сокращению подверглись греки (на 78%), немцы (60,8%), мордва (49%), украинцы (39%), белорусы (38,3%), чеченцы (28%), молдаване (26%), русские (25,2%), татары (20,3%), таджики (на 17%). Среди этносов, чья общая численность увеличилась за этот период, находятся: курды (на 85%), дунгане (64%), узбеки (51%), уйгуры (42%), узбеки (41%) и таджики (33%).

Таблица
Изменение численности этносов в Казахстане [1;6-8]

Этносы	Численность этносов (тыс. чел)		Изменение численности в 1999 г. к 1989 г. (тыс. чел.)		Удельный вес ко всей численности населения Казахстана (%)	
	1979	1999	1999/1989	1999/1979	1979	1999
Все население	14688,3	14953,1	-1246,1	+264,8	100,0	100,0
Казахи	5293,4	7 985,0	+ 1 488,5	+2691,7	36,0	53,1
Русские	5991,2	4 479,6	-1 582,4	-1511,6	40,8	30,1
Немцы	900,2	353,4	-593,5	-546,8	6,1	2,4
Украинцы	898,1	547,1	-328,6	-3509,1	1,0	3,7
Татары	312,6	249,0	-71,8	-636,7	2,1	1,7
Узбеки	263,3	370,7	+ 39,7	+107,4	1,8	2,9
Белорусы	181,5	111,9	-66,0	-69,6	1,2	0,8
Уйгуры	147,9	210,4	+ 28,8	+62,4	1,0	1,4
Корейцы	92,0	99,7	-1,1	+7,7	0,6	0,7
Азербайджанцы	73,3	78,3	-10,7	+5,0	0,5	0,5

В демографических исследованиях применяют разные подходы в классификации этносов. Их делят на тюркские и славянские, титульные и нетитульные, европейские и неевропейские. Однако более целесообразным видится исследование этносов по установившимся тенденциям их демографического развития, а затем группирование по сходным демографическим признакам с целью исследования общих и отличительных особенностей их развития. Актуальным видится анализ в этих этнических группах основных демографических процессов: динамики их численности, рождаемости, смертности, воспроизводства, половозрастного состава, миграционного поведения, влияние этнокультурных контактов. Конкретный образ жизни, культурная специфика и особая система ценностей и ориентаций этносов влияют на их демографическое поведение. Именно этносы накапливают заряд демографических изменений, определенные особенности их структуры, которые затем влияют на формирование их демографического потенциала. Таким образом, целесообразность данного подхода обуславливается тем,

что именно этносы и тип их расселения дают мощную специфику демографическому развитию Казахстана, формируют индивидуальные способы развития процессов народонаселения в регионах.

Ранжирование этнического состава населения Казахстана (1979-1999 гг.) на этнодемографические группы предполагается осуществлять с помощью метода кластерного анализа. Важным становится вопросом о том, какие признаки будут положены в основу классификации (таблица 2).

Исходя из того, что этническая статистика является мало разработанной, мы использовали те статистические данные, которые для нас стали доступными. Для осуществления кластер-анализа было выбрано количество объектов – 10 (наиболее крупные по численности этносы Казахстана) и количество признаков – 6, именно:

- 1) общий коэффициент рождаемости (γ);
- 2) общий коэффициент смертности (γ);
- 3) общий коэффициент естественного прироста (γ);
- 4) удельный вес возрастной группы старше 60 лет (%);
- 5) удельный вес наиболее активного фертильного возраста женщин (20-39 лет) (%);
- 6) удельный вес городского населения в этносах (%).

Данные демографические показатели влияют на процессы воспроизводства этносов, характеризуют особенности их демографического развития.

Метод кластерного анализа основан на отнесении объекта к тому или иному классу. Типологический анализ позволяет выявить специфику каждого типа. Для решения типологических задач в науке применяется теория нечетких множеств (ТНМ). Нечеткое множество – это класс объектов, в котором нет резкой границы между этими объектами, которые в него входят. Принадлежность каждого объекта к нечеткому множеству описывается с помощью величины, принимающей значение от 0 до 1. Алгоритм Fuzzy isodata выполняет пошаговую процедуру приближения к наиболее оптимальному набору весов принадлежности. Они в свою очередь соответствуют наиболее минимальному внутриклассовому разбросу, который измеряется критерием меры близости (от 0 до 1).

Данный алгоритм реализован в виде программы Fuzzy class, созданной в лаборатории исторической информатики Московского государственного университета. FUZZY («размытая», «нечеткая») классификация дает возможность отнесения одного объекта сразу к нескольким классам с определением веса принадлежности к каждому из них, что во многих случаях более адекватно исторической

действительности, а также позволяет выделять центр и периферию каждого класса.

Алгоритм работы. Матрица исходных данных заносится в ASCII-файл, а затем преобразовывается в формат статистического пакета SYSTAT (версия 1.5), с помощью которых и происходит обработка материала (метод главных компонент, кластер-анализ, подсчет средних и коэффициентов вариации). Для визуализации результатов используется пакет электронных таблиц EXCEL (версия 7.0). В результате обработки статистических данных была получена трехкластерная классификация этнической структуры населения Казахстана.

Признаки, положенные в основу кластеризации этносов по основным демографическим показателям на 1999 г. [1; 6-12, 2; 13-14, 21-22, 3; 23-24]

Этносы	Общий коэффициент рождаемости (‰)	Общий коэффициент смертности (‰)	Общий коэффициент естественного прироста (‰)	Удельный вес возрастной группы старше 60 лет (%)	Удельный вес возрастной группы женщин 20-39 лет (%)	Удельный вес городского населения (%)
Казахи	17,3	6,5	+10,8	6,0	33,8	45,7
Русские	8,6	13,7	-5,1	17,0	26,8	76,9
Азербайдж.	22,2	7,6	14,6	6,2	34,1	41,7
Белорусы	7,8	18,7	-10,9	23,8	26,0	58,2
Корейцы	*	*	*	12,2	27,4	86,6
Немцы	5,2	3,9	1,4	11,8	28,4	51,4
Татары	9,4	13,4	-4,0	17,7	27,8	77,7
Узбеки	25,4	6,0	+19,4	6,3	31,9	31,5
Уйгуры	*	*	*	7,5	34,0	40,6
Украинцы	9,3	20,8	-11,5	24,7	25,0	62,0
Всего по Казахстану	14,2	9,8	+ 4,4	10,7	30,7	56,0

* отсутствуют данные

В состав первого класса вошли казахи, узбеки, азербайджанцы и уйгуры. Эти этносы объединили высокий уровень рождаемости (например, у казахов выше среднереспубликанского уровня на 1,1 п.п., у узбеков на 44,1% (в 1,7 раза выше); относительно низкая смертность населения (общий коэффициент смертности у казахов ниже среднереспубликанского в 1,5 раза, у узбеков в 1,6 раза. Соответственно, высоким является их естественный прирост. Он на 1,1 п.п. выше, чем у других этносов и выше показателей в среднем по совокупности. Так, общий коэффициент естественного прироста у казахов выше среднереспубликанского в 2,5 раза, у узбекского этноса в 4,4 раза. В эту этнодемографическую группу вошли этносы не только с положительным естественным приростом, но и на 1,1 п.п. превышающим республиканский уровень и уровень естественного прироста русских, украинцев, белорусов, который носит отрицательный показатель. Эти этносы также объединили «молодой» возрастной состав населения. Удельный вес возрастной группы старше 60 лет казахов в 1999 г. составлял 6,0%, азербайджанцев – 6,2%, узбеков – 6,3%, уйгур – 7,5%. Возрастная структура населения, как известно, накапливает в себе потенциал демографической инерции и роста численности населения в будущем. Перспективы роста выше названных этносов обуславливает также достаточно большое количество женщин фертильного возраста. Так, удельный вес женщин возраста 20-39 лет (такие возрастные рамки были взяты ввиду доступности данных именно по этим возрастам) варьирует от 31,9% у узбеков до 34,1% у азербайджанцев. Значительную роль в структуре населения и его демографических характеристиках играет тип расселения. Самым малоурбанизированным из этносов первого кластера оказался узбекский. Доля городского населения в нем составляла всего 31,5%. Существенное преобладание сельского населения можно отметить в азербайджанском (59,3%) и уйгурском (59,4%) этносах. Казахи к 1999 г. стали примерно наполовину городскими (45,7% - городского). Таким образом, в первую этнодемографическую группу вошли этносы с положительными демографическими характеристиками: казахский, узбекский, азербайджанский и уйгурский с достаточно высоким демографическим потенциалом.

В состав второго кластера вошли русские, украинцы, татары и белорусы. Эти этносы объединили такие демографические характеристики, как низкая рождаемость, высокая смертность и низкие темпы естественного прироста. Общий коэффициент рождаемости в 1999 г. русского этноса составил 8,6 (ниже среднереспубликанс-

кого на 65,1% или в 1,7 раза), украинцев – 9,3у (на 52,6% или в 1,7 раза), белорусов – 7,8у (на 82,1% или в 1,8 раза) и татар – 9,4 у (на 51,1% или в 1,5 раза). Обратим внимание на то, что уровень рождаемости этих этносов ниже республиканского более чем 1,5 раза, то время как уровень смертности значительно выше. Так, у русских и татарского этносов он выше в 1,4 раза. Особенно высокая смертность отмечается у белорусов – в 1,9 раза выше аналогичного показателя по республике и украинцев в 2,1 раза. Эти процессы, соответственно, привели к отсутствию естественного прироста, развитию депопуляции населения. Так, общий коэффициент естественного прироста татар в 1999 г. составлял – (- 4,0у), русского этноса – (-5,1у), белорусского – (- 10,9у) и украинского – (- 11,5у). К основным демографическим характеристикам этносов второго кластера можно отнести высокий уровень их урбанизированности. В 1999 г. удельный вес городского населения русского этноса составил 76,9%, татарского – 77,7%, украинского – 62,0% и белорусского – 58,2%.

Как известно, возрастная структура активно влияет на величину многих демографических показателей этносов и находится в тесном взаимодействии со всеми его демографическими характеристиками. Следует особо отметить искаженную возрастную структуру этих этносов. Так, удельный вес возрастной группы старше 65 лет у русских составляет 17,0%, у татар – 17,7%, у белорусов – 23,8% и у украинцев – 24,7%. Это сверхвысокие показатели – выше республиканского уровня в 1,6 – 2,3 раза и выше аналогичного показателя, например, казахов в 4 раза. Это означает, что среди украинцев и белорусов доля стариков выше в 4 раза, чем у казахов, русских – 2,8 раза, у татар – в 3 раза, т. е. налицо их «демографическое постарение». Следует учесть, что возрастная структура, кроме того, тесно связана с режимом воспроизводства населения. Таким образом, во вторую этнодемографическую группу вошли этносы с отрицательными характеристиками и резкой деформацией демографической структуры. Их можно охарактеризовать как «кризисные этносы».

В состав третьего кластера вошли немцы и корейцы. В отличие от двух предыдущих с противоположными демографическими характеристиками, эту группу можно охарактеризовать как «переходную». Так, немцы сохраняют еще положительный естественный прирост своего населения, несмотря на резкое сокращение численности за счет высокой эмиграции. В то же время удельный вес возрастной группы старше 60 лет этого этноса составляет 11,8%. Достаточно высокий показатель, демонстрирующий «старую» воз-

растную структуру немецкого населения республики. И немцы на половину являются жителями городов (в 1999 г. – 51,4%). Корейцы отличаются тем, что являются самым высокоурбанизированным этносом из 10 исследуемых. Численность городских жителей значительно преобладает и составляет 86,6%. Удельный вес возрастной группы старше 65 лет также является достаточно высоким и составляет 12,2%. По своему демографическому развитию эти этносы тяготеют ко второй этнодемографической группе и в перспективе могут войти в ее состав.

Таблица 4
Кластерная классификация этнического состава населения республики в региональном разрезе (1999 г.).

Области	1 кластер (%)	2 кластер (%)	3 кластер (%)
Акмолинская	37,8	51,2	6,4
Актюбинская	70,9	25,7	1,8
Алматинская	70,4	23,8	2,3
Атырауская	89,1	8,8	0,7
Восточно-Казахстанская	48,8	48,2	2,2
Жамбылская	68,4	20,6	2,6
Западно-Казахстанская	64,9	33,2	0,5
Карагандинская	38,1	53,5	5,1
Костанайская	31,4	59,5	6,0
Кызылординская	94,4	3,4	1,6
Мангистауская	79,9	17,1	0,4
Павлодарская	39,0	52,8	5,6
Северо-Казахстанская	29,8	60,1	5,7
Южно-Казахстанская	86,0	10,1	0,8
г. Астана	42,9	50,6	3,6
г. Алматы	44,8	49,7	2,5

Первый кластер численно преобладает в Южной (Южно-Казахстанская область – 86,0%; Атырауская – 89,1%; Кызылординс-

кая – 94,4%), Юго – Западной (Актюбинская – 70,9%; Алматинская – 70,4%; Жамбылская – 68,4%; Западно-Казахстанская область – 64,9%) и Западной (Мангистауская область – 79,9%) этнодемографических зонах. Второй кластер наиболее количественно выражен в Северо-Восточной (Акмолинская – 51,2%; Костанайская – 59,5%; Восточно-Казахстанская – 48,2% и Северо-Казахстанская область – 60,1%) и Центральной (Карагандинская – 53,5% и Павлодарская области – 52,8%) этнодемографических зонах. Примерно одинаковым является соотношение этносов первого и второго кластеров в Астане (42,9% и 50,6%) и Алматы (44,8% и 49,7%). Третий кластер приобрел наибольшую количественную выраженность в Акмолинской области (6,4%), Северо-Казахстанской области (5,7%), Павлодарской (5,6%) и Карагандинской областях (5,1%), т. е. в Центральной и Северо-Восточной этнодемографических зонах.

Этнический фактор имеет большое значение для процессов воспроизводства. Актуальность этнического подхода в изучении процессов воспроизводства населения Казахстана возрастает в русле общей тенденции устойчивости этносов во времени, намного превосходящей устойчивости социально - профессиональных или административно – территориальных группировок.

Кроме того, один из основных демографических параметров – рождаемость определяется под воздействием этнокультурных (в том числе религиозных) факторов. Влияние таких факторов нередко удается обнаружить и в дифференциации показателей смертности. Поэтому демографические прогнозы динамики численности населения, сделанные по входящим в него этническим группам, обычно оказываются более точными, чем прогнозы, основанные на административно – территориальном делении [4; 71].

Остановимся более подробно на анализе этнокультурных факторов, воздействующих на показатели естественного движения населения. К сожалению, мы имеем довольно скудные этностатистические материалы. Некоторые данные демографических ежегодников по этносам являются отрывочными и не дают возможности полноценно изучить этновоспроизводственные процессы. Нет возможности получить какие-либо специфические коэффициенты естественного движения этносов – возрастные коэффициенты рождаемости и смертности, суммарные коэффициенты рождаемости и др. Поэтому мы исходим из тех неполных статистических данных об этносах, которые являются опубликованными. Прежде всего, это общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, несмотря на то, что они являются, всего лишь, общей

характеристикой процессов воспроизводства населения и в значительной мере несовершенны (таблица 38).

Таблица 38

Рождаемость, смертность и естественный пророст отдельных этносов Казахстана [1; 6-8, 3; 23-25, 5; 45, 6; 85-86].

Этносы	Общий коэффициент рождаемости, ‰				Общий коэффициент смертности, ‰				Общий коэффициент естественного прироста			
	1990	1992	1993	1999	1990	1992	1993	1999	1990	1992	1993	1999
1 кластер	31,9	29,1	27,4	21,6	5,5	5,9	6,3	6,7	26,4	23,3	21,2	10,1
казахи	30,1	28,6	27,0	17,3	6,3	6,6	7,1	6,5	23,8	22,0	19,9	10,8
казахстанцы	34,5	28,3	24,4	22,2	5,1	5,3	6,0	7,6	29,4	23,0	18,4	14,6
русские	31,0	30,5	30,8	25,4	5,1	5,7	5,9	6,0	25,9	24,8	24,9	19,4
2 кластер	16,3	13,5	11,5	8,8	9,5	10,3	12,0	16,7	6,8	3,2	-2,0	-7,4
русские	14,5	12,1	10,5	8,6	8,8	9,4	11,1	13,8	5,7	2,7	-0,6	-3,3
белорусы	16,7	14,1	11,8	7,8	9,1	10,1	11,9	18,7	7,6	4,0	-0,1	-10,9
украинцы	16,1	13,5	11,8	9,3	11,6	12,5	14,3	20,8	4,5	1,0	-2,5	-11,5
татары	17,7	14,1	11,8	9,4	8,4	9,0	10,6	13,4	9,3	5,1	1,2	-4,0
3 кластер	15,5	11,0	12,6	13,4	7,7	7,5	9,8	9,9	7,8	3,5	2,8	3,5
немцы	15,5	11,0	12,6	13,4	7,7	7,5	9,8	9,9	7,8	3,5	2,8	3,5

* данные по уйгурам и корейцам отсутствуют

Первое, что следует отметить – это падение уровня рождаемости и рост смертности, сокращение темпов естественного прироста населения абсолютно у всех этносов. Причем темпы падения естественного прироста являются значительными не только для этносов второго кластера, но и для этносов с «благополучными», как мы определили, демографическими характеристиками. Так, у казахов в период с 1990 г. по 1999 г. общий коэффициент естественного прироста сократился на 54,6%, фактически в 2,2 раза, у азербайджанцев – на 50,3%, в 2 раза, у узбеков – на 25,1%, в 1,3 раза. Катастрофическое падение темпов естественного прироста можно отметить у этносов второго кластера. Из третьего кластера мы имеем данные только по немецкому этносу. Особо отметим то, что немцы, несмотря на высокую миграцию, тем не менее, сохраняют положительный естественный прирост, в отличие от других европейских этносов. Хотя его темпы снижались из года в год, к 1999 г. можно отметить некоторое увеличение их численности. В период с 1990 по 1996 г. общий коэффициент естественного прироста немцев сократился, затем происходит его некоторое увеличение. В целом в период с 1990 г. по 1999 г. данный показатель для немцев сократил-

ся на 55% или в 2,2 раза.

Следует отметить значительные комбинации в величине демографических показателей этносов, живущих в одной стране, одних и тех же социально — экономических условиях. Перейдем к характеристике казахского этноса. По мнению А. Н. Алексеенко важной особенностью их демографического развития является ускоренное прохождение демографического перехода. Первый этап демографического перехода, характеризующийся перестройкой типа смертности (сокращение, экзогенной смертности, перемещение смертности из детских в старшие возрастные группы и т. д.), происходил у казахов в конце 1950-х — 1960-е гг. [7;34].

На фоне сокращения смертности произошло резкое увеличение естественного прироста казахов, в чем сыграло роль четыре основных фактора:

- 1) половозрастная структура казахов;
- 2) высокая брачность казахов в этот период и многочисленная когорта женщин фертильного возраста;
- 3) объективные социально-экономические условия;
- 4) сельский образ жизни казахов.

В 1958-1959 гг. суммарный коэффициент рождаемости казахов составил 7,4 и явился самым высоким в СССР. Это демографическое событие в истории казахов будет еще длительное время сказываться на всех его демографических характеристиках. В конце 1970-х и в 1980-е гг. увеличилось число родившихся у казахов за счет реализации своих репродуктивных намерений тех, кто родился в период «бума». Однако все более четко стала проявляться тенденция снижения темпов рождаемости у казахов. Если в конце 50-х гг. суммарный коэффициент рождаемости казашек составлял 7,4, то в конце 70-х гг. — 4,8. По данным результатов медико-демографического исследования Казахстана (ПМДК 1999 г.) уровень их рождаемости снизился почти в каждой возрастной группе. В период с 1989 по 1999 гг. суммарный коэффициент рождаемости казашек уменьшился с 3,6 до 2,5 ребенка, т. е. на одного ребенка на женщину, в результате чего суммарный коэффициент рождаемости становится ниже замещенных уровней [8;41]. Это значит, что в конце 50-х гг. сложившийся уровень рождаемости казахов давал воспроизводство его населения на 314% и формировал расширенный тип. В конце 70-х — на 223%, в 1989 г. — на 167%. К 1999 г. значение суммарного коэффициента рождаемости казахов обеспечивало воспроизводство населения всего на 116% (простой тип воспроизводства).

Таким образом, в конце 1970-х — 1980-е годы происходит изменение типа рождаемости казахского этноса, которое заключается в переходе от традиционного к современному типу. Многодетная казахская семья вытесняется среднедетной. В 1990-е гг. завершается переход к малодетной семье, что является необратимым процессом. Меняются репродуктивные установки казахов. Особенно важным для казахского этноса стал процесс вживания в новые социально — экономические отношения. Кризис села, более низкая конкурентоспособность этноса по сравнению с этносами второго кластера, перемещение в город как способ выживания и др. сыграли свою «роковую» роль в формировании нового репродуктивного поведения.

Что касается этносов второго кластера, то в предшествующий период интенсивный миграционный приток русских, украинцев, белорусов, главным образом, репродуктивного возраста, сформировал в целом благополучные тенденции в рождаемости. Однако переход значительной части населения из детородного возраста привел к постепенной смене простого типа воспроизводства суженным. Массовые миграционные поступления в Казахстан в 60-е гг. иссякают, а с конца 60-х гг. начинается отток населения. Чем больше процент такого населения, тем более существенным будет влияние демографического поведения на показатели воспроизводства по республике в целом [9;101].

Суммарный коэффициент рождаемости среди русских женщин составлял в 1989 г. — 2,2 и обеспечивал воспроизводство населения на 102%; в 1995 г. — 1,7 — на 79%; в 1999 г. — 1,4 — всего на 65% [10;2]. Формирование такого коэффициента происходит за счет низких значений повозрастных коэффициентов рождаемости в каждой возрастной группе, кроме 15-19 летних, среди которых уровень рождаемости несколько выше, чем среди казашек [8;41].

Сравнение результатов ПМДК 1999 г. и ПМДК 1995 г. показывает, что снижение уровня рождаемости за последние 4 года наблюдается среди женщин казахского и русского этносов, независимо от местожительства (город, село), регионов и уровня образования. Наиболее заметно снижение уровня рождаемости отмечено в Карагандинской области, где суммарный коэффициент рождаемости снизился на одного ребенка на женщину (с 2,7 до 1,6) [8;43].

К сожалению, возможности всестороннего анализа рождаемости и в целом воспроизводственных процессов этносов в Казахстане значительно сужаются в результате недостатка статистической информации. Поэтому мы решили использовать все возможные

методы для исследования этнической дифференциации рождаемости и высчитали коэффициенты детности, которые можно получить из данных переписей. Такую возможность предоставляют только материалы последней переписи 1999 г., несмотря на то, что для этого необходимы всего численные показатели по полу и возрасту этносов. Но даже эти элементарные данные по половозрастному составу этносов извлечь из материалов переписи 1979 г. и 1989 г. текущей статистики невозможно ввиду их полного отсутствия.

У показателя детности есть свои плюсы и минусы. К нему прибегают, как правило, при отсутствии более точных измерителей уровня рождаемости. Коэффициент детности представляют собой число детей в возрасте 0-9 лет (иногда 0-4 года), приходящееся на 100, 1000 всех или замужних женщин в возрасте 15-19 лет или 20-49 лет. При расчете данного коэффициента мы использовали число детей в возрасте 0-9 лет приходящееся на 100 женщин (в том числе замужних, незамужних) в возрасте 20-49 лет.

Г. А. Бондарская справедливо отмечает, что показатель детности рассчитывается на основании данных половозрастной структуры населения на момент проведения переписи и не учитывает детей, не доживших до этого момента. Поэтому существенная дифференциация детской смертности у разных этносов, оказывая влияние на величину этого показателя, может размыть различия в рождаемости [11; 16]. На величину данного показателя влияет и смертность женщин возраста 20-49 лет, но в меньшей степени, что необходимо также учитывать при расчете показателя детности и анализа этнической дифференциации рождаемости.

По данным переписи 1999 г. коэффициент детности для казахов составил 97,2%, т. е. на 100 всех женщин в возрасте 20-49 лет приходилось 97,2 ребенка. Для уйгуров данный коэффициент составил – 90,7%, азербайджанцев – 110,0%, узбеков – 126,7%. Отметим, что для этносов 1 кластера коэффициент детности является высоким по сравнению с другими. Значительно ниже показатели данного коэффициента у русских (50,1%), татар (44,2%), белорусов (40,9%) и украинцев (39,0%). Промежуточное положение между ними занимают немцы и корейцы. Так, в 1999 г. на 100 немцев возраста 20-49 лет приходилось 60,8 ребенка, а на 100 корейцев – 52,5.

Обратим внимание на то, что коэффициент детности у этносов второго кластера в 2 раза ниже, чем у этносов первого кластера. Серьезное положение складывается в процессах рождаемости у русского, белорусского, татарского и украинского этносов. Таким образом, полученные данные еще раз подтверждают значительную

этническую дифференциацию уровня рождаемости населения Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав населения РК. Итоги переписи населения 1999 г. в РК, Т. 1. – Алматы, 2000.
2. Население РК по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Т. 4., ч. 1. – Алматы, 2000.
3. Демографический статистический ежегодник Казахстана, 1999. – Алматы, 2000.
4. Демография. Современное состояние и перспективы развития / Под ред. проф. Д. Д. Валентея. – М., 1997.
5. Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы, 1993.
6. Демографический ежегодник Казахстана. – Алматы, 1996.
7. Алексеенко А. Н. Стратегия демографического развития РК: региональный аспект / Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы V Международной научно-практической конференции (г. Усть-Каменогорск, 20-21 октября 2003г.), Усть-Каменогорск, 2004.
8. Медико-демографическое исследование Казахстана 1999 года. – Алматы, 1999.
9. Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – Усть-Каменогорск, 1999.
10. Программа демографического развития РК за 2001-2005 гг. / Казахстанская правда, 2001. – 8 ноября.
11. Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). – М., 1977.

Е. И. Барабанова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С.Аманжолова

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Под психологической защитой обычно понимается система регулятивных механизмов, которые направлены на устранение негативных, травмирующих личность переживаний, связанных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [1, с. 127]. Ситуации, требующие защиты психологической, характеризуются реальной или кажущейся угрозой целостности личности, ее идентичности и самооценке. Эта субъективная угроза может порождаться конфликтом противоречивых тенденций внутри личности или несоответствием поступающей извне информации

сложившемуся у личности образу мира и образу «Я». Защита психологическая направлена в конечном итоге на сохранение стабильности самооценки личности, ее образа «Я» и образа мира, которая достигается устранением из сознания источников конфликтных переживаний или же их трансформацией таким образом, чтобы предупредить возникновение конфликта.

Защиты психологические нельзя однозначно рассматривать как полезное или вредное явление. Позволяя сохранить устойчивость личности на фоне дестабилизирующих переживаний и добиться более или менее успешной адаптации, защиты психологические, в то же время, лишают человека возможности активно воздействовать на ситуацию и устранить источник переживаний.

Обычно в психологической литературе выделяют следующие типы защитных механизмов психики:

- 1) репрессию – посредством которой травмирующий опыт изымается из сознания;
- 2) проекцию – когда собственные переживания человека приписываются другим лицам и объектам;
- 3) интроекцию – в результате которой человек приписывает себе черты значимого для него другого лица;
- 4) замещение – когда человек переносит свои чувства и эмоции с неприемлемого, с точки зрения его сознательных установок объекта на другой, легитимный;
- 5) регрессию – когда человек, столкнувшись с травмирующей ситуацией, использует способ поведения, характерный для более раннего, безопасного периода его развития;
- 6) рационализацию – снимающую конфликт истолкования событий и др.

Наряду с личностными психологическими защитами различают и этнические защитные механизмы. Под этническими защитными механизмами понимается такая деятельность индивида, которая направлена на сохранение позитивного этнического образа и, как следствие, на поддержание целостности этнической системы [2, с. 88].

В критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом в похожей ситуации дали возможность пережить ее с наименьшими потерями [3, с. 221]. Активизация системы психологической защиты этноса – результат взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого содержания этничности при наличии реальной или

воображаемой оппозиции в лице другого этноса.

К средствам защиты этноса можно отнести следующие. На глобальном уровне таковой является вся культура этноса. Так, например, когда этнодифференцирующих признаков между контактирующими этносами остается все меньше и меньше, один из этносов, чтобы избежать ассимиляции, может актуализировать существующие в латентном состоянии традиции.

Одним из самых древних и эффективных защитных механизмов любого этноса является его язык. Исходное свойство человеческой речи – это выполняемая словом функция внушения (*суггестия*). В древности, чтобы противостоять суггестии и сохранять свою психологическую уникальность, люди уходили на недостижимые территории. Затем происходило рождение более специфических средств контрсуггестии. Если невозможно вовсе не слышать звуков речи, можно их не понимать, перекрыть фильтром. То есть непонимание защищает человека от суггестии. Параллельно появлялись средства «сознательного» непонимания (например, различные эмоциональные реакции). Таким образом, контрсуггестия становится непосредственным психологическим механизмом осуществления всех изменений в истории.

Что бы люди не делали, они должны быть уверены в правильности и справедливости своих действий. Любое действие должно иметь обоснование в психике человека. Такое обоснование всегда позволяют дать механизмы психологической защиты. Значительное место в межэтнических отношениях и в процессах этнической самозащиты занимает механизм атрибуции – приписывания объекту каких-либо свойств и мотивов. Атрибуция используется этническими группами, в первую очередь, для того, чтобы создать о себе положительное представление, а также приписать отрицательные мотивы противникам. Данный механизм лежит в основе формирования стереотипов. Частным случаем атрибуции является *проекция*. Ее суть заключается в проецировании собственных, но неосознаваемых и потому неприемлемых для своего народа, негативных чувств, качеств и особенностей на представителей других этнических групп. Смысл проекции как защитного механизма состоит в том, что отрицательные проекции помогают группе избежать прямого внутреннего контакта с несовместимыми или вызывающими беспокойство психическими содержаниями.

Под рационализацией понимают «разумное» объяснение неосознаваемых причин собственных действий, а также своих неудач и поражений. Для оправдания себя люди сочиняют с виду логич-

ные, но, по существу, ложные объяснения. Но мотивы и выбор аргументов обычно производятся подсознательно, поэтому рационализация не всегда является сознательным обманом.

Символизация - приписывание всех положительных качеств и намерений, в которых отражаются чаяния и желания большей части этноса, конкретному человеку. Так, сочетание принципа и персоны превращается в символ, ради которого стоит рисковать жизнью. При этом личность исторического деятеля может не обладать нужными качествами, но, если это необходимо, люди приписывают ей нужные черты. Подобная символизация даже не совсем идеальных людей необходима для этнопсихологической самозащиты, усиления положительных аспектов его Я-концепции и идентификации индивидов с этносом. Последняя же часто происходит путем идентификации личности с национальными символами.

Обвинение жертвы также можно рассматривать как этнозащитный комплекс, который состоит из нескольких механизмов: 1) проекция обеспечивает то, что агрессор видит свои недостатки в жертве, вне себя; 2) атрибуции обеспечивают приписывание этим людям дополнительных отрицательных качеств; 3) в результате происходит дегуманизация жертвы, что облегчает применение к ней самых жестоких и аморальных мер, способов наказания и контроля; 4) агрессор заранее пускает в ход рационализации для оправдания того, что произойдет в будущем. Таким образом, становится «очевидно», что будущая жертва виновата и заслуживает наказания. В ходе осуществления этих планов агрессор получает новые факты о «подлости» жертвы, которая еще осмеливается оказывать сопротивление «справедливым действиям».

В периоды обострения межэтнической напряженности, вплоть до конфликтной стадии, обостряются и психологические защитные механизмы. Повышается избирательность межэтнического восприятия. Усиливаются межгрупповые и уменьшаются внутригрупповые различия. В фокусе внимания остается информация, которая подтверждает уже имеющиеся негативные стереотипы, не подтверждающая их информация отбрасывается. Стороны конфликта совершают насилие, проявляют жестокость, но каждая из них обвиняет в этом другую, считая свои действия ответом на агрессию противника. Все негативное, что сделали представители своего этноса, автоматически вытесняется (еще один психологический защитный механизм) из сознания, а раз «это сделали не мы», то в этом обвиняется другая сторона. Создается представление, будто враг всегда более жесток и коварен, а вот мы - жертвы, только пытаемся

дать им отпор. Причем, механизмы психологической защиты приводят к тому, что такое мнение является абсолютно искренним, и поколебать его практически невозможно никакими фактами.

Как этнозащитный механизм можно рассматривать и стремление этноса обрести государственный суверенитет, или автономию, внутри государства. Достижение этой цели позволяет этносу стать полноправным субъектом международного права. Этнос, обретший государственность, получает в глазах мирового сообщества законные права на защиту своей территории и населения. Естественно, что защитные процессы, связанные с суверенизацией, обостряются, если этнический коллектив переживает чувство страха, опасности (реальной или мнимой) или подвергается притеснениям.

Этнозащитными механизмами также являются эндогамные браки, юмор, агрессия, «парадоксальное гостеприимство» и многие другие действия.

В целом, необходимо отметить, что защитные механизмы, оказавшись эффективными, закрепляются в памяти людей и в культуре (традиции, ритуалы и т.п.), а их воспроизводство обеспечивает защиту и адаптацию этноса в сходных проблемных ситуациях. Более того, такие комбинации становятся устойчивыми блоками этнического характера, и поэтому их раскрытие и описание может стать вкладом в этническую характерологию.

В связи с вышеизложенными характеристиками этнозащитных механизмов можно выделить следующие проблемы, возникающие при их изучении:

- 1) Поскольку каждая этническая группа имеет долгую историю психологической самозащиты, которая оставила глубокий след (отложение) в структуре, словарном запасе, пословицах, поговорах, мифах, сказках и других аспектах словесности данного народа, необходимо при изучении психологических защит этноса опираться на историю возникновения и развития этноса, а также анализировать труды творчески одаренных людей, оставивших в наследство исторические, художественные, философские и другие произведения. В их трудах имеются многочисленные интеллектуализации, рационализации, проекции и интроекции, а также словесные выражения (вербализации) других защитных механизмов и процессов.

- 2) Ребенок в процессе своей социализации, овладевая родным языком, обучается также тем формам, механизмам и стратегиям психической защиты, которые создавались предыдущими поколениями и зафиксировались в языке (а также в фиксируемой языком культуре). Следовательно, необходимо изучать генезис формирования защит у детей-представителей конкретного этноса, прида-

3) Еще одна возникающая проблема при изучении этнозащиты – это сложность самого объекта исследования. Защитные процессы сугубо индивидуальны, многообразны и плохо поддаются рефлексии. Их проявление в межнациональных отношениях представителей различных этнических общностей носит специфический характер. Кроме того, наблюдения за результатами их функционирования осложняются тем, что реальные стимулы и реакции могут быть отделены друг от друга во времени и пространстве. Все это обуславливает доминирование в литературе фрагментарных описаний единичных и особенных фактов и затрудняет выделение общего.

Хотелось бы отметить так же, что исследовательских работ в области изучения психологической защиты этноса единичны, в частности можно отметить труды А.А.Налчаджяна, С.В.Лурье, поэтому раскрытие этнической специфичности механизмов психологической защиты и их комплексов – одна из важнейших задач этнопсихологии

- 1 Психологический словарь / Под ред. В.П.Зинченко, Б.Г.Мещерякова – М., 2004.
- 2 Налчаджян А.А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. – Ереван., 2000.
- 3 Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1998.

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им.С.Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

Развитие малого предпринимательства, как наиболее гибкого и перспективного элемента рыночной структуры, в начале XXI века

Рассмотрим общее количество действующих малых предприятий (организаций) по видам экономической деятельности за период с 2001-2003 годы по Восточно-Казахстанской области на основе данных Управления статистики Восточно-Казахстанской области.

Общее количество действующих малых предприятий

В данной таблице к другим видам деятельности относятся рыболовство, рыбное хозяйство; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; операции с недвижимым имуществом, предоставление услуг. На основании выше изложенных данных, можно прийти к выводам, что первое место занимает торговля, затем другие предприятия, промышленности, строительство, транспорт и связь. Как видно, лидирующее положение сохраняет за собой торговля. За рассмотренные годы наблюдается рост числа предприятий по различным видам экономической деятельности, чему способствует поддержка со стороны государства по различным направлениям. В частности, за этот период времени был принят новый Налоговый Кодекс.

Сравним эти данные с данными за 1997-2000 годы по числу малых предприятий в разрезе видов экономической деятельности по Восточно-Казахстанской области.

Таблица
Общая численность предприятий по видам экономической деятельности по Восточно-Казахстанской области
(по данным Агентства по статистике РК)

	1997	1998	1999	2000
Всего	2605	3678	4051	4762
В том числе:				
Сельское хозяйство, охота и лесоводство	*	*	87	133
Рыболовство и рыбоводство	*	*	14	18
Промышленность (обрабатывающая, горнодобывающая)	484	598	543	673
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	31	42	56	69
Строительство	328	411	395	449
Торговля, ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования	1212	1849	1664	2006
Сфера услуг	180	257	257	308
Операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги предприятиям	242	396	765	875
В таблице охвачены не все виды деятельности				

Из приведенной таблицы видна динамика роста численности малых предприятий за указанный период. Первое место занимала торговля, ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования, на втором месте промышленность (обрабатывающая, горнодобывающая), на третьем операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги предприятиям, то есть, за исследованный период времени с 1997 по 2003 годы наблюдается активный рост предприятий малого бизнеса, особенно по данным видам деятельности.

Развитие предпринимательства в Восточно-Казахстанской области, как и во всей стране, сталкивается с рядом трудностей как объективного (общая социально-экономическая обстановка, несто-

вершенство законодательства и т.д.), так и субъективного характера. Немаловажными трудностями субъективного характера в первую очередь можно считать неумение руководителей использовать маркетинг (неумение определить виды и объемы производимых товаров и услуг с учетом требований рынка, незнание конъюнктуры и т.д.). Исходя из этого, информационно – исследовательским маркетинговым отделом ВКГКП «Центра поддержки предпринимательства», ООП «Деловое партнерство» при содействии Восточно-Казахстанского областного статистического управления был проведен опрос руководителей малочисленных предприятий, целью которого являлось изучение состояния развития и выявление проблем малочисленных предприятий области.

Итоговая информация позволила определить:

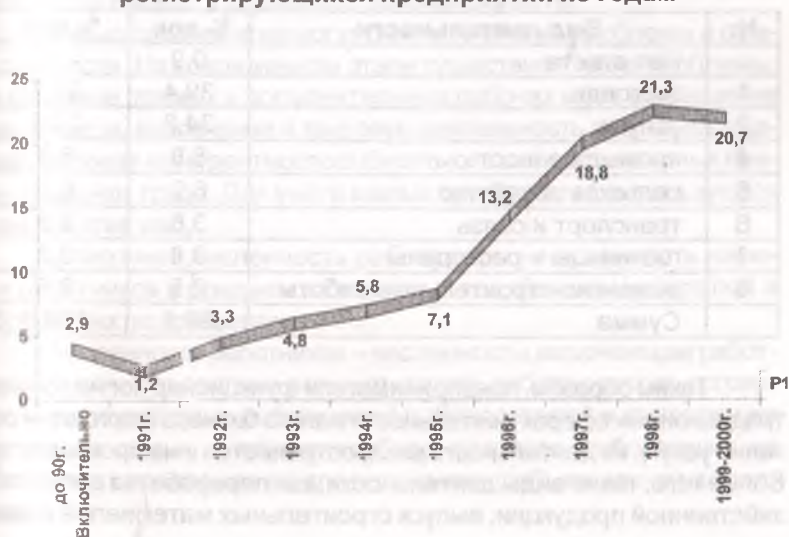
1. Состояние развития предпринимательства на сегодняшний день.

2. Тенденции развития предпринимательства в различных областях деятельности.

Исследование проводилось методом анкетного опроса. Анкета включала в себя 69 вопросов. Было опрошено 750 руководителей малочисленных предприятий ВКО, представивших отчет в областное управление статистики по форме 1-МП. Выборка носила случайный характер.

Рисунок 1

Процентное распределение количества регистрирующихся предприятий по годам



График, приведенный выше, показывает резкий рост регистрации предприятий с 1995 – 1997г., а затем стабилизацию числа регистрируемых предприятий практически на одном уровне на протяжении последних трех лет. Обнаружен интересный факт, что в первом полугодии как 1998г, так и 1999г. создано большее число предприятий, чем во вторых полугодиях тех же лет.

Дата регистрации 20,7% опрошенных предприятий 1999г. – начало 2000г., 21,3% предприятий зарегистрированы в 1998г., 18,8% – в 1997г., 13,2% – в 1996г., 7,1% – в 1995г., и 18% предприятий официально зарегистрировались до 1994г включительно. Прослеживается тенденция увеличения количества регистрируемых малых предприятий за последние пять лет.

Малые предприятия созданы и действуют практически во всех отраслях экономики. Реальная сфера деятельности предприятия зачастую не совпадает с официально зарегистрированной. Нами рассматривался фактический вид деятельности предприятия. 39,4% от общего числа обследованных предприятий фактически занимаются торговлей, 34,8% – предоставлением различных видов услуг (как населению, так и предприятиям), 8,8% – промышленным производством, 6,2% предприятий производят и перерабатывают сельскохозяйственную продукцию и 9,9% фирм действуют в других сферах.

Таблица 3
Фактический вид деятельности малых предприятий

N:	Вид деятельности	% док.	% отв.
	Нет ответа	0,9	
1	торговля	39,4	39,7
2	услуги	34,8	33,6
4	промышленность	8,8	8,8
5	сельское хозяйство	6,2	6,3
6	транспорт и связь	3,6	3,6
7	гостиницы и рестораны	3,8	3,8
8	ремонтно-строительные работы	2,5	2,6
	Сумма:	99,1	100,0

Таким образом, предприниматели функционируют не только в традиционных сферах деятельности малого бизнеса (торговля и оказание услуг), их деятельность распространяется и на производство. Более того, такие виды деятельности, как переработка сельскохозяйственной продукции, выпуск строительных материалов и изде-

ний, товаров народного потребления становятся распространенными

Деятельность обследованных малых предприятий распределяется в основном в пределах города (43,2%), области (24,2%) и района (14,1%), на уровне Республики работают 10,8% опрошенных предприятий, и 4,6% - выходят на рынок СНГ.

Рассматривая количество действующих предприятий в разном регионе области, можно наблюдать следующую картину: в 2001 году больше всего предприятий зарегистрировано по городу Усть-Каменогорску – 2587, затем в городе Семипалатинске – 1258, на последнем месте Бескарагайский район – 6; в 2002 году на первом месте г.Усть-Каменогорск – 2904, второе место сохраняется за г. Семипалатинском – 1478, на последнем месте Абайский район – 9, и в 2003 году лидирующее положение сохраняется за г.Усть-Каменогорском – 3381, в г. Семипалатинске зарегистрировано 1575 предприятий, а на последнем месте Абайский район – 10 предприятий. Как видно из указанных данных, больше всего предприятий расположено в областном центре, но и в остальных регионах области за последний период наблюдается существенный рост количества предприятий малого бизнеса, но необходимо уделять пристальное внимание таким районам как Абайский, Бескарагайский, Тарбагатайский, Зайсанский, г.Курчатов, так как в данных районах количество действующих предприятий оставляет желать лучшего. Необходимо уделять пристальное внимание развитию предпринимательства именно в удаленных районах области.

Малые предприятия могут смягчить многие проблемы в сфере занятости. На современном этапе существуют такие проблемы, как создание прямых и дополнительных рабочих мест, сокращение безработицы, вовлечение в трудовую деятельность лиц, не обладающих высокой конкурентноспособностью, в силу объективных причин, на рынке труда. Для учета малых предприятий используются такие понятия как:

- списочная численность работающих – численность наемных работников в среднем за отчетный год, без совместителей и работающих по договорам;

- численность работников – численность, включающая работников списочного состава, совместителей, работающих по договорам, неоплачиваемых работников (работодателей и помогающих ему членов семьи в трудоспособном возрасте, работающих на собственных предприятиях для получения прибыли или семейного дохода).

Небольшие предприятия должны способствовать сбалансированности как занятости населения, так и отраслей экономики, помогая насыщению рынка товаров и услуг. Для того, чтобы набросать картину численности работников малых предприятий по Восточно-Казахстанской области, необходимо проанализировать данные Управления по статистике по ВКО за последний период времени по видам экономической деятельности, для удобства сведенные в таблицу №4.

Таблица 4
Общая численность работников малых предприятий и организаций по видам экономической деятельности (чел.)

Виды деятельности	2001	2002	2003
С/х, охота и лесное хозяйство	1521	2157	3487
Строительство	6003	6715	6615
Промышленность (горнодобывающая, обрабатывающая)	7226	6763	8284
Торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий	10436	11121	12743
Гостиницы и рестораны	729	825	1117
Транспорт, связь	2763	3006	2562
Финансовая деятельность	252	236	239
Другие виды деятельности	12359	14430	14383
Всего	41289	45253	49430

По данным таблицы можно прийти к выводам, что наибольшая численность работников малых предприятий наблюдается в сфере торговли. К другим видам деятельности относятся рыболовство, рыбоводство; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; операции с недвижимым имуществом, предоставление услуг. На втором месте по численности занимает такой вид экономической деятельности, как операции с недвижимым имуществом: аренда и предоставление услуг потребителям (в 2001 г.-9611, в 2002 г.-10580, в 2003 г.-10444 человек). Наименьшее количество работающих в отрасли рыболовства и рыбоводства в силу специфики данной отрасли (в 2001 г.-78ч., в 2002 г.-267ч., в 2003 г.-249 ч.). С годами замечен неуклонный рост численности работников малых предприятий, что говорит о том, что малые предприятия реально создают для населения рабочие места.

Если рассматривать численность работающих в сфере малого бизнеса в разрезе регионов Восточно-Казахстанской области за 2001-2003 годы, то больше всего зафиксировано работников в г.Петропавловске-Каменогорске (почти 50 %): в 2001 г.- 20575 человек, в 2002 г.- 22641ч., в 2003 г.- 24706ч. Второе место принадлежит г.Семипалатинску (почти 25%): в 2001г.-10634 ч., в 2002 г. -11367 ч., в 2003г.- 12057 ч., на последнем месте Абайский район (около 0.1%): в 2001г.- 37 ч., в 2002 г. - 82 ч., 2003 г.-46 ч. Концентрация работающих на малых предприятиях наиболее высока в городах области, а областные центры остаются наиболее привлекательными для экономически активного населения.

Решением Восточно-Казахстанского областного маслихата утверждена региональная программа развития и поддержки малого предпринимательства на 2003-2005 годы. Основными механизмами реализации программы выделены: финансово-кредитная и инвестиционная поддержка; повышение производительности и развитие инфраструктуры; устранение административных барьеров и т.д. Финансироваться региональная программа будет за счет средств республиканского и областного бюджетов, внебюджетных целевых грантов. Несомненно, финансовое участие предполагается и со стороны самих предпринимателей. Ожидается, что реализация принятой программы позволит увеличить объем производства, работ, услуг малого бизнеса на 60%, а численность занятых в этом секторе - на 15 тыс. человек. Будем надеяться, что данная программа принесет свои плоды.

Необходимо пропагандировать предпринимательскую деятельность среди молодежи, женской части населения, государственных структур и гражданского общества в целях их повсеместной поддержки и вовлечению в процесс привлечения в предпринимательскую деятельность. В этой связи хотелось бы остановиться на списочном составе малого предпринимательства. Для удобства сведенные в таблицу (составлено на основе данных Управления по статистике по Восточно-Казахстанской области).

Таблица 5
Списочная численность малых предприятий Восточно-Казахстанской области

Годы	Списочная численность	Женщины	Мужчины
2001	22214	8062	14152
2002	24580	9208	15372
2003	27735	10342	17393

Как видно из таблицы 5, лидирующее положение в сфере малого предпринимательства по Восточно-Казахстанской области принадлежит мужчинам. В процентном соотношении это выглядит следующим образом: 63 % - мужчины, 37 % - женщины. Приведенные цифры свидетельствуют о гендерном неравенстве. Больше всего женщин занято в сфере торговли, услуг, питания. Женская занятость отражает сложный комплекс производственных отношений по поводу использования женского труда в условиях социально-экономического развития региона. Но вместе с тем участие женщин в предпринимательской деятельности — один из реальных путей расширения занятости женщин, возможность адаптации к новой, рыночной модели поведения, способ получения высоких доходов.

Значение сектора малого бизнеса в различных странах определяется прежде всего той экономической и социальной ролью, которую он играет в общем развитии государства. Мировой опыт говорит о том, что становление и развитие сектора малого предпринимательства является одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства в современных условиях. На сегодняшний день в сфере малого бизнеса в Казахстане занято более 1,5 млн. человек, что составляет более четверти общей численности занятых в стране. Анализ тенденций развития предпринимательства свидетельствует, что они имеют динамично-поступательный характер, влияя на снижение социальной напряженности в обществе, как можно убедиться на примере Восточно-Казахстанской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Казахстан о налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс): [от 12 июня 2001 года №21-XX]. - Алматы: Алматинский Торгово-финансовый банк, 2001. - 193 с.
2. Бутагизов О.И. О развитии малого предпринимательства в Республике Казахстан / О.И. Бутагизов. // Экономика Казахстана. - 2001. - №3. - С.40-45.
3. Контырбаев Ж.С. «Секреты» развития малого бизнеса в Казахстане / Ж.С. Контырбаев. // Финансы Казахстана. - 2001. - С. 20-26.
4. Назарбаев Н.А. Казахстан-2030 / Н.А. Назарбаев. - Алматы: Юридический институт, 2000. - 94 с.
5. Малашов Х. Защитим предпринимателей / Х. Малашов. // Экономика Казахстана. - 2001. - №3. - С.35-37.
6. Олехшиев Г.И. Каким быть малому предпринимателю? / Г.И. Олехшиев. // Деловой мир Казахстана. - 2000. - №11. - С.47-51.

Хамишев А. Что мешает развиваться предпринимательству в Республике Казахстан? /А. Хамишев. //Мысль Алматы, 2001. - №5. - 50-60 с.

Янышев Л. Значение и роль предпринимательства /Л. Янышев. //Саясат. - 2001. - №№4-5. - С.72-78.

Л.А. Бургарт

Восточно-Казахстанский немецкий культурный центр, г. Усть-Каменогорск

III МОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕМЫ «НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА В ИНОНАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ»: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Важным положительным моментом в развитии историографии истории немцев в России, СССР и на постсоветском пространстве на современном этапе является обращение исследователей к теме «Немецкое население и инонациональное окружение» [1].

Тема эта весьма непростая, интересна и многогранна. Её постановка подразумевает переход от этапа восстановления «внутренней» истории немецкого населения к этапу изучения истории взаимодействия с внешним (инонациональным) окружением.

В сентябре 2004 г. в г. Саратове состоялась XI Международная научная конференция исследователей истории и культуры российских немцев. Центром её внимания стала тема «Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности». Назовём некоторые вопросы, представленные в докладах исследователей: «Проблемы адаптации иностранных переселенцев к инонациональному окружению в Поволжье во второй половине XVIII века» (Плеве И. Р.), «Социальные процессы в русской, немецкой и финской деревне Северо-Запада, XVIII-XIX вв.» (Бахмутская Е. В.), «Российские немцы и автохтонные народы Северного Кавказа: опыт взаимодействия и проблемы толерантности» (Плохотнюк Т. Н.), «Особенности адаптации немцев лютеран и католиков в иноконфессиональное окружение» (Лиценбергер О. В.), «Взаимоотношения немцев-колонистов с сибирским крестьянством и казачеством (конец XIX – начало XX вв.)» (Вибе П.П.), «Поволжские меннониты: взаимоотношения с немцами, русскими и другими народами региона» (Савченко И.А.), «Немецкое население в Азербайджане: проблемы адаптации, особенности взаимовлияния и толерантности» (Зейналова С.), «Межнациональные отношения в Республике немцев Поволжья» (Герман А.А.), «Межэтнические про-

цессы у российских немцев Западной Сибири» (Смирнова Т.Б.), «проблемах самосознания и адаптации переселенцев из Казахстана и Средней Азии в Западной Сибири» (Барбашина Э.Р.), «Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации» (Савоскул М.С.) и др. [2].

Вместе с тем, особую важность имеет и демографический аспект обозначенной выше темы. Этот аспект включает в себя два взаимосвязанные составляющие, которые можно представить схематично следующим образом:



Цель данного исследования — выделить суть демографического аспекта обозначенной проблемы и наметить основные направления её исследования.

С одной стороны одними из основных факторов формирования инонационального окружения являются именно демографические факторы. Постановка проблемы в таком ракурсе подразумевает выделение и взаимосвязанное изучение ряда вопросов:

1. Особенности демографических процессов среди немецкого населения, способствовавшие попаданию в ту или иную этносреду;
2. Основные демографические характеристики инонационального окружения;
3. Анализ демографических процессов, происходящих на макроуровне (например, государство в целом);
4. Выделение ряда конкретных демографических факторов формирования и развития связи «немецкое население — инонациональное окружение»;
5. Оценка степени влияния демографических факторов (в ряду других факторов) на картину этносреды и др.

Мы обозначали лишь наиболее крупные вопросы, они далеко не исчерпывают весь ряд. На сегодняшний день нами получены отдельные результаты исследования вопроса о влиянии особенностей размещения немецкого населения Казахстана на «индекс» его

этнического окружения в период 1959-1999 гг. Эта проблема стала темой доклада, подготовленного к Международной научной конференции в Саратове [3].

Постановка проблемы формирования «индекса» этнического окружения и характера инонационального влияния требует многоуровневого подхода. Это предполагает определение «индекса» этнического окружения (сначала в разрезе национальной структуры Казахстана в целом (макро уровень), в том числе в проекции на городскую и сельскую часть населения, затем переход на областной срез (в целом и городское – сельское), определение особенностей размещения немецкого населения, степени компактности – дисперсности расселения и исследование национальной структуры в более узком региональном разрезе (изучение состава населения села, ближайших населённых пунктов, района и т.п.). Применение этого принципа для анализа материалов переписей населения и статистических сведений [4] позволяет более точно определить «индекс» этнического окружения немецкого населения и установить характер доминирующего и сопутствующего этнического влияния. Проведённое исследование позволило установить, что для «индекса» этнического окружения немецкого населения Казахстана в период 1959-1999 гг. было характерно следующее:

I. Полиэтнический характер окружения на государственном (макроуровне), со значительной долей русского населения;

II. В областном разрезе в «индексе» этнического окружения основной доли немецкого населения преобладал русский этнос, что явилось прямым следствием особенностей размещения немецкого населения в Казахстане.

III. Явно выраженное преобладание влияния русского населения отмечается в «индексе» этнического окружения городского немецкого населения. Присутствие казахского этноса в этом «индексе» незначительно на протяжении всего периода.

IV. «Индекс» этнического окружения сельского населения имеет более сложные составные:

1) несмотря на преобладание казахского этноса в структуре сельского населения всего Казахстана, в «индексе» этнического окружения сельских немцев, ввиду особенностей размещения, наблюдалось значительное преобладание русского этноса и отчасти проживание в «смешанной» этнической среде;

2) доля сельских немцев, проживавших в окружении исключительно казахского населения или в условиях его значительного преобладания, была гораздо ниже;

3) несмотря на преимущественно дисперсный характер расселения немцев в Казахстане, определённая компактность проживания всё же имела место, не только на уровне областей, но и в границах отдельных районов и сёл, что обусловило значительное присутствие собственно немецкого элемента в «индексе» этнического окружения более 1/3 сельского немецкого населения, при этом у четвертой части сельского немецкого населения отмечалось явное преобладание собственного этноса в составе этнического окружения;

4) многонациональный характер структуры населения Казахстана и дисперсное размещение многих этносов обусловили наличие фактов этнического соприкосновения немецкого населения с этими этносами (сопутствующее влияние): поляки, украинцы, греки и т.д.

5) весьма своеобразный опыт этнического соприкосновения имело немецкое население в сёлах с «двуэтничной» структурой: немецко-польские, немецко-эстонские и т.п.

6) только в сёлах с явным преобладанием казахского населения имели место факты более тесного этнического соприкосновения и влияния казахской культуры на немецкое население;

V. В целом в период 1959-1989 гг. 70-75% немецкого населения жило в этническом окружении с явным преобладанием русского этноса, порядка 10-15 % проживало в «смешанной» этнической среде. Доля немцев, проживавших в регионах со значительной долей и преобладанием казахского этноса к концу периода составила чуть более 18%.

VI. Особенности размещения немецкого населения в Казахстане обеспечивали определённую стабильность «индекса» его этнического окружения и обуславливали доминирующий характер этнокультурного влияния русского этноса и сопутствующий характер этнического соприкосновения с казахским населением.

VII. Последнее десятилетие XX века связано с мощными изменениями и целым рядом необратимых процессов в национальной структуре населения Казахстана. В результате массовой эмиграции и снижения темпов воспроизводства населения, значительно сократилась численность многих этносов, изменилось их долевое соотношение в составе населения Казахстана. Численность немецкого населения сократилась к 1999 году в 2,7 раза. Немцы сместились с 3-го места по удельному весу на 5-е. Мощное сокращение численности произошло также у русского и украинского населения. В результате изменения долевых соотношений, в структуре населения Казахстана в целом преобладающим стал казахский этнос.

1,1%) Аналогичным образом городское население, в составе которого ранее явно преобладающим этносом были русские, приобрело более смешанный характер (43,2% - казахи; 41,1% - русские). В составе сельского населения преобладание казахского этноса стало ещё более ярко выраженным (66,4%).

Результатом осуществлённой в этот период административно-территориальной реформы стало не только укрупнение областей, но и устранение резких региональных различий, в том числе и в национальной структуре населения.

В национальной структуре 8 из 14 вновь образованных областей преобладает казахский этнос, в одной области отмечается смешанный характер населения, в 5 областях пока ещё достаточно высокой остаётся доля русского населения. Именно в последних 5 областях и размещается большая часть немецкого населения (1,4%). Это Костанайская, Карагандинская, Акмолинская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области. 9,1% всего немецкого населения проживает в Восточно-Казахстанской области, где отмечается смешанный характер населения. Аналогичная ситуация в гг. Павлодара и Алматы, где размещено 5,4% всего немецкого населения. 14,4% немцев размещено в областях, в национальной структуре населения которых преобладает казахский этнос.

Срез город-село показывает, что русский этнос преобладает в составе городского населения 7 областей (Карагандинской, Акмолинской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской), где наиболее высока доля немцев. В этих областях проживает (по состоянию на 1990 г.) 75,1% городского немецкого населения или 38,6% всего городского населения Казахстана.

В областях с преобладанием казахского этноса в составе городского населения проживает 9,5% городского населения (4,9% всего немецкого населения). 15,4% городских немцев (7,9% всего немецкого населения) проживают в областях со смешанным характером населения. Таким образом, для городского немецкого населения характерно некоторое увеличение присутствия казахского этноса в «индексе» этнического окружения.

Значительные изменения претерпел «индекс» этнического окружения сельского немецкого населения. Лишь в одной области Казахстана (Северо-Казахстанской) в составе сельского населения преобладающим остаётся русский этнос. В Акмолинской, Карагандинской, Костанайской областях наблюдается снижение доли русских и возрастание доли казахского населения. Явно преобладаю-

щим этносом казахи стали в 10 областях Казахстана.

Таким образом, 19,6% сельского немецкого населения живёт в этническом окружении, в составе которого преобладает русское население. Это составляет 9,5% всего немецкого населения Казахстана. В «смешанной» этнической среде проживает 44,7% сельских немцев, что составляет 21,7% всего немецкого населения. Доля сельских немцев, проживающих в областях, в составе сельского населения которых преобладает казахский этнос, составила 34,6% (16,8% от всего немецкого населения). То есть мы видим, что доля сельских немцев, проживающих в этническом окружении с преобладанием казахского населения, осталась примерно такой же, тогда как доля проживающих в этническом окружении преобладающим русским «индексом» снизилась, а доля проживающих в среде с примерно равными долями русских и казахов значительно возросла. Подобную ситуацию вызвали, в первую очередь, миграционные процессы: в результате эмиграции немецкого населения наибольшие потери понесли, прежде всего, южные области Казахстана – в областях с традиционным преобладанием казахского этноса осталась незначительная доля немцев. В то же время, в результате оттока русского населения, ряд областей Казахстана сменил смешанный «индекс» населения на «индекс» с явным преобладанием казахского населения. Таким образом, доля немцев, проживающих в этническом окружении с «индексом «К» осталась почти на прежнем уровне. Аналогичным образом ещё ряд областей Казахстана сменил русский «индекс» на смешанный. В результате оттока русского населения и его замещения казахским значительная доля немецкого населения осталась в смешанном этническом окружении.

В «индекс» этнического окружения немецкого населения отмечается не только сокращение удельного веса русских и рост доли казахов, но и резкое сокращение веса собственного этноса, прежде всего в районах компактного проживания и в сёлах с преобладанием немецкого населения. «Немецкое село» как таковое в Казахстане больше не существует. Практически единственная форма размещения немецкого населения в Казахстане сегодня – дисперсная. Наиболее распространённая картина для сельского немецкого населения: несколько немецких семей остались в селе, где наблюдается постепенный отток русского населения с одновременным замещением его казахским, прибывающим из районов традиционно населённых казахским этносом. Последнему явлению во многом способствовала и проведённая административно-террито-

радикальная реформа. Эти процессы имеют место в Акмолинской, Карагандинской, Костанайской областях. Наиболее яркое проявление имеют получили в Алма-Атинской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской областях.

В течение последних лет, прошедших после проведения переписи населения РК, наблюдается дальнейшее усиление этих тенденций. В сложившихся условиях мы можем предположить изменение «индекса» этнического окружения у части сельского немецкого населения за счёт миграции в города или эмиграции из страны вообще. Для определённой же части немецкого населения с полным основанием можно говорить об увеличении этнического окружения с казахским этносом и культурой.

На рубеже веков меньше половины немецкого населения (48,1%) проживает в этническом окружении с преобладанием русского этноса, почти 30% проживает в смешанной среде с примерно равными долями русских и казахов, в «индексе» этнического окружения четвертой части немецкого населения преобладающее место занимают казахи.

VIII. Относительная стабильность «индекса» этнического окружения немецкого населения Казахстана, имевшая место в 50-80-е годы, в результате неоднозначных процессов социально-экономического и политического характера в течение последнего десятилетия XX века была нарушена. Изменение «индекса» этнического окружения немецкого населения наблюдается практически на всех уровнях и срезах.

Это лишь первые результаты, полученные в ходе исследования. Итоги анализа сведены в таблицы, позволяющие проследить динамику формирования «индекса» этнического окружения немецкого населения Казахстана. Целый ряд вопросов намечен пока лишь предварительно и нуждается в более углубленном изучении.

Другую сторону демографического аспекта проблемы составляют выделенные выше в схеме демографические последствия. Проживание этноса в условиях инонационального окружения имеет не только культурно-исторические, но и значительные демографические последствия. Этот вопрос пока ещё не нашёл должного освещения в историографии. Между тем, он представляет совокупность целого ряда важных проблем. В самом общем виде они выглядят следующим образом:

1. Изменение основных демографических характеристик этногруппы, вследствие проживания в инонациональном окружении;
2. Особенности демографических процессов в условиях вза-

и взаимодействия с инонациональной средой;

3. Степень влияния этногруппы на демографические характеристики инонационального окружения и демографическую ситуацию на макроуровне.

Проживание в инонациональной среде может быть одним из факторов изменения традиционных демографических установок этногруппы, например, установок на рождаемость (детность).

Взаимодействие с инонациональным окружением может быть одним из основных факторов изменения семейно-брачных характеристик, в том числе вопроса существенно расширяет спектр рассмотрения проблемы «взаимовлияния, изменения позиции по отношению к межэтническим бракам. Постановка данного адаптации и толерантности».

Одним из важных последствий взаимодействия этногруппы с инонациональным окружением может стать изменение миграционного поведения и степени миграционной активности, например, рост внутренней миграции – отток из одного региона в другой, вследствие неоднозначных процессов восприятия инонационального окружения в данном регионе; или возникновение и рост внешних эмиграционных движений. В данном случае мы имеем дело также весьма непростым ракурсом проблемы «адаптации, взаимовлияния и толерантности».

Важно определить степень влияния фактора проживания этногруппы в инонациональном окружении на динамику численности этногруппы, размещение в разрезе городского и сельского населения, уровень воспроизводства, семейно-брачные установки, миграционную активность, социальную структуру, образовательный уровень и т. д.

Необходимо рассмотреть демографические последствия соприкосновения этногруппы и окружающей этносреды в проекции как на саму группу, так и на инонациональное окружение и демографическую ситуацию в целом и, исходя из этого, сделать выводы по демографическому спектру проблемы «взаимовлияния, адаптации и толерантности».

Следует отметить, что постановка проблемы проживания немецкого населения в условиях инонационального окружения в демографическом аспекте аналогичным образом может быть спроецирована на другие этногруппы. В этой связи перспективным является проведение сравнительного анализа положения различных этногрупп в инонациональной среде.

Это лишь основные моменты постановки вопроса, поле и

исследовательской работы в данном направлении представляется достаточно широким.

ЛИТЕРАТУРА

Морозова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991-2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. М., 2001.

По материалам программы XI Международной научной конференции «Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности».

Бургарт Л.А. Влияние особенностей размещения немецкого населения в Казахстане на «индекс» этнического окружения (1959-1999 гг.)

Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы XI Международной научной конференции, Саратов, 15-18 сентября 2004 г. (в печати).

Основная литература по переписям населения. Библ. указатель. М., 1997; Алексеев Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск, 1999; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1946 г. М., 1946; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962; Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. Алма-Ата, 1960; Об основных показателях всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краёв, областей и национальных округов. М., 1973; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. 1974. М., 1974; Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984; Казахская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 г. Алма-Ата, 1989; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2, Алма-Ата, 1991; Национальный состав населения СССР по данным ВПН 1989 г. М., 1991; Национальный состав населения Казахской ССР. Алма-Ата, 1990; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000; Материалы переписи населения 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. Т. 1. Алматы, 2000; Т. 2. Алматы, 2001; Информация ДГП «Вычислительный центр по статистике ВК области» о численности лиц немецкой национальности по регионам области по данным переписей населения 1979, 1989, 1999 гг. от 10.11.2000; Немецкое население Казахстана в конце XIX-XX вв. Сборник. Сост. Бургарт Л.А. Усть-Каменогорск, 2001; Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г. Справочник. Сост. Дизендорф В.Ф. М., 2002 и др.

И. М. Бурлак

Рулихинская средняя школа, с. Рулиха

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Я учитель в 4-м поколении. Работа занимает большую часть жизни и естественно задумываться, настолько ли она эффективна и результативна?

Результаты работы учителя можно рассматривать по многим мимолетным показателям, а можно попытаться увидеть их отпечаток на судьбах уже состоявшихся людей. Понятно, что формирующих жизнь каждого отдельно взятого человека факторов много, помимо школы, но именно этот этап присутствовал в жизни каждого.

Мы поставили перед собой задачу проследить социальный путь выпускников на примере одного села, взяв для исследования промежуток, находящийся между двумя отправными точками переписями населения 1989 и 1999 годов. К данному моменту удалось проследить жизненный путь выпускников за 17 лет (1982-1998).

Прежде чем познакомить вас с результатами исследования, приведу краткую характеристику села. По некоторым данным село Рулиха было заложено в 18 веке, когда Петром I издал указ о строительстве Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостей. Основателем села был Рулин (имя и отчество не сохранились). Отсюда и Рулиха.

В дореволюционное время на территории земель, лежащих в окрестностях села Рулиха было много деревень: Саранчево, Шишка, Скраглево, Ильинка, Шушпаново, Морозово, Шапоревка, Родионово, Михайловка, Озерки.

В этих селах располагались бригады, объединенные в два колхоза: колхоз «Аврора» и колхоз им. Сталина. Затем эти колхозы объединили в один - колхоз «Аврора», с центральной усадьбой в селе Рулиха.

До объединения сел на территории Рулихинского сельского совета (по данным дневника председателя Рулихинского сельского совета, начатого в 1958 г.) было 8 школ: 3-х, 4-х и 7-леток, самой крупной из которых была Рулихинская 7-летняя. В ней насчитывалось 195, а на начало второго полугодия 206 уч-ся, 108 пионеров, кружков, которые посещали 90 уч-ся. Успевали 175 уч-ся, не успевали 31 (данные на 1960 г.).

С укрупнением колхозов шло укрупнение сел. Содержать мелкие села стало невыгодно, а поэтому были предприняты меры для того, чтобы жители этих сел разъехались (ликвидировались школы, магазины, медпункты, клубы). В результате сложилось сегодняшнее село Рулиха.

(См. Приложение 1)

Конечно, состав жителей постепенно изменяется, но в основной своей массе остается стабильным, так как социальная и экономическая база села на фоне других сел достаточно крепкая:

- ◆ 11-летняя школа
- ◆ врачебная амбулатория
- ◆ Дом Культуры
- ◆ Пекарня
- ◆ Магазины
- ◆ Крупное ЧКХ, где постоянно платят зарплату

Многие из жителей села живут здесь в третьем и даже в четвертом поколении.

Рассматриваемый нами период интересен тем, что охватил две политических эпохи и период становления (межсезонья). Это четко прослеживается и в демографической ситуации. (См. Приложение 2)

Приступая к работе, мы планировали двигаться в двух направлениях:

1. Получить обобщенные данные по исследуемому периоду (уловить тенденции, определить причинно-следственные связи)
2. Сделать глубинные интервью отдельных представителей различных социальных групп (успешных, неуспешных, средних), для того, чтобы рассмотреть политические эпохи через конкретных людей, определить индивидуальную траекторию их развития, попытаться выявить причины успешности / неуспешности, соотнести данные с современной ситуацией и, возможно, предположить прогноз на будущее.

По первому пункту уже получены определенные данные. Приводим их сводный анализ.

Возраст людей, входящих в рассматриваемый период от 23 до 39 лет.

Наполняемость выпускных классов в рассматриваемый период (См. Приложение 3) была разной: от 7 до 21 выпускника. Средняя наполняемость классов составила 14 человек. Самый большой выпуск пришелся на 1993 год. Это могло быть связано с тем, что рождаемость в 1986-1987 гг была невысокой, а также с тем, что за

два года до выпуска 1991 г произошёл обмен денег, и многие родители не смогли учить своих детей за пределами села.

Показатели качества знаний (См. Приложение 4) изменялись от 14% до 58%. Причём до 1991 года уровень качества знаний рос в период с 1991 по 1995 гг – понижался, с 1995 вновь стал повышаться и только к 1997 г достиг уровня 1986 г. Одной из причин падения качества знаний в период с 1991 по 1995 гг стало отсутствие положительной мотивации к получению знаний – не все имели возможность продолжать образование. Но именно в этот период качество знаний достигало своей наивысшей отметки – 58%. Рассмотрев данный класс, мы обнаружили, что большинство родителей учащихся имели высшее образование, а 5 из 12 детей росли в семьях учителей. Общие итоги показали, что только третья часть выпускников за 17 лет получила качественное образование.

236 выпускников, окончивших школу в этот период, получили 39 профессий (См. Приложение 5). Большая часть полученных профессий – 54% - требовали высокого интеллекта. Высшее образование получили 15 выпускников, окончивших школу с «тройками» и 32 выпускника, окончивших школу на «4» и «5». Причём уровень образовательных притязаний троечников-мужчин выше, чем троечниц-женщин, а хорошистов-женщин – выше, чем хорошистов-мужчин. К получению образования мужчины и женщины стремятся неодинаково. Из общего числа не получивших профессию мужчины составляют 30%. То есть женщины стремились получить профессию почти в два раза реже мужчин.

Выпускники, возвратившиеся в село, составили 43% от общего числа. (См. Приложение 6) Процент возвратившихся в село возрастал с 1986 по 1997. Причём наиболее явный рост замечен в промежутке с 1991 по 1997 гг. видимо, в эти годы люди не видели перспектив за пределами села, без помощи семьи. Образование возвратившихся в село в основном среднее – 71%, 24% составляют получившие среднее специальное образование и всего 7% – с высшим образованием. Среди возвратившихся в село с высшим образованием есть 4 учителя, 1 юрист, 1 врач и 1 инженер. Такой небольшой процент выпускников с высшим образованием, возвратившихся в село, объясняется тем, что большинство из них не может найти здесь работу по специальности, а также возросшим уровнем притязаний к месту проживания.

Из всех, окончивших за это время школу, 38 выпускников (и из них 28 женщин) - не работают. (См. Приложение 7) Мужчины составляют 26%, женщины 74%. Среди неработающих 11 человек

(20%) бывшие отличники и хорошисты. 9% неработающих страдают алкоголизмом. Из них 3% мужчин и 6% женщин. Подавляющее число неработающих – 71% имеют среднее образование. Но, наряду с ними, 16% получивших среднее специальное образование и 13% получивших высшее образование, также не работают. В селе проживает в данный момент 47% всех неработающих выпускников. При этом уровень жизни неработающих довольно высокий. Выше среднего живут 16%, имеют средний уровень жизни 74% и только 10% (4 человека) живут ниже среднего. Причем почти все они (3 человека) – страдают алкоголизмом. Следует отметить, что среди живущих ниже среднего нет ни одного отличника или хорошиста, а также людей, имеющих какое-то образование, кроме среднего.

В данное время 172 (73%) выпускника состоят в браке. (См. Приложение 8) Из них 12% во втором браке, 14% никогда не состояли в браке, 11% не состоят в браке по причине развода и 1% (2 человека) не состоят в браке в связи со смертью одного из супругов. Женщины стремятся создать после развода второй брак в 6 раз чаще мужчин. Но при этом разведенных женщин в 8 раз больше, чем мужчин. Мужчины стремятся к созданию брака почти в 1,5 раза реже женщин, но, создав, сохраняют его в 8 раз чаще женщин, т.к. в результате развода (в большинстве случаев) с женщиной остаются дети, что часто отпугивает потенциальных «вторых мужей». А, кроме того, менталитет нашего общества таков, что право выбора остается за мужчинами. В результате разводов без отцов остались 25 детей. Остались вдовами двое женщин в возрасте 27-28 лет, а двое детей остались без отцов. В 5-ти случаях из 12-ти женщины никогда не состоявшие в браке решили родить ребенка, а в одном случае – троих. Всего в таких семьях воспитывается 7 детей.

Несмотря на малый возраст исследуемых, имеет место 2% смертности. (См. Приложение 9) Всего умерло 6 человек, из них 2 женщины. Причинами смертей стали такие заболевания как порок сердца, наркомания, несчастный случай, убийство, менингит, рак. В результате сиротами остались 7 детей (5 девочек и 2 мальчика). Самому старшему ребенку в момент смерти матери было 13 лет, а самому младшему в момент смерти отца – 5 лет.

Среди выпускников присутствуют больные алкоголизмом и наркоманией. (См. Приложение 9) Больных наркоманией – 2 (мужчины). Из них 1 умер (остался сын), 1 имеет семью и ребенка. Больных алкоголизмом – 15, из них 6 женщин. Имеют семью: 7 мужчин

и 2 женщины. Находятся в разводе: 1 мужчина и 4 женщин. Никогда не вступали в брак: 1 мужчина. Мужчины-алкоголики в 4 раза реже, чем женщины, теряют семью. Состоящих в браке женщин-алкоголичек в 3,5 раза меньше, чем мужчин.

В дальнейшей работе мы планируем рассмотреть такие параметры как:

- ◆ Средний возраст вступления в брак
- ◆ Количество детей
- ◆ Интервалы между рождением детей
- ◆ Мотивацию каждого отслеживаемого параметра

Результаты исследования будут представлять интерес как для школы, так и для изучающих процессы, происходящие в обществе.

Е.И. Винокурова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КАНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Современная археологическая наука переживает важные преобразования, связанные с переходом на более высокий качественный уровень. Во второй половине XX века стали появляться археологические исследования проблем социально-экономического развития древних обществ. Эта проблематика противопоставлялась традиционным культурно-историческим, описательным работам, господствовавшим в археологии XIX-начала XX веков. В настоящее время для казахстанской археологии актуальным является направление палеодемографии, которая занимается решением проблем заселения данной территории, проблем миграции древних племен, воспроизводства населения, социальной структуры древнего общества.

Андроновская культурно-историческая общность - уникальное явление в истории Старого Света, ее памятники простираются на гигантской территории азиатской степи в широтном направлении на 3 тысячи км от Приуралья до Енисея, в меридиональном - от предтаежной и лесостепной зоны Урала и Южной Сибири через всю казахстанскую степь, полупустыни и пустыни Средней Азии и Афганистана. Тем не менее, коренной территорией андроновцев остаются Казахстан и прилегающие районы Урала. Именно здесь были

обнаружены древнейшие памятники культуры.

Общество представляет собой сложноорганизованную систему, состоящую из индивидов, группирующихся в различных подсистемах. Причем основная особенность индивида как социальной единицы состоит в том, что он одновременно может пребывать в нескольких социальных группировках: производственной, семейной, территориальной, возрастной, по полу и т.п. Таким образом, возраст и пол относятся к одним из основных характеристик социальной принадлежности индивидуума, которые находят отражение в погребальной обрядности. Источником для определения общей численности населения, половозрастной структуру, социального и семейного положения являются погребальные комплексы. Особенно важное значение имеют полностью раскопанные памятники.

На территории Восточного Казахстана в настоящее время известно около 30 погребальных памятников канайской культуры эпохи бронзы. Большинство этих памятников приурочено к речной долине Верхнего Иртыша и его притоков. К сожалению, нет ни одного полностью исследованного могильника. Изучение памятников андроновского времени в Восточном Казахстане началось еще в XIX веке, было продолжено многими исследователями в XX веке. В большинстве памятников изучено в среднем по 10 погребений. Исключения составляют могильники Березовский (33 ограды), Маринка (32 ограды), Меновное-9 (26 оград), изучение которых проводилось в 90-е годы прошлого века. Для анализа было привлечено 191 погребение, большую часть которых составляют одиночные захоронения скорченно на боку. Исходными данными для анализа по возрасту являются две основные группы, легко различающиеся по величине костных останков и антропологами и археологами — взрослые и дети. Наиболее полное представление о детских погребениях канайской культуры Восточного Казахстана нам дают могильники Маринка, Барашки, Березовский, Меновное-9, Малый Койтас.

При изучении детских погребений возникали и определенные трудности. Не все памятники Восточного Казахстана изучены одинаково — в некоторых исследовано лишь несколько погребений. Практически невозможно определить пол умерших детей. Пол детей определить фактически невозможно по остеологическому материалу и из-за отсутствия сопровождающего их инвентаря (в детские погребения, в отличие от погребений взрослых, помещали только керамические сосуды с жертвенной пищей). Антропологическое определение погребений не проводилось. Исключение составляет один памятник андроновского времени на территории Восточного

Казахстана. Это могильник Малый Койтас, остеологический материал которого был исследован антропологом О.И. Исмагуловым [1, с. 22-23]. Положительным моментом в изучении детских погребений является меньшая подверженность их ограблению. Большая часть погребений детей и подростков не ограблена. Это объясняется, скорее всего, тем, что в могилы детей не клали большого количества вещевого инвентаря, являющегося основной целью древних грабителей.

В Восточном Казахстане известны грунтовые детские могильники с единичными захоронениями взрослых в эпоху ранней бронзы (мог. Маринка), детские сепаратные кладбища эпохи средней бронзы (мог. Барашки) и единичные захоронения детей в могильниках со взрослыми (мог. Березовский, Меновное-9).

Детские погребения составляют 38,5% от общего числа захоронений. Высокая детская смертность подтверждается многими исследователями. Как считает Н.А. Рычков, процент детских погребений в какой-то мере отражает процент детской смертности [2, с. 93]. Однако процент детских погребений разных культур эпохи бронзы существенно варьируется от 20 до 50%. Можно предположить, что низкий процент детских погребений в некоторых памятниках объясняется плохой сохранностью младенческих костяков. Вероятнее всего, в третьем тысячелетии до нашей эры детская смертность приближалась к 50%. Ведь многих детей хоронили отдельно от взрослых в специальных могильниках. Примером таких памятников в Восточном Казахстане являются могильники Маринка и Барашки. В могильнике Маринка над погребениями детей не зафиксировано никаких надмогильных сооружений, что существенно затрудняет поиск таких объектов. Кроме того, многие детские погребения расположены неглубоко в грунте, вследствие чего они не сохранились до наших дней.

Наличие сепаратных детских кладбищ археологами объясняются несколькими факторами. По мнению Ю.Ф. Кирюшина и ряда других исследователей, на отдельных кладбищах хоронили детей, не получивших имя [3, с. 95]. Однако известны могильники, в которых похоронены дети и подростки. Маловероятно, что подростки не имели имя. Другой точки зрения придерживаются В.В. Боброва и Ю.И. Михайлова, которые объясняют сепаратные детские кладбища эпидемиями [3, с. 96]. Это подтверждают и коллективные одновременные захоронения в одной могиле нескольких детей.

Н.А. Рычков также высказывает точку зрения о возможном искусственном умерщвлении младенцев для регулирования чис-

пенного состава населения [2, с.92].

Всего в могильниках Восточного Казахстана были обнаружены погребения 66 детей и подростков. Данные о детских погребениях представлены в таблице. Наименьший процент умерших составляют подростки, что скорее всего объясняется большим здоровьем и меньшей подверженностью заболеваниям (чем у младенцев). Из 66 погребенных детей – 84,8% детские погребения, 15,2 % подростковые погребения. Детские погребения дошли до нас в гораздо лучшей сохранности: 70 % детских захоронений не подверглось ограблению, что существенно облегчает работу археологов-исследователей.

Таблица

Детские погребения андроновцев Восточного Казахстана

могильник	кол-во костя- ков детей	ограб- лено	дети	подро- стки	захоро- нения совмест- но со взрос- лыми	нали- чие кера- мики	орудия труда и оружие
Канай	1	1	1	-	1	-	-
Маринка	27	2	27	-	2	22	-
Борзозовский	7	3	5	2	-	3	1
Барацки	14	6	10	4	1	10	2
Малый Койтас	3	2	2	1	1	3	2
Баткудук	3	1	2	1	2	1	1
Монженое-9	7	3	6	1	-	7	1
Томир-Канка	4	1	3	1	1	-	1
всего	66	19	56	10	5	44	8
%	100	30	84,8	15,2	8	70	12

При сооружении надмогильных конструкций взрослых и детей наблюдаются общие черты. Но погребальный обряд детей имеет и свои отличительные особенности. Детские погребения отличаются от взрослых размерами погребальной камеры и глубиной захоронения. Однако, как отмечает Е. П. Бунятян, размеры могильной ямы могли диктоваться и чисто техническими причинами – в ней должен был поместиться человек, копавший могилу [4, с.59].

Детей чаще, чем взрослых, хоронят не в основных оградах, а в пристройках, реже встречаются земляные насыпи (8 %). Хотя для погребений канайской культуры курганы вообще мало характерны. Одно детское погребение под земляной насыпью изучено в

пристройке могильника Меновное-9, несколько - в ограде - кургане могильника Темир-Канка. Детские погребения отличаются меньшими размерами и глубиной погребальных камер. Умерших детей чаще всего хоронили в грунтовых ямах (84 %), реже в ящиках (16 %), совсем не известны погребения в цистах. Погребальный обряд детей менее устойчив, чем захоронения взрослых, особенно на ранних этапах развития канайской культуры. Детей хоронили скорченными чаще на левом боку, головой ориентированы во все стороны света с преобладанием западной ориентировки. Известны парные и тройные погребения (могильник Маринка). 8 % из общего числа умерших детей и подростков были зафиксированы в парных погребениях совместно со взрослыми (могильник Канай, Березовский, Бетпадук). Среди исследователей нет единого мнения о характере происхождения совместных погребений взрослых и детей. Преобладают две точки зрения: ритуальное умерщвление детей со смертью матери или одновременная смерть матери и ребенка. [2, с. 99-98]. Для канайской культуры Восточного Казахстана вероятнее всего преобладание второй гипотезы, так как процент совместных погребений женщин и детей из общего числа умерших очень низок и составляет всего 2,5 %, что может свидетельствовать в пользу одновременной естественной смерти погребенных (а не насильственном умерщвлении).

Общим для детских и взрослых погребений является наличие в могильной яме керамической посуды, помещавшейся в районе головы. 70 % погребений имеют сосуды. Чаще всего в одиночное детское захоронение ставили один сосуд. Только при раскопках могильника Малый Койтас были обнаружены детские погребения с двумя сосудами. Лишь 3,2 % детских погребений имели дополнительные предметы: орудия труда (обломок иглы) и украшения (серьги с раструбом, нашивные бляшки). Однако все погребения канайской культуры в целом имеют небольшой процент погребального инвентаря (12%).

На основании вышеизложенного можно сделать следующее заключение: погребальный обряд детей и подростков канайской культуры Восточного Казахстана не обладает существенными отличиями в сравнении со взрослыми захоронениями (колеблется размер и глубина погребальных камер, меньшее количество погребального инвентаря).

ЛИТЕРАТУРА

1. Оразбаев А.М., Г.К. Омаров Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохра-

- нения исторического наследия. – Алматы, 1998.
- Рычков Н.А. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы. // Методологические и методические вопросы археологии. – Киев, Наукова думка, 1982.
- Робров В.В., Михайлов Ю.И. Демографический аспект изучения андроновского общества в восточных районах культурного ареала (по детским погребениям) // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999.
- Тунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. – Киев, Наукова думка, 1985.

В.Н. Владимиров, И.Г. Силина, М.Е. Чибисов

Алтайский Государственный Университет, г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ И СТРУКТУРЫ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ В КОЛЫВАНОВО-ВОСКРЕСЕНСКОМ (АЛТАЙСКОМ) ГОРНОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Первые свидетельства о попытках государства наладить учет населения посредством привлечения к этому разветвленной системы православных приходов можно обнаружить в указах Петра I и Священного Синода за первую четверть XVIII в. Так, указом от 16 июля 1722 г. предписывалось «...по всем епархиям во всех городских и уездных приходах священникам учинить именные приходам своим всякого звания мужского и женского пола людям книги, в которых как православных, так и раскольников означать по домам» [1]

Указ Синода от 20 февраля 1724 г. [2] свидетельствует, что еще с 1702 г. священники должны были вести метрические книги и экстракты из них ежегодно отсылать к архиереям, однако они не выполняли этих требований. Учитывая это, Синод разработал в 1724 г. подробную форму метрических книг и еще раз обязал священников содержать их в полном порядке. Из этих указов следует, что государство взяло курс на стопроцентный учет всего населения, используя для этого широкие возможности, предоставляемые православной церковью.

Можно отметить два уровня бытования документов церковной статистики. Один из уровней – это документы, составлявшиеся приходским священником. Это «троечастные» метрические книги, исповедные росписи и клировые ведомости. **Метрические книги**

дают возможность изучить проблемы брачности, рождаемости и смертности. **Исповедные росписи** представляют собой первичные материалы церковного учета, т.е. ведомости, составлявшиеся непосредственно приходскими священниками. Эти документы, как отмечал Ю.М.Гончаров, имеют богатейшие источниковые возможности для решения целого комплекса демографических проблем [3]. **Клировые ведомости**, как об этом свидетельствуют законодательные материалы, составлялись в течение почти всего XVIII и XIX вв. По определению клировые ведомости – это, первоначально, списки священнослужителей. По сложившейся к концу XIX в. практике они стали также включать в себя историческую справку о церкви, ее приходе, имуществе, священно- и церковнослужителях. Название происходит от слова «клир» – штат церкви, совокупность людей, совершающих богослужение [4].

Из всех документов церковного учета клировые ведомости остаются наименее изученными. До последнего времени исследователи относили клировые ведомости к одной из разновидностей исповедальных росписей. В.М.Кабузан, говоря о клировых ведомостях, приводит их определение, полностью соответствующее определению исповедальных росписей: «Клировые ведомости о числе исповедавшихся и причащавшихся и неисповедавшихся и непричащавшихся и о числе раскольников» [5]. Ю.М.Гончаров принимает клировые ведомости за одно из названий исповедных росписей: «Встречаются заглавия «исповедные росписи», «исповедные ведомости», «клировые ведомости» [6].

Причина такого положения лежит в основном в малой изученности самих клировых ведомостей. Примечателен также тот факт, что в Центре хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) редко встречается само название – «клировая ведомость». В основном во многих делах фигурирует заглавие документов – «Ведомость о церкви ...» [7] (это касается всех приходов Алтайского горного округа). Поэтому термин «клировая ведомость» представляется несколько неустоявшимся, во всяком случае, для Алтая.

Хотя, как отмечалось выше, учет православного населения по отдельным дворам был введен на территории всей России в 1722 г., форма ведомостей, на основании которых осуществлялся клировый учет, была выработана лишь в 1737 г. [8]

Не вызывает сомнения, что клировые ведомости составлялись священником прихода по данным исповедных росписей и ежегодно отсылались в духовное правление. Первые клировые ведомости в фондах Барнаульского духовного правления относятся к

1796 г. Далее следует большой перерыв, и следующие ведомости мы находим лишь в деле за 1812 г. В дальнейшем они представлены более или менее полно, и перерыв не превышает 4–5 лет. До 1829 г. ведомости носили краткий характер и представляли собой сводный документ по всем церквям духовного правления. Сведения о приходах заносятся в определенном порядке в специальные графы.

Клировые ведомости конца XVIII. — начала XIX вв. имеют один существенный недостаток — они заполнялись уже в духовном правлении, делалось это подчас небрежно, нередко записи находятся в непригодном для прочтения состоянии. Часто вызывает сомнение прилежность составителя, что, в свою очередь, заставляет сомневаться в точности приводимых данных. К сожалению, никаких ссылок на первоисточник в документах не дается.

Ситуация меняется с 1829 г. Ведомости за этот и последующие года разительно отличаются от предыдущих по многим характеристикам. Ведомости о каждой церкви представляют собой отдельные документы, впоследствии сшитые в одно дело. Каждая ведомость четко разделена на три части: подробное описание самой церкви (из восемнадцати пунктов), «ведомость о причте означенной церкви» и «о прихожанах означенной церкви». Ведомости заполнялись лично священником, каждая страница скреплялась его подписью; в конце документа расписывались все церковнослужители. Поэтому можно сделать вывод о большой степени достоверности сведений источника.

С введением новой формы ведомостей расширяются возможности использования их как источника по исторической демографии. В третьей части, где говорится о прихожанах церкви, дается численность всех прихожан с разделением по половому и сословному признаку. Население разделено также по месту его проживания с указанием числа дворов в каждом населенном пункте. Также подробно учитываются раскольники — указывается к какому течению или секте они принадлежат (поповцы, беспоповцы, секты поморской и др.).

В тексте ведомости приход разделен на части (по количеству священников), данные приводятся отдельно по части каждого священника. Эта информация достаточно полезна при оценке деятельности церковнослужителей, потому что наглядно иллюстрирует нагрузку на каждого из них.

Клировые ведомости незаменимы при изучении приходской общины, при исследовании соотношения общины церковной с об-

щиной мирской. Ведомости дают точные границы прихода, по ним легко проследить динамику изменения численности прихожан.

В отличие от метрических книг и исповедных росписей клировые ведомости чрезвычайно удобны в работе, информация в них строго систематизирована, записи находятся в удовлетворительном состоянии.

В ЦХАФ АК клировые ведомости собраны и рассортированы в хронологическом порядке. В каждом деле собраны ведомости разных церквей, находящихся на всей территории Алтайского округа. Дело включает в себя, в большинстве случаев, ведомости за один год, но иногда в одном деле встречаются данные за несколько лет.

В каждой ведомости вначале идут данные о *самой церкви* по 18-ти пунктам:

- 1) Когда и на каком месте построена церковь.
- 2) Из какого материала построена церковь, и в каком она состоянии.
- 3) Сколько престолов и алтарей в церкви.
- 4) Сколько необходимо церкви священников, диаконов, дьячков, пономарей.
- 5) Обустроенность церкви.
- 6) Сколько земли имеет церковь, где хранятся копии земельных планов, наличие межевой книги, как используется земля, принадлежащая церкви.
- 7) Имеются ли собственные дома у церковнослужителей.
- 8) Содержание служителей церкви.
- 9) Имеются ли при церкви другие здания.
- 10) Указывается расстояние до Консистории, Духовного правления.
- 11) Имеется ли приписанная.
- 12) Есть ли в приходе домовая церковь.
- 13) Ближайшие церкви.
- 14) Когда была проведена опись имущества и кем.
- 15) Информация о приходно-расходных книгах.
- 16) С какого времени хранятся метрические книги.
- 17) С какого времени хранятся исповедальные росписи.
- 18) Дается информация о самой обыскной книге.

Эти данные имеются в любых ведомостях за каждый год. Во всех делах за интересующий нас период эти данные по 18-ти пунктам остались без изменений. Поэтому можно сделать вывод, что данная совокупность сведений являлась обязательной формой за-

полнения клировых ведомостей и выполнялась церковнослужителями неукоснительно при составлении ежегодных клировых ведомостей.

Остальная информация относится к **причту церкви**. Как правило, идут данные о священнослужителях означенной церкви: Ф.И.О. священника, его возраст, с какого времени находится на той должности. Те же данные даются относительно диакона, дьячка, пономаря, если их места не вакантны. Указывается причина освобождения той или иной должности, как правило, это перевод на службу в другую церковь или монастырь либо исключение из духовного звания.

В следующей части клировой ведомости идут **данные о прихожанах** данной церкви:

- 1) Указывается населенный пункт;
- 2) Указывается приход (число дворов);
- 3) Идет деление прихожан по сословию (число дворян, военных низших чинов, приказных, разночинцев, мещан, крестьян, дворовых людей — по Барнаулу; число мастеровых, мещан, крестьян, раскольников с поповщины — по деревням);
- 4) Указывается отдельно число душ мужского и женского пола.

В целом данные церковного учета населения уступают по полноте и точности охвата населения ревизским материалам, но это несколько не умаляет их значения. Мы вправе считать их совершенно самостоятельным историческим источником по учету численности, состава и движения православного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСЗ т. VI, № 4052 от 16 июля 1722 г. С. 739.
2. ПСЗ т. VII, № 4480 от 20 февраля 1724 г. С. 266-267.
3. Гончаров Ю.М. Исповедные росписи как массовый источник по истории купеческой семьи на Алтае в конце XIX — начале XX вв. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 185-186.
4. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — начало XX вв.). Барнаул, 1997. С. 403.
5. Кабузан В.М. Народнонаселение России. — М., 1963 г., стр. 82.
6. Гончаров Ю.М. Указ. соч. С. 45.
7. ЦХАФ АК. Ф.26. Оп.1. Д. 297, 298, 300-303, 306-311, 313, 314, 321
8. ПСЗ. Т.Х. С. 114-126

О.А. Гайко

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

**ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ИДЕЙ И ПРИОРИТЕТОВ
ДЕКЛАРИРУЕМЫХ ПРОГРАММОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА 2001-2005 ГОДЫ
РЕАЛИЗУЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ**

Три года назад в Казахстане была принята Программа демографического развития на 2001-2005 годы. Ее принятие было обусловлено необходимостью преодоления негативных тенденций современных демографических процессов. В Программе была обозначена следующая цель демографического развития до 2005 года: выработка и реализация комплексных решений для преодоления негативных тенденций в демографических процессах Республики Казахстан и на этой основе достижение роста численности населения.

Данная Программа ставила перед собой следующие задачи: стабилизировать рождаемость и ее рост, укрепить институт семьи, уменьшить смертность, улучшить состояние здоровья населения, сократить отрицательное сальдо миграции и обеспечить рост качества жизни населения. Ожидалось, что уже к 2006 году поставленные задачи будут решены, а, кроме того, за этот период будут созданы предпосылки к устойчивому росту населения.

В качестве приоритетов демографической политики были объявлены: охрана репродуктивного здоровья, укрепление института семьи, снижение смертности и создание условий «для удовлетворения социально-экономических потребностей населения - повышение доступности к получению профессионального образования в целях обеспечения поступательного развития «человеческого фактора», роста материального благосостояния, полноценного участия в социальных и экономических отношениях и повышение эффективности функционирования системы социального обеспечения населения» [1]. Источником финансирования Программы был заявлен бюджет и другие, не запрещенные законодательством Республики Казахстан финансовые источники.

Следует отметить, что данная Программа была принята на основе Концепции государственной демографической политики Республики Казахстан 2000 года [2]. Интересен тот факт, что цели, задачи и приоритеты Концепции несколько отличны от целей, задач и

приоритетов Программы. Хотя логично было бы предположить их необходимое тождество. Само понятие концепции предполагает определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основную точку зрения на предмет, явление, процесс. Программа же ничто иное, как документальное подтверждение плана реализации той или иной концепции, будь она художественной, научной, религиозной или, как в нашем случае, демографической. Так, например, Концепция определила целью демографической политики Республики Казахстан «преодоление негативных тенденций в демографических процессах, предотвращение депопуляции, обеспечение количественного и качественного роста населения в соответствии с долгосрочной стратегией развития страны» [2]. Программа же никоим образом не ставила перед собой цель обеспечить качественный рост населения и предотвратить депопуляцию.

Кроме того, определяемые в Концепции такие задачи демографической политики как улучшение условий жизнедеятельности семьи, повышение ответственности за здоровье населения на уровне общества и индивида, преодоление негативных последствий экологических бедствий вообще никак не были отражены в Программе. Отсутствие двух последних задач демографической политики в Программе существенно трансформировало не только область задач, но и сам образ «достижимого», то есть ожидаемого результата.

Следует учитывать и то, что демографическая политика реализуется как одно из направлений общегосударственной социальной политики. Принятая государством определенная модель социальной политики существенным образом детерминирует реализуемую социальную политику, как в целом, так и отдельные ее направления. Определяющим критерием в определении той или иной модели социальной политики является соотношение степени участия в сфере социального обеспечения и социальных услуг государства, гражданского общества и отдельных граждан.

Социальное обеспечение включает систему социального страхования и общественного вспомоществования, направленную на поддержание дохода беднейших слоев населения независимо от их участия в трудовой деятельности и выплаты страховых взносов. Система социальных услуг объединяет системы здравоохранения, образования, профессиональной подготовки и службу занятости. Степень участия государства в социальной сфере во многом определяет масштабы и характер проводимой социальной политики.

Расширенная социальная политика означает общедоступность социальных программ, универсальность социальных выплат, всеобъемлющий характер перераспределяющей деятельности государства. Ограниченная социальная политика предполагает сведение до минимума ее масштабов, содержания и объектов. Как правило государства, конституционно закрепляющие свой статус как социального государства (Республика Казахстан в Конституции определяется как социальное государство) проводят расширенную социальную политику.

Если в качестве критерия взять идею, образ оптимального соотношения участия в социальной сфере государства, гражданского общества и отдельных граждан, то можно выделить следующие модели социальной политики: социал-демократическую, либеральную, консервативную и социалистическую.

При социал-демократической модели социальной политики большую часть расходов на социальные нужды оплачивает государство из бюджетных средств. Государство несет ответственность за социальное благополучие граждан и к тому же является основным производителем социальных услуг. Наиболее полное воплощение социал-демократическая модель социальной политики получила в Швеции.

При реализации консервативной модели государство несет ответственность за социальное обеспечение, но не занимается организацией социальных услуг. Эта модель нацелена на создание благоприятных условий для трудоспособной части общества в экономической сфере. Так же для этой модели характерно развитие системы социального страхования, в том числе и от такого социального риска как безработица. Принцип страхования дает право на получение услуг теми, кто делает взносы в соответствующие страховые фонды. Деятельность страховых фондов контролируется государством. Уплата взноса дает право на соответствующую услугу независимо от действительной потребности в ней. Система социального обеспечения дополняется также и средствами из государственного бюджета, которые отпускаются в качестве единовременных пособий на детей, дотаций малообеспеченным и многодетным семьям, пособий беженцам, жертвам войны, инвалидам, молодоженам, пенсионерам, пособий на лечение и получение образования. Максимальное воплощение консервативная модель получила в Германии, Франции, Австрии, Бельгии.

Либеральная модель социальной политики отличается минимальным участием государства в социальной сфере. Социальные

программы финансируются за счет частных сбережений и частных страховых вкладов. Государство отвечает лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и за благополучие наиболее обездоленных слоев населения. Но государство максимально стимулирует создание и развитие в обществе различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, а также различных законных средств и способов получения и повышения гражданами своих доходов. Эта модель наибольшее распространение получила в США, Англии, Ирландии.

Социалистическая (вернее сказать советская) модель социальной политики носила универсальный характер. Главным субъектом социальной политики являлось государство, основным и единственным источником финансирования – государственный бюджет. Государство также несло ответственность за предоставление социальных услуг и являлось единственным их производителем. Социалистическая модель отлична от социал-демократической не только присущим ей патернализмом и монополизацией государством социальной сферы, но и отсутствием развитой системы страхования от социальных рисков.

Формирующаяся модель социальной политики Республики Казахстан трудно отнести к какой-либо из выше описанных моделей. К тому же мы не можем автоматически заимствовать ту или иную понравившуюся модель социальной политики, не учитывая предыдущий социально-политический опыт. Все модели социальной политики в той или иной мере опираются на развитую систему социального страхования. В «наследство» от социалистической модели мы получили отсутствие опыта применения системы социального страхования, а неудачные попытки введения системы медицинского страхования середины 90-х гг. прошлого века вообще пишили систему социального страхования минимального «кредита доверия» у населения Казахстана.

Государство в ходе реформ отказалось от монополии в социальной сфере, но пока нет партнеров, готовых разделить с ним ответственность и финансовые затраты. Институты гражданского общества находятся в стадии становления и пока далеки от готовности взять на себя ответственность за социальное обеспечение и предоставление качественных социальных услуг. Но это и не удивляет, если учитывать характер тех социально-политических изменений, через которые пришлось пройти Казахстану.

Либеральная модель социальной политики делает ставку на гражданина как основного субъекта социальной политики. Народ

Казахстана имеет исторический опыт «подданных» и «товарищеских» отношений. Стадию становления и укоренения гражданственности мы только переживаем и эта стадия далека от завершения.

Реализация полноценной консервативной модели требует благоприятных институциональных условий для хозяйственно-экономической деятельности собственника, а этого мы пока еще тоже не достигли.

Социал-демократическая модель, в большей степени соответствующая идеалу социального государства и запросам общества, требует огромных бюджетных расходов, которые не гарантируют быстрых результатов в виде моментального улучшения демографической ситуации в стране. В качестве примера можно привести упоминаемую Швецию с одним из самых низких в Европе уровнем рождаемости [3].

Поэтому мы можем засвидетельствовать фрагментарный характер существующей на данном этапе модели социальной политики, в контексте которой реализуется, в частности, и демографическая политика. Выявить преобладающие тенденции в формирующейся модели поможет анализ принятой в 2001 году Концепции социальной защиты населения Республики Казахстан [4]. Так, например, государство гарантирует минимальный объем пособия (одинаковый уровень выплат для всех граждан при наступлении социальных рисков), а дополнительный уровень защиты должен зависеть от трудовой деятельности каждого конкретного человека. Основные идеи принятой концепции социальной защиты можно выразить несколькими тезисами: во-первых, все трудоспособные граждане должны быть ответственны за свое собственное будущее и благосостояние своих семей; во-вторых, пособия должны быть адресными [5]; в-третьих, система социальной защиты должна быть эффективной, прозрачной, низкозатратной и простой (с минимальным дублированием пособий). Таким образом, основным источником финансирования программ социальной защиты станет сам человек (правильнее, наемный работник) через систему накопительных страховых фондов и при долевого участия работодателя. Приоритетными направлениями реализации Концепции социальной защиты заявлены создание, во-первых, развитой системы обязательного и добровольного социального страхования и, во-вторых, создание национальной базы данных с присвоением каждому гражданину персонального идентификационного кода, что позволит контролировать все социальные выплаты.

Анализ важнейших документов, определяющих образ, содержание и характер демографической политики привел к следующим результатам:

во-первых, Концепция демографического развития предполагает не только снятие негативных тенденций современных демографических процессов, но и улучшение не столько количественных, сколько качественных показателей. Ответственным субъектом, в том числе и финансовым, определялось государство;

во-вторых, Программа демографического развития имела целью снятие негативных тенденций демографических процессов и улучшение количественных показателей. Основным субъектом также определялось государство, основным финансовым источником – государственный бюджет и другие, не запрещенные законодательством источники;

в-третьих, модель социальной политики Республики Казахстан, в контексте которой реализуется демографическая политика, находится в стадии формирования. На данном этапе мы можем констатировать присущий казахстанской модели социальной политики ограничительный характер и адресную направленность социальной помощи со стороны государства, что придает ей черты сходства с либеральной моделью. Одновременно с этим обнаруживаем, что в перспективе возрастет значение разветвленной системы социального страхования, что более свойственно консервативной модели. И в либеральной, и в консервативной модели государство не является основным субъектом социальной политики, а государственный бюджет основным источником финансирования. Становление других субъектов социальной политики – граждан и институтов гражданского общества находится в начальной стадии и не обеспечивает полноценного их участия.

На данный момент основным источником финансирования социальных программ является республиканский бюджет. Так в 2003 году на социальное обеспечение и социальную помощь было выделено 185 561 535 тыс. тенге [7, 147]; Агентству РК по миграции и демографии 490 тыс. тенге [7, 144]. При этом бюджетные затраты в целом составили – 678 536 417 тысяч тенге [7, 129]. А в текущем году из республиканского бюджета было выделено на социальное обеспечение и социальную помощь 237 795 199 тысяч тенге [8, 181], 6 313 233 тыс. тенге Агентству РК по миграции и демографии [8, 182]. При этом затраты государственного бюджета в целом составили – 930 652 184 тысяч тенге. Хотелось бы отметить, что увеличение бюджетных дотаций на социальные пособия вполне соответ-

ствуют направленности социал-демократической модели, но никак не консервативной или либеральной. Но разумное объяснение увеличению финансирования государством социально-политических программ в рамках формирующейся модели социальной политики Казахстана можно найти. Если принять к сведению, что это временное и вынужденное явление в ситуации незрелости институтов гражданского общества и отсутствия системы развитого страхования.

Можно предположить, что в дальнейшем, по мере развития системы страхования и гражданского общества в Казахстане будет образована смешанная модель социальной политики на основе консервативной и либеральной моделей.

С учетом неполного соответствия идей и приоритетов Программы и Концепции демографического развития друг другу, а их вместе контексту реализации, то есть модели социальной политики, вряд ли стоит ожидать улучшения демографической ситуации в ближайшем будущем. Хотя до окончания действия Программы демографического развития еще остался год, некоторые предварительные результаты ее реализации уже можно обнаружить. Так, например, при разработке Программы исходили из того, что численность населения Республики Казахстан на 1 января 2001 года, по предварительным данным Агентства Республики Казахстан по статистике, составила 14841,9 тысяч человек [1]. По предварительным данным на 1 января 2004 года численность населения составила 14951,3 тысяч человек [6]. За период 1999-2003 годы естественный прирост по Казахстану составил 386,6 тысяч человек [6]. Число умерших возросло с 147,4 тысяч в 1999 году до 154,8 тысяч (на 5%) в 2003 [6]. За период с 1999 года по 2003 год масштабы международной миграции населения изменились. Численность мигрантов въезжающих из страны снизилась с 164,9 тысяч человек в 1999 году до 73,8 тысяч человек в 2003 году. Число прибывающих из-за пределов Казахстана увеличилось до 65,5 тысяч человек в 2003 году против 41,3 тысяч человек в 1999 году. За период 1999-2003 годы в республику иммигрировало 266 тысяч человек и эмигрировало 656,6 тысяч человек, в результате отрицательное сальдо миграции населения за 5 лет составило 390,5 тысяч человек [6].

К сожалению, эти предварительные статистические данные несут информацию только о количественных изменениях и не дают представления о произошедших качественных процессах. Хотя как уже упоминалось ранее, помимо Концепции демографической политики качественные позитивные сдвиги и не предполагались. Хотелось бы надеяться, что последующая Программа демографическо-

то развития будет ставить целью не только улучшение количественных показателей смертности, рождаемости, численности населения и т. д., но и качественных, таких как возможность получения достаточного уровня доходов для поддержания достойного уровня жизни, возможности продолжительной и здоровой жизни, возможности получения образования и совершенствования знаний. И если по прошествии Программы демографического развития на 2001-2005 годы можно было списать на издержки переходного периода, то с новой Программой этого не должно случиться. Переход пройден, пора окончательно определить, в каком конкретном направлении предстоит идти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 октября 2001 N1380 О Программе демографического развития Республики Казахстан на 2001-2005 годы (с изменениями, внесенными постановлениями Правительства РК от 17.04.02 г. N 444; от 20.03.04 г. N 364)
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2000 года N 1272 О Концепции государственной демографической политики Республики Казахстан
3. См. статистические приложения на сайте www.km.ru
4. Об одобрении Концепции социальной защиты населения Республики Казахстан Постановление Правительства Республики Казахстан от 27 июня 2001 года N 886 (САПП Республики Казахстан, 2001 г., N 24-25, ст.303; «Юридическая газета» от 22.08.2001 г., N 38 (406))
5. О государственной адресной социальной помощи Закон Республики Казахстан от 17 июля 2001 года N 246 (Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2001 г., N 17-18, ст. 247) («Казахстанская правда» от 10 августа 2001 года N 187; «Юридическая газета» от 15 августа 2001 года N 37)
6. Демографическая характеристика населения Республики Казахстан: 5 лет после переписи населения 1999 года //Труд в Казахстане. - 2004. - №5. - С.24-28
7. Закон Республики Казахстан О республиканском бюджете на 2003 год //Ведомости Парламента Республики Казахстан. -2002. - №22 (2383). -С.105-205
8. Закон Республики Казахстан О республиканском бюджете на 2004 год //Ведомости Парламента Республики Казахстан. -2003. - №23 (2408). -С.143-223

К.В. Григоричев

Карагандинский Государственный Университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда

Внутриказахстанская миграция русского населения в 1990-е - начале 2000-х гг.: опыт картографического анализа

Изучение миграционных процессов в современной казахстанской науке является одной из приоритетных тем, о чем свидетельствует широкий спектр, как частных, так и обобщающих публикаций. Вместе с тем, значительное большинство таких работ посвящены внешней миграции, прежде всего – эмиграции русскоязычного населения, ее потенциала, возможностей для адаптации эмигрантов в России и перспектив их возврата в Казахстан. При этом тенденциям внутреннего движения населения уделяется значительно меньшее внимание. Большинство имеющихся публикаций по этой проблематике касаются тенденций развития сельско-городской миграции, нарастанию темпов урбанизации и последствий (кратко- и долгосрочных) этого процесса.

Этническая специфика внутриказахстанской миграции населения при этом рассматривается преимущественно в контексте ее социальной структуры и социально-политических последствий. Авторы отмечают устойчивую тенденцию смещения русского населения на восток и север Казахстана, генерализируя тем самым тенденции внутриреспубликанского движения этой части населения. В основе этого вывода, очевидно, лежит сохранение наиболее высокой доли русских в населении северо-восточных областей Казахстана. Данный вывод выделяет специфический этнический тренд для 1990-х годов, пролонгируя его для начала 2000-х гг. Однако, как отмечают многие авторы, в последние несколько лет миграционные процессы в Казахстане, как и на всем постсоветском пространстве, постепенно утрачивают «чрезвычайный», «форс-мажорный» характер и приобретают «нормальные» черты. Вероятно, что и этнические характеристики внутриреспубликанской миграции должны быть подвержены этим изменениям. Они же в свою очередь в значительной мере определяют тренды миграции внешней, являющейся критическим фактором для демографического развития Казахстана. Таким образом, рассмотрение тенденций внутриказахстанской миграции с учетом их этнической специфики является одним из актуальных направлений работ в изучении миграции.

Кроме того, в подавляющей части подобных публикаций анализ миграционных процессов ведется на основе «чистых» статистических данных без их визуализации. Вместе с тем, миграция – яв-

ние пространственное, требующее обязательного картографического подхода, по крайней мере, при анализе векторов миграции. При этом карта служит не только, и не столько средством иллюстрации, сколько инструментом анализа. В данной статье мы предпринимем попытку применения картографического анализа для выявления специфики внутренней миграции русского населения Казахстана в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

Картографический анализ проводился нами на основе данных о межобластной миграции населения по отдельным национальностям за 1997-2003 гг.¹ и включал ряд последовательных шагов. На первом этапе нами были выделены области Казахстана, имевшие в соответствующем году положительное сальдо миграции русского населения (на картах обозначены темным цветом). При этом нами параллельно составлялись две серии карт: 1) миграция русского населения и 2) внутриказахстанская миграция в целом (по всем национальностям). Подобная методика диктуется необходимостью компаративного подхода. Вторым шагом стало выделение векторов внутриказахстанской миграции для каждой области. На этом этапе была получена черновые карты, чрезвычайно перегруженные маломасштабными векторами и поэтому малоинформативные. Для решения этой проблемы была проведена генерализация карт на основе фильтра объемов миграционных потоков или, иначе говоря, для каждой области были выделены наиболее значимые потоки на основе их результатов (как положительных, так и отрицательных). В результате была получена серия генерализированных карт, отражающих важнейшие направления миграции русского населения, а также общие векторы внутриказахстанской миграции (рис. 1). На карты вынесены наиболее значимые для соответствующих областей векторы внутренней миграции, жирными стрелками обозначены потоки, имеющие наибольшее значение сальдо. Полученные карты, на наш взгляд, позволяют сформулировать следующее.

Для 1997-2000 гг. важнейшей тенденцией в миграции русского населения является отмеченное многими авторами движение в северные и восточные области. Областями-реципиентами являлись Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская и Алматинс-

Итоги миграции населения Республики Казахстан за 1997. Алматы, 1998;
Итоги миграции населения Республики Казахстан за 1998. Алматы, 1999;
Итоги миграции населения Республики Казахстан за 2000. Алматы, 2001;
Итоги миграции населения Республики Казахстан за 2001. Алматы, 2002;
Итоги миграции населения Республики Казахстан за 2002. Алматы, 2003;
Итоги миграции населения Республики Казахстан за 2003. Алматы, 2004

кая области, а также город Алматы. Положительное сальдо в миграции русского населения имела также Западно-Казахстанская область, однако здесь сальдо миграции было невелико (+72 чел.). Таким образом, очевидно тяготение данных потоков к 1) областям приграничным с Россией и 2) областям со значительной долей русского населения, что в целом подтверждает обозначенную ранее тенденцию. Однако из этих построений «выпадают» Северо-Казахстанская и Костанайская области. Обе они относятся к северному региону, занимают приграничное с Россией положение, однако имеют устойчивое отрицательное сальдо в межобластной миграции русского населения. При этом отток русского населения отсюда происходил как в северо-восточные области (Акмолинская и Павлодарская), так и на юг (Алматинская область и г. Алматы).

В общей межобластной миграции для этих лет характерно формирование трех неравнозначных центров притяжения: города Астана и Алматы с соответствующими областями и, в меньшей степени, Мангыстауская область. Положительное сальдо имела также Павлодарская область, где значение сальдо межобластной миграции было значительно меньше, чем в соседней Акмолинской области и сопоставимо с этим показателем в Мангыстауской области (1508 и 1309 чел. соответственно). Областями-донорами, наряду с центральными и южными областями, являлись также Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области. Таким образом, различия векторов рассмотренных потоков из конце 1990-х гг. достаточно очевидны.

С 2000-2001 гг. векторы движения русского населения постепенно приходят в соответствие с общими тенденциями межобластной миграции. Важнейшими центрами притяжения миграции русского населения становятся столичные регионы, включая города Астану и Алматы. Из «старых» центров тяготения межобластной миграции сохраняется лишь Павлодарская область, однако ее значение по сравнению с 1997-1998 гг. значительно падает (сальдо миграции сокращается с 508 до 197 чел.). В 2001-2002 гг. формируется отток русского населения из Акмолинской области. На первый взгляд это противоречит общему движению населения в столичные регионы. Однако, на наш взгляд, отток русского населения из Акмолинской области в соседние Костанайскую и Павлодарскую имеет те же причины, что и четко выраженный вектор межобластной миграции из Акмолинской в Карагандинскую область. Фактором, выталкивающим население, мог послужить стремительный рост численности населения Астаны, который привел к головокружительному росту

на жилье. Сложилась ситуация, когда стало выгоднее жить в Караганде и работать в Астане, нежели искать приемлемое жилье по приемлемым ценам в столице. Следствием стало возрастание интенсивности миграции между Астаной и Карагандой. Тот же фактор, вероятно, привел к вытеснению русского населения в Павлодарскую и Костанайскую области.

Еще более значительные изменения произошли в составе областей-доноров. Самым заметным из них стал нарастающий отток русского населения из Восточно-Казахстанской области. С 2001 г. здесь формируется отрицательное сальдо межобластной миграции русского населения. При чем эта тенденция имеет нарастающий характер: с 2001 по 2003 г. значение сальдо увеличилось в 4 раза с -90 до -374 чел. (Таблица 1) Основными реципиентами этого потока стали Алматинская область с г. Алматы и Павлодарская область. Таким образом, на востоке Казахстана движение русского населения постепенно утрачивает специфические черты.

В целом в областях-донорах хорошо прослеживается следующая закономерность: в областях с высокой долей русского населения, имевших в конце 1990-х гг. значительное отрицательное сальдо межобластной миграции русского населения, в начале 2000-х гг. отток этой категории населения сокращается. Примером может служить Карагандинская область, где отрицательное сальдо миграции сократилось с -819 чел. в 1998 г. до -127 чел. в 2003 г. В то же время, области служившие в 1990-е гг. центрами притяжения русского населения утрачивают привлекательность для таких мигрантов и начинают их терять. Единственной областью из нестолических регионов, сохраняющей свое значение как реципиент русских мигрантов, остается Павлодарская область.

В целом, на наш взгляд, можно констатировать, что этническая специфика межобластной миграции русского населения в Казахстане в последние годы постепенно нивелируется. Характер его движения приходит в соответствие с общими тенденциями межобластной миграции.

В завершение необходимо оговориться о том, что картографический метод, к сожалению, не позволяет выявить причины формирования тех или иных миграционных потоков. Здесь важнейшим инструментом должны стать качественные методы исследования, для которых картографические построения станут отправной точкой.

Таблица 1

Распределение областей Республики Казахстан по сальдо миграции русского населения.

1997		1998		2000		2001		2002		2003	
Павлодарская	508	г. Астана	977	г. Алматы	640	г. Алматы	1095	г. Алматы	1050	г. Алматы	1185
Алмаатинская	370	г. Алматы	949	г. Астана	324	г. Астана	586	г. Астана	491	Ақмолинская	441
г. Алматы	345	Павлодарская	408	Северо-Казахстанская	209	Павлодарская	162	Павлодарская	237	Павлодарская	197
Ақмолинская	213	Восточно-Казахстанская	160	Павлодарская	140	Западно-Казахстанская	103	Западно-Казахстанская	76	Костанайская	150
Восточно-Казахстанская	133	Алмаатинская	76	Ақмолинская	104	Костанайская	31	Манғыстауская	10	Алмаатинская	44
Западно-Казахстанская	72	Северо-Казахстанская	3	Восточно-Казахстанская	70	Ақтөбинская	16	Атырауская	-66	Западно-Казахстанская	19
Костанайская	-25	Западно-Казахстанская	-14	Западно-Казахстанская	47	Северо-Казахстанская	-17	Ақтөбинская	-76	Манғыстауская	-55
Атырауская	-74	Ақтөбинская	-74	Қызылординская	-22	Атырауская	-49	Қызылординская	-79	Қызылординская	-64
Ақтөбинская	-87	Қызылординская	-99	Ақтөбинская	-34	Манғыстауская	-73	Ақмолинская	-95	г. Астана	-67
Манғыстауская	-104	Атырауская	-114	Манғыстауская	-68	Қызылординская	-74	Восточно-Казахстанская	-125	Атырауская	-91
Қызылординская	-114	Манғыстауская	-120	Атырауская	-77	Восточно-Казахстанская	-90	Северо-Казахстанская	-142	Ақтөбинская	-108
Северо-Казахстанская	-168	Костанайская	-301	Костанайская	-104	Алмаатинская	-231	Костанайская	-196	Қарағандинская	-127
Жамбылская	-342	Жамбылская	-310	Алмаатинская	-106	Жамбылская	-268	Алмаатинская	-215	Южно-Казахстанская	-186
Южно-Казахстанская	-399	Южно-Казахстанская	-357	Южно-Казахстанская	-218	Қарағандинская	-346	Южно-Казахстанская	-266	Северо-Казахстанская	-362
Қарағандинская	-427	Ақмолинская	-365	Жамбылская	-256	Южно-Казахстанская	-386	Қарағандинская	-267	Восточно-Казахстанская	-374
г. Астана		Қарағандинская	-819	Қарағандинская	-649	Ақмолинская	-459	Жамбылская	-495	Жамбылская	-602

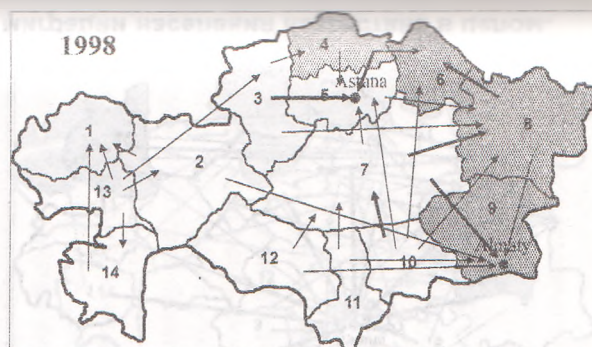
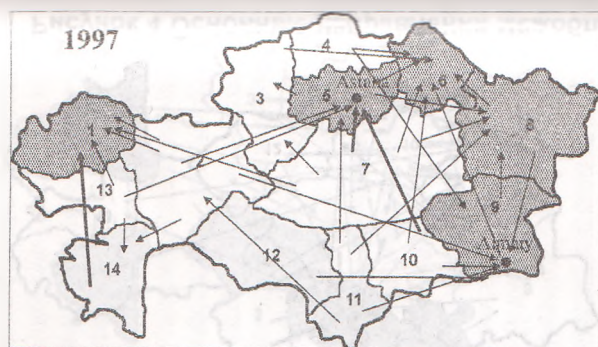


Рисунок 1. Основные направления межобластной миграции русского населения Казахстана.

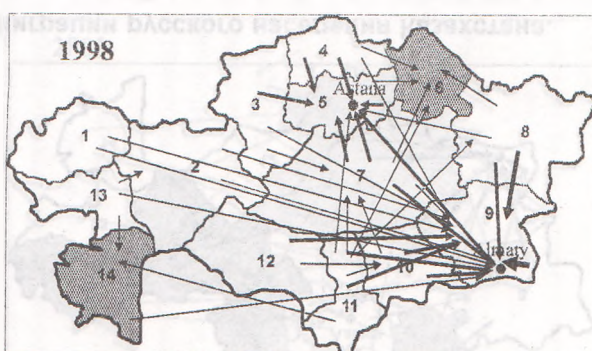
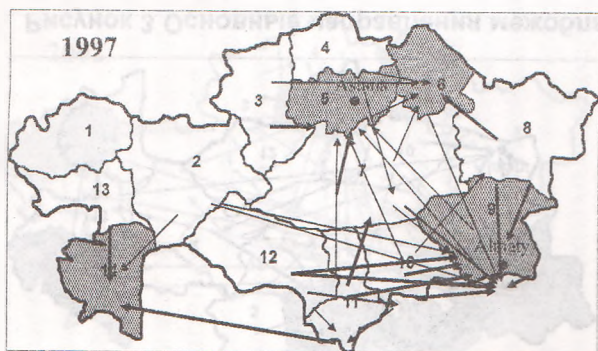


Рисунок 2. Основные направления межобластной миграции населения Казахстана в целом.

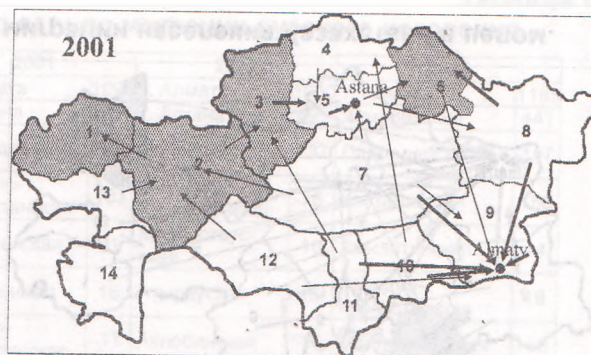
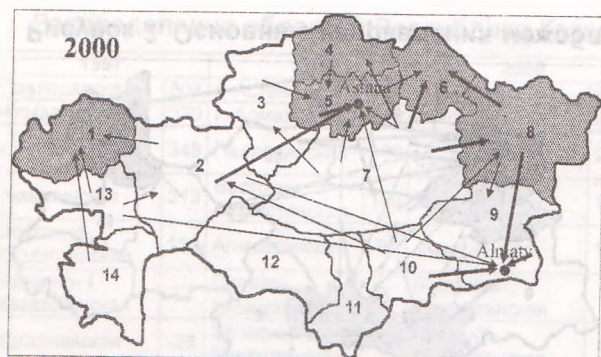


Рисунок 3 Основные направления межобластной миграции русского населения Казахстана.

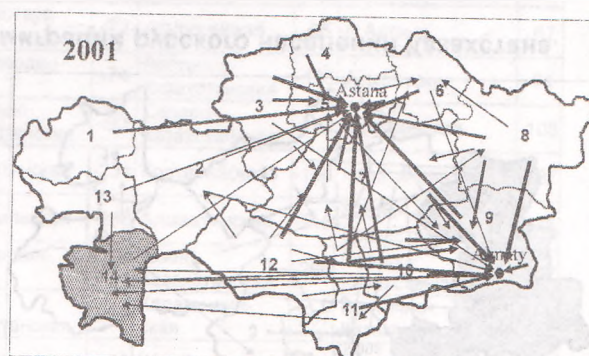
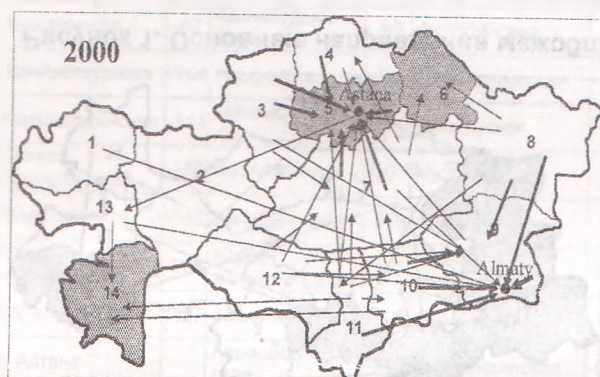


Рисунок 4 Основные направления межобластной миграции населения Казахстана в целом.

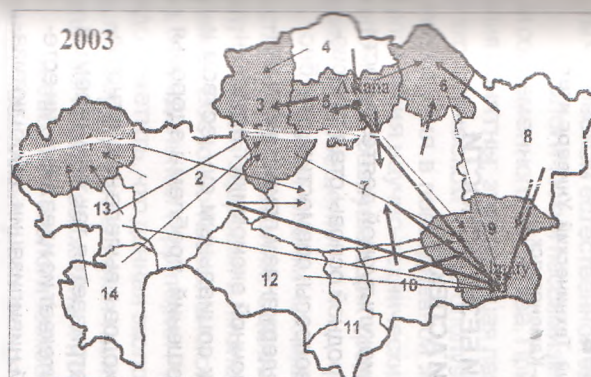
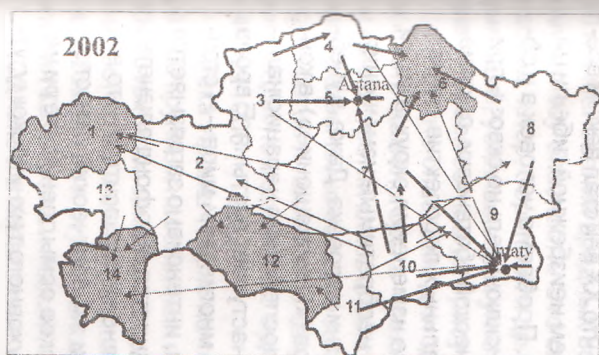


Рисунок 5. Основные направления межобластной миграции русского населения Казахстана.

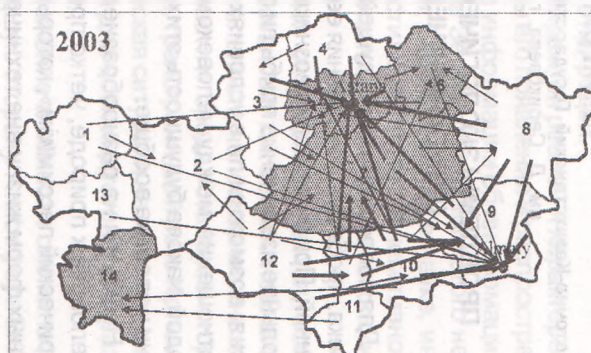
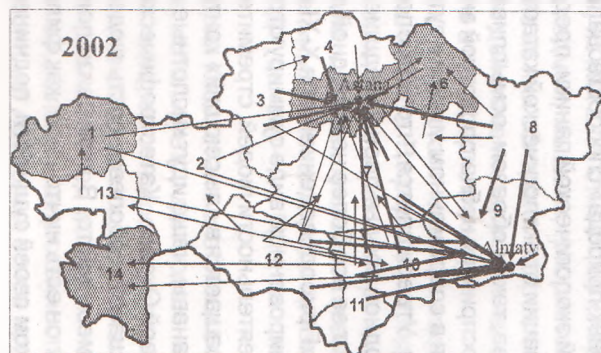


Рисунок 6. Основные направления межобластной миграции населения Казахстана в целом.

Е.И.Григорьев

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Для современной и будущей социокультурной деятельности человека, проблема сохранения ее природной основы стала первоочередной. При ее решении возникают вопросы: совместимо ли бесконтрольное извлечение прибыли с поддержанием природного равновесия, возможны ли в условиях рыночной экономики гармоничные отношения между человеком, как социальным существом и природой, какова будущность этих отношений, проблема здоровья и жизни человека вообще.

Несмотря на разнообразие подходов к выявлению отношений человека к природе, четко просматривается так называемый «исторический пессимизм», который вытекает из идеализации естественных форм жизни вне технической цивилизации, абсолютизация биологического общества, возведение природы в регулятор социальной жизни и источник нравственности (вспомним Ж.-Ж. Руссо — «Назад к природе»). Ортодоксы такого взгляда на отношение «человек-природа» способствовали тому, что XX век стал веком всеобщей экологической паники, преддверием неизбежной гибели цивилизации от экологической катастрофы. Проблема человека и общества, таким образом, осмысливается исключительно сквозь призму восприятия неблагоприятной экологической обстановки, сложившейся в современном мире и неутешительных перспектив ее развития. Утверждается, что антропогенные изменения окружающей природной среды, произошедшие в ней необратимые изменения, делают ее все более непригодной для жизни человека. Даже в учебнике «Природоведение» для X-XI классов («Просвещение») в концентрированном виде суммируются все последствия нерациональной деятельности людей: стремительно наступает пустыня, Европа превращается в «лысеющий» континент, многие реки мира — в источники канавы, чаще идут кислотные дожди, интенсивно загрязняется Мировой Океан... Катастрофически обедняется генофонд планеты, повышается заболеваемость людей. Трудно не согласиться, что все это имеет место. В этой связи понятен и экологический катастрофизм: он есть ничто иное, как философское осмысление утери человеком своей сущности, подчинение духовного техническому, ут-

рты человеком естественной связи с природой.

Экологический пессимизм не мираж, он реален и характерен для современного общества. Причины его появления и распространения понятны: это растущая лавина информации об информации об экологическом неблагополучии на Земле, ощущение этого неблагополучия в повседневной жизни, разочарования в науке, интерпретация научно-технических достижений только с негативной стороны как разрушающих среду обитания, профанация экологического просвещения.

Для такой оценки сложившейся ситуации, думается, есть достаточные основания. Оценить обстановку как весьма неблагоприятную для здоровья и жизнедеятельности человека можно на примере Восточно-Казахстанской области и города Усть-Каменогорска, сопредельных территорий России, трансграничной реке Иртыш. Надо заметить, что данная экологическая ситуация не исключение, но, наоборот, она является типичной для всех индустриально развитых регионов Казахстана и России.

Тревожное экологическое положение в области сложилось давно и продолжает развиваться в худшую сторону. Атмосфера ВКО подвержена влиянию выбросов 475 предприятий и многих десятков тысяч транспортных средств.

В воздушный бассейн Усть-Каменогорска выбрасывается до 170 наименований вредных веществ, из них 22% относятся к первому классу опасности. Это свинец, кадмий, мышьяк, фтористый водород, хлор, бериллий и др. Многие из них обладают эффектом синергии, усиливающим угнетающее действие на здоровье человека при совместном их присутствии в атмосферном воздухе.

Крайне опасными для здоровья людей стали главные водоемы Усть-Каменогорска — реки Иртыш и Ульба. В пределах города они имеют третий класс опасности. В совокупности реки сформировали чрезвычайно высокое загрязнение, с превышением питьевых норм в сотни и тысячи раз. Так, в отдельных районах города превышение ПДК по кадмию от 2,5 до 200 ПДК, селену — 2-3 ПДК, таллию от 44 до 1000 (!) ПДК.

Река Иртыш только на территории Казахстана снабжает водой 550 крупных населенных пунктов, используется для орошения 750 000 гектаров земель и сотен тысяч гектаров сенокосных угодий. Но вместе с этим она переносит огромные объемы тяжелых металлов, в том числе и ртути, нанося непоправимый вред здоровью населения Казахстана и России, создает социальную напряженность.

Однако и в Казахстане, и в России нет правовых основ при-

граничного мониторинга и единой стратегии по компенсации вреда причиненного здоровью людей и экологическому ущербу окружающей среды от трансграничного загрязнения. Попытки навести в этом деле порядок абсолютно несопоставимы с опытом преуспевших стран мира. Так, плата за загрязнение окружающей среды выбросами сернистого ангидрида в США составляют 100\$ за тонну, в странах западной Европы – 80 \$, а в городе Усть-Каменогорск она составляет всего около 1,5 цента.

За выброс 1 тонны фреона, разрушающего озоновый слой атмосферы в Казахстане платят 0,1\$, тогда как в США только за 1 килограмм платят 11 \$. За выброс одной тонны соединений углерода (парниковый эффект) в Казахстане платят 0,4 \$, а в США – 100\$, в Европе – 10 \$.

Вся система взысканий за вредоносный для здоровья людей и природы характер деятельности в Казахстане совершенно не эффективна. Так, в Восточно-Казахстанской области за загрязнение окружающей среды, предприятие платят менее 0,5 % от своих доходов, в то время как за рубежом этот показатель составляет от 4 до 6% и в России 1%.

Загрязнение с превышением питьевых норм в сотни и тысячи раз имеет место и в подземных водах водоносного горизонта, используемого для снабжения г. Усть-Каменогорска. По этой причине было закрыто около десятка водозаборов города.

Радиационная обстановка в области также неблагоприятна. И связано это не только с последствиями Семипалатинского испытательного ядерного полигона, а со спецификой деятельности многих предприятий области. К примеру, только на территории г. Усть-Каменогорска зарегистрировано 400 радиоактивных очагов. Один из наиболее крупных находится в нескольких десятках метрах от главного учебного корпуса Восточно-казахстанского государственного технического университета, вообще в густонаселенном районе города. Мощность экспозиционной дозы гамма-излучения на поверхности почв здесь достигает 360 мкР/час, а объем загрязненной почвы более 700 тысяч кубометров. Именно в этом кроется одна из главных причин того факта, что Восточно-Казахстанская область по заболеваемости и смертности от злокачественных новообразований за последние 10 лет занимает печальное первое место в Республике, превышая республиканские показатели в 1,8 раза. Динамика данного процесса не вызывает оптимистических эмоций. Если в 2001 году, вновь взятых на учет больных было 4228 человек, то в 2003 этот показатель составил 4305, а за I квартал 2004 г. количе-

ново вновь учтенных больных составило 802. Всего на учете – 16108, из них по Восточному региону – 10610 и по Семипалатинскому – 148 человек. С сожалением приходится констатировать, что о судьбе этих больных не проявляется должной заботы. Вот свидетельство депутата Парламента РК А. Черкашиной: «Будучи в командировке в г. Усть-Каменогорске, я посетила онкологический диспансер и была шокирована той убогостью, в которой он находится. Операционные столы стоят на подставках из-под кирпича, отсутствует самая необходимая медицинская аппаратура. Я даже не знаю, как высказать свое возмущение по поводу такой запущенности в столь необходимом учреждении в экологически неблагоприятном районе».[1]

В целом по Республике на учете в онкологических учреждениях стоит около 150 тысяч человек, и ежегодный прирост составляет около 28 тысяч. Почти 20 тысяч больных умирают, причем, 40% из них – люди активного, трудоспособного возраста. На IV съезде онкологов, рентгенологов и радиологов Казахстана (сентябрь 2001 г.), участниками которого были врачи из всех регионов Казахстана, а также специалисты стран Содружества, отмечалось: «Тормозом в работе остается слабая материально-техническая база».[2] И в настоящее время значительных положительных подвижек на этом участке здравоохранения не наблюдается.

Сложившееся положение ставит в повестку дня необходимость кардинального и быстрого решения серьезнейшей сверхзадачи: про ведения научных экологических исследований, преодоление страха перед уничтожением природы и формирование в сознании людей неприязни к человеку, являющемуся разрушителем природы. Необходимо выработать понимание объективного характера вмешательства человека в природу, научно-обоснованного представления о пределах этого вмешательства и чтобы данные меры были действенными необходимо окружающей среде придать стоимость в денежном выражении.

Кстати, IV сессия ВКО маслихата III созыва приняла решение от 30 марта 2004 года «О ставках платы за загрязнение окружающей среды на 2004 год» [3]. Цель такого решения – обеспечить, по возможности, оптимальное исследование природного богатства. Однако все сохранить и защитить невозможно, поэтому удовлетворение бесчисленных потребностей требует взвешенности и осторожности. Идея «нулевого загрязнения» - утопия. Лучше определить какой уровень загрязнения приемлем. Все затраты и выгоды должны быть просчитаны.

Отсутствие экономической оценки природного имущества, неверный выбор авторитетов, могут лечь тяжким бременем на плечи будущих поколений. Ибо рынок слеп. Представленный самому себе, он не сможет установить реальную цену на природные ресурсы, бесплатность влечет за собой сверхэксплуатацию человека и природы, нерациональное использование природных богатств, катастрофическое их истощение.

Отсюда вывод – лучше законодательно определить рамки, в которых может и должен действовать рынок, чтобы мера антропогенного воздействия на природные комплексы не выходила за пределы естественных изменений.

Существенным фактором, тормозящим положительное развитие демографических процессов является то, что нет глубокого и трепетного понимания, что экология, природа, есть единственная естественная среда обитания и воспроизводства человека, его духовных и физических потенций, формирования будущих поколений. Другой не было и не будет никогда! И чем здоровее она, тем здоровее и люди, ее населяющие. Здоровье природы также бесценно, как и здоровье человека, а потому данную проблему следует оценивать и с нравственных позиций. Дело в том, что нравственности, оторванной от конкретных условий человеческой жизнедеятельности не существует. Без этого она всего лишь жонглирование этическими понятиями. Думается, не надо отыскивать какие-то дополнительные аргументы, чтобы убедить оппонентов, что обеспечение здоровых условий жизни человека, сохранение многообразия растений и животных, природных ландшафтов, культурных и исторических ценностей от вредных антропогенных воздействий, другими словами, сохранение необходимых условий для гармоничного развития личности, является проблемой величайшей социальной и нравственной важности.

В данном ракурсе появились некоторые оптимистические надежды: недавно принята концепция экологической безопасности Республики Казахстан на 2004-2005 годы. В этой концепции предполагаются пути решения следующих задач: 1) опережающее развитие научных исследований проблем экологической безопасности устойчивого природопользования;

2) введение единой системы мониторинга за состоянием окружающей среды; 3) экологическое районирование и специальное картографирование территории республики Казахстан.

Целью государственной политики в области экологической безопасности является обеспечение защищенности здоровья че-

и природных систем, жизненно важных интересов общества и прав личности от угрозы, возникающей в результате антропогенных воздействий на окружающую среду. Реализация программы должна привести к разработке научных основ долгосрочной экологической политики Казахстана и России, и созданию соответствующего комплекса практических мер правового, экономического, организационного, социально-нравственного характера, экологических нормативов и требований методов и технических средств обеспечения экологической безопасности.

Экология только тогда действенна, когда идет рядом с физическим и моральным здоровьем человека. Уничтожать все, что принадлежит природе, развращает человеческое сознание, приучает к мысли о безнаказанности зла. Общество, которое не видит в этом криминала — большое общество. Методологическая несостоятельность многих экологических концепций состоит именно в отсутствии анализа медико-биологической и социально-нравственной ситуации. А потому демографическая ситуация в стране, как и ранее, не может не вызывать тревоги: низкий жизненный уровень огромного числа наших граждан, большая заболеваемость (сердечно-сосудистые, онкозаболевания, туберкулез, увеличивающаяся наркомания, алкоголизм и др.) держат общество в состоянии, когда нас больше умирают чем рождаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Рудный Алтай» 14. XI. 2002 г.
2. «Казахстанская правда», 14.IX. 2001 г.
3. «Рудный Алтай», 10 апрель 2004 г.

Е.Г. Грищенко

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им.С.Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СМЫСЛ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСПЕЦИФИКИ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК КАК ОСНОВЫ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ СЕМЕЙ)

Первоосновой общества по праву на сегодняшний день считают такую социальную структуру как семья. Институт семьи развитых странах дальнего зарубежья претерпел заметные ме-

таморфозы. В Республике Казахстан, России и других странах постсоветского пространства эти изменения стали значимыми на фоне глубокого системного кризиса. Возникли новые по сравнению с советским периодом семейные структуры, перераспределились акценты в выполнении социальных и индивидуально-личностных функций в семье, стремительно изменилась позиция в отношении числа детей.

Современную семью, её сущность характеризуют три основных показателя:

- 1) уменьшение семьи из количественном составе;
- 2) сокращение общественно-экономических функций семьи;
- 3) личное обособление [1].

Реалии XXI века остро ставят психологов, социологов, демографов, философов и ряд других исследователей перед фактом кризиса современной семьи. Изменения в социуме не могли не отразиться и на семье. Поэтому, обновленному обществу требуется обновленная модель семьи, требующая глубинного интегративного анализа.

Наряду с выше обозначенными особенностями современной семьи следует выделить ещё ряд характерных для неё моментов:

1) современная семья по преимуществу нетрадиционна и демонстрирует сознательный отказ от патриархальности. Сегодня как никогда более наблюдается тенденция к снижению нормы брачности;

2) неофициальная семья успешно конкурирует с официальной. Заметно растёт стремление вступить в официальный брак либо раньше оптимального возраста (до 20 лет), либо позже (после 30). Оба случая ведут к сужению репродуктивной функции семьи. Популярным решением семейных проблем в ранних браках стал развод, понижающий ценность семейных отношений и инициирующий малодетность в семье, что, в свою очередь, влечёт демографическую проблему;

3) социально-экономический кризис сказался на сокращении числа детей в семье. У большинства современных родителей отмечается чувство страха и неуверенности в том, что ребёнок не получит должного воспитания и образования. Выявлена зависимость между социально-психологической атмосферой в семье и социально-экономическими условиями её существования [1].

Семья ограничивает себя в удовлетворении практически всех потребностей и оказывается не способной выполнять свои специфические и неспецифические функции.

Наблюдаемая демографическая ситуация снижения рождаемости, увеличение числа брошенных детей фактически и юридически требует изучения смысла функционирования современной семьи.

Большая часть стран постсоветского пространства являются полиэтническими государствами. На протяжении более полувека не учитывалась роль этнического фактора в функционировании семьи, хотя он считается одним из основополагающих.

Сегодня вопрос о влиянии национальных традиций, языка и культуры на формирование и развитие личности является наиболее актуальным. В связи с этим, правомерным становится вопрос изучения влияния этнического фактора на семью.

Анализируя проблемы современной семьи в психологическом осмыслении, следует обратить внимание на систему отношений в ней. Основопологающими видами отношений считают супружеские, детско-родительские, сиблинговые (отношения между детьми), родственные.

Детско-родительские отношения – это отношения между родителями и детьми во всём их многообразии. Основопологающими смыслами данных отношений считаются родительские установки (позиции) и стиль воспитания [2].

Родительские установки понимаются, как целостное образование, направленность воспитательной деятельности родителей, возникающая под влиянием мотивов воспитания. Они включают всю совокупность эмоционального родительского отношения к ребёнку, восприятие ребенка родителями и способы поведения с ним. Отмечается два основных вида родительских позиций – оптимальные и неоптимальные, определяемые по наличию или отсутствию следующих характеристик:

1) адекватность (умение родителем видеть и понимать индивидуальность своего ребёнка, а также происходящие в нём изменения);

2) прогностичность (умение предвосхищать, т.е. поведение родителя должно опережать появление новых психических и личностных качеств ребёнка);

3) гибкость (способность перестроить воздействие на ребёнка по ходу его развития или, перестроить своё воспитательное воздействие в связи с изменениями в семье) [2].

Утрата одной или всех представленных характеристик способствует развитию неоптимальных родительских позиций.

Основой адекватных детско-родительских отношений выступают оптимальные родительские позиции, включающие волепринятие ребёнка, способы поведения и отношения к ребёнку.

Данные факторы в полиэтническом государстве имеют свою вторичную специфику, что объясняется влиянием языка, культуры и этнической принадлежности. В этой связи было проведено исследование, в котором приняло участие 20 русских и казахских матерей. Для анализа родительских установок была использована методика PARY (Parental attitude research instrument) Е.С. Шеффера и Р.К. Белла, адаптированный вариант Т.В. Нещерет.

Данная методика предназначена для изучения отношения родителей (прежде всего, матерей) к разным сторонам семейной жизни. В методике выделены 23 аспекта-признака, касающиеся разных сторон отношения родителей к ребёнку и жизни в семье. 15 аспектов-признаков непосредственно направлены на анализ детско-родительских отношений.

Этнические различия в родительских установках русских и казахских матерей рассматривались по критериям: эмоциональный контакт, эмоциональная дистанция и концентрация на ребёнке.

Критерий «эмоциональный контакт» включает в себя следующие признаки: вербализация, партнерские отношения, развитие активности ребёнка, уравнивательные отношения между родителями и детьми.

Критерий «эмоциональная дистанция»: раздражительность, излишняя строгость, уклонение от контакта с ребёнком.

Критерий «концентрация на ребёнке»: подавление воли, опасение обидеть или создание безопасности; исключение внешних влияний; подавление агрессивности; подавление сексуальности; чрезмерное вмешательство в мир ребёнка; стремление ускорить развитие ребёнка; чрезмерная забота.

Анализ данных эмпирического исследования позволил выделить ряд схожих и особенных черт в проявлении родительских установок русских и казахских матерей. Средние показатели по родительским установкам матерей из русских и казахских семей отражены в таблице 1.

Таблица 1
Средние показатели родительских установок (позиций)
русских и казахских матерей

№	Аспекты признака	Матери	
		русские семьи	казахские семьи
1	вербализация и побуждение словесных проявлений	17	15,4
2	чрезмерная забота	13,6	14,9
3	ограниченность интересов женщины рамками семьи	13,5	13,2
4	подавление воли	14,9	13
5	ощущение самопожертвования в роли матери	15,86	13
6	опасение обидеть, создание безопасности	14,93	15,1
7	семейные конфликты	13,26	14,8
8	излишняя строгость	13,26	11,8
9	раздражительность	12,6	9,8
10	исключение внесемейных влияний	15,3	13,8
11	сверхавторитет родителей	14,86	15,5
12	подавление агрессии, агрессивность	13,6	12,7
13	неудовлетворенность ролью хозяйки	13,2	11,4
14	партнёрские отношения	16,06	13,4
15	развитие активности ребёнка	15,73	16
16	уклонение от контакта с ребёнком	12,3	13,1
17	«безучастность» мужа	14	13
18	подавление сексуальности	13,3	13,3
19	доминирование матери	14,6	13,1
20	вмешательство в мир ребёнка	14,26	15,3
21	уравнительные отношения	17,86	14,7
22	стремление ускорить развитие ребенка	12,26	12,6
23	зависимость и несамостоятельность матери	16,8	15,2

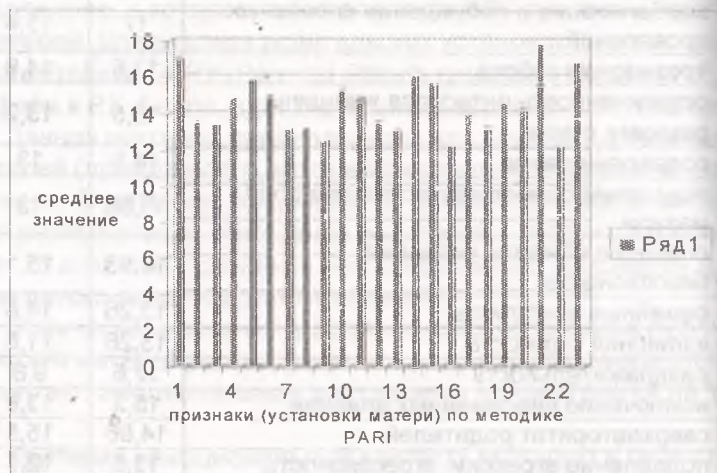
Данные результаты (таблица 1) позволяют проанализировать родительские установки русских и казахских матерей по выделенным нами критериям.

Так, по критерию эмоционального контакта в родительских позициях русских матерей отмечается все четыре признака: уравни-

нительные отношения с ребёнком (17,86); вербализация в отношениях с ребёнком (17); партнёрские отношения (16,06); развитие активности ребёнка (15,73) (рисунок 1).

Рисунок 1

Гистограмма распределения средних показателей установок матерей из русских семей по методике PARI

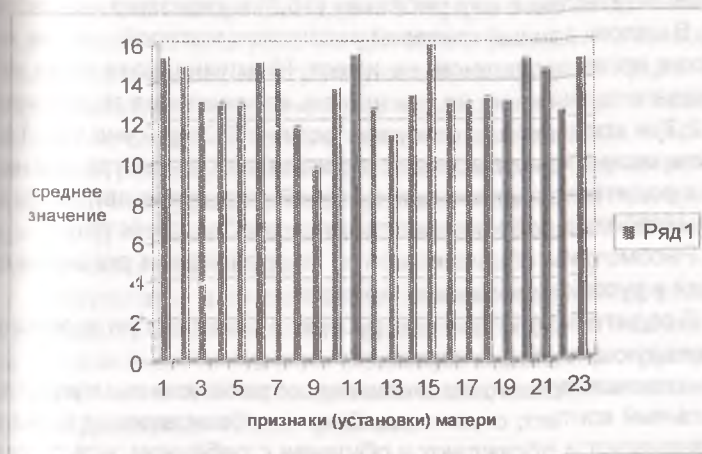


1 – вербализация (побуждение к словесным проявлениям); 2 – чрезмерная забота; 3 – ограниченность интересов женщины рамками семьи; 4 – подавление воли; 5 – ощущение самопожертвования в роли матери; 6 – опасение обидеть; 7 – семейные конфликты; 8 – излишняя строгость; 9 – раздражительность; 10 – исключение внесемейных влияний; 11 – сверхавторитет родителей; 12 – подавление агрессивности; 13 – неудовлетворенность ролью хозяйки; 14 – партнёрские отношения; 15 – развитие активности ребёнка; 16 – уклонение от контакта с ребёнком; 17 – «безучастность» мужа; 18 – подавление сексуальности; 19 – доминирование матери; 20 – вмешательство в мир ребёнка; 21 – уравнилельные отношения; 22 – стремление ускорить развитие ребёнка; 23 – зависимость и несамостоятельность матери

У матерей из казахских семей отражается преобладание двух признаков по данному критерию. Это развитие активности ребёнка (16) и вербализация в отношениях с ребёнком (15,4) (рисунок 2)

Рисунок 2

Гистограмма распределения средних показателей установок матерей из казахских семей по методике PARI



1 — вербализация (побуждение к словесным проявлениям); 2 — чрезмерная забота; 3 — ограниченность интересов женщины рамками семьи; 4 — подавление воли; 5 — ощущение самопожертвования в роли матери; 6 — опасение обидеть; 7 — семейные конфликты; 8 — излишняя строгость; 9 — раздражительность; 10 — исключение внесемейных влияний; 11 — сверхавторитет родителей; 12 — подавление агрессивности; 13 — неудовлетворенность ролью хозяйки; 14 — партнёрские отношения; 15 — развитие активности ребёнка; 16 — отклонение от контакта с ребёнком; 17 — «безучастность» мужа; 18 — подавление сексуальности; 19 — доминирование матери; 20 — вмешательство в мир ребёнка; 21 — уравнилельные отношения; 22 — стремление ускорить развитие ребёнка; 23 — зависимость и несамостоятельность матери.

Признаки, отражающие эмоциональную дистанцию в отношениях с ребёнком и у русских, и у казахских матерей имеют низкие значения (рисунок 1,2), что позволяет говорить о стремлении матерей обеих групп к эмоциональному контакту и близости во взаимоотношениях с ребёнком.

Излишней концентрации на ребёнке в родительских позициях русских матерей не выявлено. У русских матерей признак «стремление ускорить развитие ребёнка» имеет минимальное значение

(12,26) из всего числа средних показателей, т.е. у матерей данной группы не прослеживаются требования к ребёнку по выполнению непосильных ему действий (рисунок 1).

У матерей казахек отмечены такие признаки, как «чрезмерное вмешательство в мир ребёнка» (15,3) и «чрезмерная забота» (15,1). В целом, данный критерий у казахских матерей, так же, как у русских ярких проявлений не имеет. Низкими у казахских матерей оказались значения по признакам: «подавление агрессивности» (12,7) и «подавление сексуальности» (13,3) (рисунки 2). Таким образом, можно констатировать, что излишняя концентрация на ребёнке в родительских позициях матерей казахек не является значимой. Напротив, ребёнку предлагается свобода действий.

Рассмотрим общие моменты в проявлении родительских позиций у русских и казахских матерей.

В родительских позициях русских и казахских матерей отмечены следующие общие черты:

- главным аспектом в отношениях с ребёнком выступает эмоциональный контакт, отражающийся в вербализации, т.е. матери проговаривают и обсуждают в общении с ребёнком все возможные действия, а также в стремлении к развитию активности ребёнка.

- концентрация на ребёнке, проявляющаяся в ограничении общения ребёнка, чрезмерном вмешательстве в мир ребёнка и в подавлении сексуальности.

Отличительные особенности в родительских позициях русских и казахских матерей по критерию «эмоциональный контакт» проявляются в более выраженном стремлении русских матерей устанавливать партнёрские отношения со своим ребёнком. Для них более выраженным является признак уравнилельных отношений с ребёнком.

По критерию «эмоциональная дистанция с ребёнком» различия наблюдаются в более ярком проявлении у русских матерей и лишней строгости и раздражительности. Матери казахки отмечают большее стремление к близкому эмоциональному контакту с ребёнком, в сравнении с матерями из русских семей.

По критерию «концентрация на ребёнке» различия наблюдаются в чрезмерном проявлении заботы у матерей - казахек, тогда как для русских матерей характерным является подавление воли и исключение внесемейных влияний.

Отличительные признаки в родительских позициях (установках) русских и казахских матерей обусловлены разностью культур

и этнической принадлежностью.

Наличие общих черт объясняется фактом достаточно продолжительного исторического проживания двух разных народов на одной территории.

Семья на сегодняшний день в первую очередь должна обратиться к культурно-историческим основам, что позволит ей обществу в целом, не утратить уникальность своей нации. Обращаясь к культурно-историческому наследию русской и казахской семьи, отмечается её основательность, взаимосвязь поколений, реализация репродуктивной и воспитательной функций, прочность отношений между родителями и детьми, что в целом позволило бы решить ряд проблем современной семьи психологического и демографического характера.

Результаты данного исследования позволяют пересмотреть взгляды родителей, в частности матерей на ребёнка и семью в целом, на семейные отношения. Возможно изменение структуры семьи, увеличение количества детей в семье, как одно из возможных решений демографической проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социс. - 2003. - №1.
- Семья в психологической консультации: опыт и проблемы психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. - М., 1989.

Е.В. Дергачёва

Повосточно-Казахстанский Государственный Университет им.С.Аманжолова,
г.Усть-Каменогорск

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МЕНЕДЖЕРОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

В настоящее время многие организации восстанавливают свою деятельность, заново возрождаясь и совершенствуя свои технологии. Кроме того, выделяются как малые предприятия, состоящие от трех человек и более, так и большие, с численностью работников от 300 человек и более. Количество персонала влияет на ход управления людьми и выработки ими определенного поведения, при

этом учитываются не только личные качества, но и этнические особенности менеджеров. Это хорошо прослеживается в особенностях поведения менеджеров, которое отражается на всей деятельности организации.

Постоянное развитие экономической грамотности сопровождается неадекватным экономическим поведением, спровоцированным инертностью, доверчивостью, ориентированностью на быстрое и неподкрепленным усилиями успех, которое сочетается с важными сдвигами в мотивационно-волевом блоке личности менеджера со стороны его активности. Изменения происходят и на уровне мышления (когнитивный компонент в деятельности менеджера) и эмоциональной сферы, которая реагирует на различные проблемные ситуации в процессе деятельности и в структуре межличностных отношений персонала. Таким образом, мы можем утверждать, что в современных условиях развития организации у менеджеров должен преобладать такой вид мышления как *инновационный*. Подчеркивая роль творчества на этапе исполнения решения, следует отметить, что есть относительная самостоятельность управления в пределах исполняемой должности, ее внутренней мотивации к выполнению служебных обязанностей. Это особенно важно в условиях нынешней деятельности менеджеров, когда необходимы нестандартные творческие усилия в процессе управления. Наряду с выявлением особенностей инновационного мышления, выделяется инновационный стиль. Под инновационным стилем понимается инновационное мышление, т.е. способность совершать поиск новаций, ноу-хау, проявление нацеленности на прорывные технологии, новаторство, творчество. Мы определяем *инновационное мышление* как когнитивный компонент в структуре деятельности, позволяющий осмыслить и осознать цели деятельности, возникающие в процессе деятельности проблемы, успешно прогнозировать и прорабатывать стратегию поведения в ситуациях неопределенности. Это составляет основу развития творческих способностей у менеджера. *Инновационное мышление* проявляется в способности иметь дифференцированное представление об управлении в период внедрения новшеств, развивающее инновационные способности. В результате инновационного мышления рождаются подлинная ответственность, маневрирование ресурсами, стимулирование творческого поиска путей, ведущих к эффективному конечному результату. Данные характеристики деятельности ведут к формированию определенного поведения менеджеров.

Устойчивые индивидуальные качества менеджера влияют на

который неповторимый, свойственный ему тип поведения, стиль психической активности. Все эти явления и особенности составляют у менеджера относительно устойчивую сложную «конструкцию», в результате чего он становится способным к активной и самобытной творческой деятельности. Следовательно, мы можем говорить о такой совокупной характеристике личности менеджера как «инновационный потенциал» (иногда его называют «творческий» потенциал), который выступает как интегральное и динамическое явление, способствующее созданию, восприятию, и обеспечивающее эффективность инновационной деятельности менеджера.

Рассматривая основные факторы, влияющие на развитие творческого потенциала, следует выделить этнические особенности и их влияние на поведение менеджеров.

Проведенное исследование личностных характеристик менеджеров с различной этнической принадлежностью, позволило утверждать о наличии значимых различий. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительные результаты в процентном отношении у казахскоязычных и русскоязычных менеджеров

Признаки менеджера	Чувствительность к проблем.	Вербальная креативность	Невербальная креативность	Мотивация достижения	Продуктивность	Уверенность в новшествах.	Успех новшества	Эмоциональное отношение		
								Оптимистичное	Нейтральное	Пессимистичное
Каз.	38	42	59	50	36	63	56	63	10	27
Рус.	62	58	41	50	64	37	44	37	12	51

Анализ полученных данных показал, что:

- в русскоязычной выборке «чувствительность к проблеме», «вербальная креативность» выше, чем в казахскоязычной выборке. Исследователь Р. Абсатархов считает, что казахам присуще такое качество как «леность ума» [1, С.37], что может объяснить низкие значения по данным показателям. «Чувствительность к проблеме» и «вербальная креативность» предполагает активность и быстроту ума (оба показателя представляют когнитивные характеристики инновационного мышления). Зависимость между «чувствитель-

этом учитываются не только личные качества, но и этнические особенности менеджеров. Это хорошо прослеживается в особенностях поведения менеджеров, которое отражается на всей деятельности организации.

Постоянное развитие экономической грамотности сопровождается неадекватным экономическим поведением, спровоцированным инертностью, доверчивостью, ориентированностью на быстрый и неподкрепленным усилиями успех, которое сочетается с важными сдвигами в мотивационно-волевом блоке личности менеджера со стороны его активности. Изменения происходят и на уровне мышления (когнитивный компонент в деятельности менеджера) и эмоциональной сферы, которая реагирует на различные проблемные ситуации в процессе деятельности и в структуре межличностных отношений персонала. Таким образом, мы можем утверждать, что в современных условиях развития организации у менеджеров должен преобладать такой вид мышления как *инновационный*. Подчеркивая роль творчества на этапе исполнения решения, следует отметить, что есть относительная самостоятельность управленца в пределах исполняемой должности, ее внутренней мотивации и исполнении служебных обязанностей. Это особенно важно в условиях нынешней деятельности менеджеров, когда необходимы неординарные творческие усилия в процессе управления. Наряду с выделением особенностей инновационного мышления, выделяется инновационный стиль. Под инновационным стилем понимается инновационное мышление, т.е. способность совершать поиск новаций, ноу-хау, проявление нацеленности на прорывные технологии, новаторство, творчество. Мы определяем *инновационное мышление* как когнитивный компонент в структуре деятельности, позволяющий осмыслить и осознать цели деятельности, возникающие в процессе деятельности проблемы, успешно прогнозировать и прорабатывать стратегию поведения в ситуациях неопределенности. Это составляет основу развития творческих способностей у менеджера. *Инновационное мышление* проявляется в способности иметь дифференцированное представление об управлении в период внедрения новшеств, развивающее инновационные способности. В результате инновационного мышления рождаются подлинная ответственность, маневрирование ресурсами, стимулирование творческого поиска путей, ведущих к эффективному конечному результату. Данные характеристики деятельности ведут к формированию определенного поведения менеджеров.

Устойчивые индивидуальные качества менеджера влияют на

который неповторимый, свойственный ему тип поведения, стиль психической активности. Все эти явления и особенности составляют у менеджера относительно устойчивую сложную «конструкцию», в результате чего он становится способным к активной и самобытной творческой деятельности. Следовательно, мы можем говорить об уникальной совокупной характеристике личности менеджера как «инновационный потенциал» (иногда его называют «творческий» потенциал), который выступает как интегральное и динамическое явление, способствующее созданию, восприятию, и обеспечивающее эффективность инновационной деятельности менеджера.

Рассматривая основные факторы, влияющие на развитие творческого потенциала, следует выделить этнические особенности и их влияние на поведение менеджеров.

Проведенное исследование личностных характеристик менеджеров с различной этнической принадлежностью, позволило утверждать о наличии значимых различий. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные результаты в процентном отношении у казахскоязычных и русскоязычных менеджеров

Признаки менеджера	Чувствительность к проблем.	Вербальная креативность	Невербальная креативность	Мотивация достижения	Продуктивность	Уверенность в новшествах	Успех новшества	Эмоциональное отношение		
								оптимистичное	нейтральное	пессимистичное
Каз.	38	42	59	50	36	63	56	63	10	27
Рус.	62	58	41	50	64	37	44	37	12	51

Анализ полученных данных показал, что:

- в русскоязычной выборке «чувствительность к проблеме», «вербальная креативность» выше, чем в казахскоязычной выборке. Исследователь Р. Абсатархов считает, что казахам присуще такое качество как «леность ума» [1, С.37], что может объяснить низкие значения по данным показателям. «Чувствительность к проблеме» и «вербальная креативность» предполагает активность и быструю работу ума (оба показателя представляют когнитивные характеристики инновационного мышления). Зависимость между «чувствитель-

ностью к проблеме» и «вербальной креативностью» и основными формами поведения в процессе деятельности не определилась. Это можно подтвердить особенностями этнического поведения, а именно быстрой адаптационной способностью у казахоязычной выборке к изменяющимся условиям жизнедеятельности, что не всегда требует глубокой оценки проблемности ситуации;

- в казахоязычной выборке показатели «невербальная креативность», уверенность в производимой деятельности и в её успехе, оптимистический настрой к различным изменениям выше, чем в русскоязычной. Это неоднократно подтверждается фундаментальной национально-психологической характеристикой казахов, которая определяется как их громадный потенциал адаптации к постоянно изменяющимся условиям жизнедеятельности, так как восточным народам изначально присуща гармония с природой, а также то, что касается кочевого образа жизни. Главными чертами казахского народа является мобильность, большие адаптивные возможности, корпоративизм, иногда переходящий в племенной эгоизм, чувство свободы и этносоциального достоинства, в совокупности определяемые как традиционализм. Это прослеживается в самооценке личности менеджеров, которая в казахоязычной группе выше, чем в русскоязычной. Явное проявление завышенной самооценки приводит к обострению межличностных отношений не только в разнотнических группах, но и в группе с одной этнической принадлежностью. Кроме того, данное проявление сказывается на продуктивности деятельности и формах отношения к выполняемой деятельности;

- в русскоязычной выборке продуктивность деятельности выше, чем в казахоязычной. Это объясняется тем, что присутствуют существенные различия в структуре и содержании ценностных ориентаций в казахской и русской выборках во всех группах персонала на производстве. Максимальные различия обнаружены в кластере ценностей-средств. В казахоязычной выборке они представлены категориями отношений и статусов; в русскоязычной выборке категориями деятельности и личностных качеств;

- пессимистическое отношение к новшеству больше проявляется в русскоязычной группе, возможно это объясняется тем, что в современном Казахстане государственным языком является казахский, а так как, к сожалению, большой процент русскоязычного персонала (и населения) не знают язык, то возникает психологический барьер – страх быть сокращенным, не пригодным к профессиональной деятельности без знания языка и т.п. Все это вызывает

рудности в перестройке сознания, а, следовательно, тормозит деятельность. Кроме того, это отражается на формах проявления поведения в деятельности, которые можно разделить на три группы:

1) *пассивные формы, которые характеризуются отсутствием у менеджера убежденности в необходимости осуществления активной деятельности в организации, коллективе; отсутствием желания улучшить привычные формы и методы работы, систему разделения труда, структуру межличностных коммуникаций, сложившиеся механизмы принятия решений; отсутствием готовности принять личное участие в мероприятии по осуществлению эффективной деятельности;*

2) *активные формы* характеризуются выражением в стремлении умолчать о своих реальных функциях в процессе деятельности, об используемых методиках и инструкциях работы, а также критериях выбора того или иного решения; выдвижением всё новых и новых требований к персоналу под предлогом необходимости беспрерывного улучшения их деятельности;

3) *крайние формы* характеризуются выдачей информации в меньшем объеме, чем было запрошено менеджером по интересующим его вопросам производства и взаимоотношений в коллективе, выдачей недостаточно достоверной информации или её сознательным искажением; нарушением инструкций, форм документации, порядка действий, предложенных менеджером в целях повышения эффективности труда, стремлением использовать финансовые, людские и материальные ресурсы, выделенные для осуществления мероприятий в организации, не по их прямому назначению, а главным образом, для решения текущих задач коллектива.

Эти группы показывают, что действия менеджеров осознанны и выполняются преднамеренно.

При исследовании групп менеджеров с различной этнической принадлежностью следует отметить, что определенная форма поведения не обозначилась в какой-либо группе менеджеров конкретно, хотя в количественном проявлении есть некоторые различия. В казахскоязычной группе больше проявляются активные формы (36% против 30%), а в русскоязычной – пассивные (28% против 21%). Как видно, значимые различия отсутствуют. Это можно объяснить структурными изменениями в организации, которые происходили в момент исследования и могут оказывать влияния на весь персонал, независимо от этнической принадлежности. Хотя подтверждается результат исследования уровня самооценки менеджеров. Таким образом, можно предположить, что русскоязычная группа

менеджеров, имея более низкую самооценку, склонна проявлять пассивные формы поведения. В казахскоязычной выборке завышенная самооценка вызывает активные формы поведения, как элементы проявления статуса и социальных отношений. Это подтверждает анализ ценностей-средств, описанного выше.

По результатам сравнения уровня и вида интернальности менеджеров разных этнических групп был проделан анализ сопоставления среднего показателя общей интернальности личности менеджеров в рамках этнических групп, который позволил обнаружить ряд значимых различий (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительные данные различных групп респондентов по методике УСК

Субшкалы	Менеджеры	
	казахи	русские
Ио	25,8	25,4
σ	7,05	7,25
Ид	5,0	5,6
σ	1,85	1,7
Ин	5,6	5,1
σ	1,7	1,9
Ип	9,4	10,9
σ	3,0	3,2
Им	10,9	10,8
σ	2,8	2,6

Анализируя представленную таблицу, можно отметить следующие моменты:

- общая интернальность (Ио) в среднем в казахской выборке выше, чем в русской. Для казахской культуры характерна большая, чем в русской, ответственность друг за друга, членов первичного коллектива, которым часто являются родственники, большая зависимость решений и поступков человека от социального окружения, от мнения значимых других;

- средние показатели уровня интернальности в сфере межличностных отношений выше в казахской выборке, что говорит о большей ответственности за свои действия в межличностном об

нии в значимой социальной группе. Вместе с тем, интернальность в производственной сфере выше в русской выборке по сравнению с казахской;

- различие мы находим в средних показателях интернальности в сфере достижений (Ид), где в русской выборке они выше, чем в казахской (5,6 против 5,0).

Эти данные подтверждают результаты этнопсихологических исследований в Республике Казахстан Ладзиной Н.А. в сфере изучения локуса контроля в различных профессиональных группах и Данилевич Ю.И., при исследовании локуса контроля в рамках проблемы конфликтного взаимодействия в разнотнических коллективах [2],[3].

Проводя исследование по выявлению мотивов менеджеров в процессе деятельности, был осуществлен сравнительный анализ преобладающих мотивов. Блок вопросов, касающихся мотивации менеджеров показал, в русскоязычной группе менеджеров мотив «значимость деятельности» более выражен, чем в казахскоязычной группе менеджеров.

Анализируя данные, можно отметить, что для казахскоязычной группы менеджеров характерны сначала социальные мотивы (31% против 16%), а затем мотивы самоактуализации (19% против 27%). В русскоязычной группе менеджеров более выражен мотив «возможность повышения квалификации (29% против 17%), чем в казахскоязычной группе менеджеров. Это не противоречит нашему исследованию «чувствительности к проблеме», где уровень «чувствительности к проблеме» выше в русскоязычной группе менеджеров, чем в казахскоязычной, что может быть объяснено проявлением этнических характеристик личности.

Экономические мотивы преобладают в каждой выборке и в сознании людей они связываются, прежде всего, с потребностью в безопасности.

Таким образом, в процентном распределении мотивов в группе менеджеров по различной этнической принадлежности различия не значимы, хотя выделяются некоторые особенности:

- в русской выборке социальные мотивы и мотив самореализации присутствует более явно, в казахской выборке более значимое место занимают социальные мотивы, на фоне ярко выраженных экономических мотивов в обеих выборках;

- в русской выборке отдается предпочтение «значимости деятельности» больше, чем в казахской выборке. Данное предпочтение может отразиться на самомотивации и мотивации подчиненных,

а следовательно, и на эффективности деятельности в целом;

- разница в выраженности мотивов наблюдается по уровню сформированности «чувствительности к проблеме»: так в казахоязычной и в русскоязычной группе менеджеров с низким уровнем «чувствительности к проблеме» в мотивах «Заработная плата», «Возможность творческой деятельности», «Значимость деятельности» не наблюдаются значимые различия, экономический мотив более выражен в группе менеджеров с низким уровнем «чувствительности к проблеме», чем с высоким.

Таким образом, учитывая особенности личностных характеристик менеджеров с различной этнической принадлежностью, можно выделить основные паттерны поведения. Менеджерам, которые обладают высокой «чувствительностью к проблеме», при видении проблемы, достигают поставленных целей, ставят реальные цели, к достижению которых стремятся, способны активно работать, причем с высокой продуктивностью, характерен первый паттерн поведения. Условно названный нами как «проблемно-разрешающий». Менеджеры уверенно действуют в различных ситуациях, надеясь только на свои силы и возможности, умея перекомбинировать различные элементы проблемной ситуации, если это необходимо в деятельности менеджера. Данный паттерн будет способствовать проявлению структурированной деятельности и более характерен для русскоязычной группы менеджеров (анализ проводился на основе построения корреляционных плеяд взаимосвязанных признаков).

Такие свойства личности как локус субъективного контроля, интернальность в области достижения и производственных отношений, позволили выделить следующий паттерн поведения: менеджеры стремятся к достижению цели, успеха, построению добродетельных отношений с подчиненными и коллегами, будут брать больше инициативу на себя, чем отдавать ее своим сотрудникам. Через связь мотива достижения с другими связями, можно отметить, что у менеджеров будет также преобладать творческая активность, что способствует эффективной деятельности, в том числе проявления инновационного мышления.

Данный паттерн поведения условно можно назвать «творчески-инициативный». Более выражен в казахоязычной группе менеджеров.

Кроме того, выделился третий паттерн поведения менеджеров, который нашел проявление в обеих группах менеджеров - проявляется отрицательное отношение к неудачам;

- отсутствует неуверенность в своих силах и возможностях, приводящая к негативному восприятию друг друга;

- вызывается пессимистическое настроение, снижается активность в деятельности и стремлении активизировать трудовой процесс.

Этот паттерн поведения, наблюдаемый у менеджеров, можно условно назвать «эмоционально-неустойчивый».

Следовательно, менеджеры, обладающие определенными личностными характеристиками, в том числе различной этнической принадлежностью, в своей деятельности выбирают соответствующую форму поведения и формируют конкретный тип паттерна поведения. В процессе деятельности менеджер, как субъективная ее составляющая, должен обладать психологической готовностью к внедрению изменений в организационный процесс и систему взаимоотношений между персоналом, которая формируется на основе развитости следующих компонентов: мотивационного (формирование положительной установки по отношению к деятельности); когнитивного (повышение профессиональной компетентности, приобретение нового опыта); динамического (освоение новых алгоритмов и продуктивных способов решения управленческих задач, новых навыков и умений); личностного (развитие и совершенствование профессионально-значимых качеств и оценки себя как значимого участника трудового процесса). Эмоциональный и результативный компоненты являются результатом проявления психологической готовности в целом.

Изучение этнических и личностных особенностей персонала, особенно управленческого звена, позволит более эффективно подбирать методы и способы эффективного взаимодействия персонала в процессе трудовой деятельности, не нарушая их чувства собственного достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсатархов Р. Этнополитическая общность и нации // Мысль. - 1995. № 10. - С. 16-19.
2. Данилевич Ю.И. Влияние национальной психологии на поведение казахов в конфликтных ситуациях. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М. 2001. - С. 14.
3. Падзина Н.А. Влияние национальной психологии на взаимодействие и поведение людей в организации. Автореф. дисс. док. психол. наук - М. 2002. - 46с.

А. Ф. Джаксылыков

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДИК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Территория Казахстана представляет собой часть Великой степи с четко очерченными границами. На востоке она ограничена Алтайскими горами, на юго-востоке - горными хребтами Тарбагатай, Саяны и Тянь-Шаня, на юге - пустынями Каракумы и Кызылкум, на западе - Каспием, а на севере - тайгой. На территории Казахстана на рубеже I-II веков сложился аридный и субаридный климат. Население древнего Казахстана адаптировалось к изменившимся условиям и создало кочевое скотоводческое хозяйство. Кочевое скотоводство не только оно могло прокормить население Древнего Казахстана. Кочевое скотоводческое общество в большей степени, чем земледельческое, интегрировано в систему окружающей среды обитания. Кочевник-скотовод представляет собой завершающее звено в пирамиде геобиоценоза, основанием которой служит земля с его климатом и ландшафтом. Кочевник находится в прямой зависимости от состояния ландшафта и климата. Это утверждение верно для древнего, средневекового, и возможно Казахстана новой эры. Климат Казахстана с его среднегодовыми осадками в 400 мм делает невозможным развитие классического земледелия при низком уровне развития производительных сил, что предопределило невозможность отделения ремесла от скотоводства, т.е. второго крупного общественного разделения труда. По словам Масанова Н.Э., развитие земледелия в Казахстане возможно лишь в маргинальных зонах [6]. Городская культура развивается только на окраинах степи. Это позволяет утверждать, что история Казахстана до XVIII в. является историей прежде всего кочевых народов.

Кочевая цивилизация Казахстана не донесла в полном объеме письменную историю до современного исследователя. Древняя, средневековая и, отчасти новая, история Казахстана изучена на базе письменных источников соседних с Казахстаном народов. Исследователи в изучении различных отраслей истории Казахстана опираются в основном на данные письменных источников и материалы археологии. Но этих данных для полной реконструкции истории кочевых народов недостаточно, особенно для бесписьменного периода. Отсутствие или недостаток письменных источников по истории Казахстана являются причиной слабой изученности некоторых проблем отечественной

кой истории.

Одной из малоизученных проблем истории Казахстана является численность населения бесписьменного периода и фрагментарность допереписного периода. В этой связи интерес вызывает точка зрения В. Носевича, высказанная им в статье «Ранние тюрки в великом переселении народов (демографический аспект этногенеза)» [7]. Ключом к определению, полагает Носевич, примерной численности населения служит то обстоятельство, что она тесно связана с типом хозяйства и природными условиями. Так, применительно к кочевникам, плотность населения определяется продуктивностью пастбищ, которая для зон степи, полупустыни и пустыни изменяется в соотношении 10:5:1. К сожалению, методики подсчета численности населения нет в тезисах автора, не удалось получить ее и в личной переписке с ученым. С помощью теоретических расчетов и этнографических параллелей, по мнению В. Носевича, плотность населения составляет для скотоводов-кочевников с элементами земледелия в 1 чел./км² для степи, 0,5 чел./км² для полупустыни и 0,1 – 0,2 чел./км² для пустыни. Учитывая, что эти цифры характеризуют не столько реальную плотность, сколько «демографическую емкость» территории, действительная населенность колебалась вокруг приведенных значений. Носевич полагает, что она вряд ли отличалась от расчетных данных более чем в два раза. «Демографическая емкость» степных пространств является константой, поэтому нетрудно рассчитать численность части населения кочевых государств, вынужденной переселиться в другие страны.

Кроме социальных, политических и иных причин, вызывающих миграции кочевых народов, можно выделить фактор колебаний климата. Среди физико-географических наук, данные которой представляются возможным использовать историкам Казахстана, следует отметить, прежде всего, климатологию. Изменения климата – локальные или глобальные, играли определяющую роль в усилении или крушении кочевых государств, в характере и направленности внешней политики, а также миграционных процессов. Климатология использует в своих исследованиях гляциологические, палинологические, лимнологические, гидрологические и дендрологические методики. Целесообразным было бы использование этих методов в комплексе с данными письменных источников. Данные климатологии и анализ исторических фактов, описанных в летописях и работах историков прошлого, выводят нас на сравнительную хронологию. Выполненные до настоящего времени исследования позволяют выявить существование поразительной синхронности климатических и исторических со-

бытий во всех частях света, заставляющей вполне серьезно обратиться к влиянию климата на исторический процесс.

Сравнительная хронология исторического процесса позволяет сделать вывод о несомненном влиянии колебаний климата в сторону аридности или увлажнения. Они приводят к началу процесса этнической неза, объединению племен, падению государств, к массовым переселениям народов. Так, например, увлажнение климата рубежа I тысячелетия до н.э. привело к образованию народа Хань (китайцы), переселению части населения междуречья Хуанхэ и Янцзы в Монголию, Тибет и Восточный Туркестан. Л.Н. Гумилев назвал ханьцев «родом, сформировавшимся в результате упорной борьбы с водной стихией Девятиречья». Появление носителей Бегазы-Дандыбаевской культуры в начале I тысячелетия до н.э. можно также связать с началом увлажнения Восточной части Великой степи.

В целом, изменения климата в исторически обозримом прошлом не являются чем-то разовым явлением, а представляют собой ритмическое колебание, закономерно повторяющееся через определенные отрезки времени. То, что климат периодически и ритмически меняется и колеблется, подтверждается некоторыми письменными источниками. Геродот в «Истории» дает описание Аральского моря в I тысячелетии до н.э. как «болота оксийского». Другими словами, аридизация климата Казахстана в прошлом имела место, так же как и в начале 70-х годов XX в. Доказательством подобного утверждения является найденный археологической экспедицией под руководством К.М. Байнакова город на высохшем дне Аральского моря. Этот город, существовавший на территории Казахстана в X-IV в., является однослепым, т.е. он исчез после того, как повысился уровень воды в Арале и больше не возрождался.

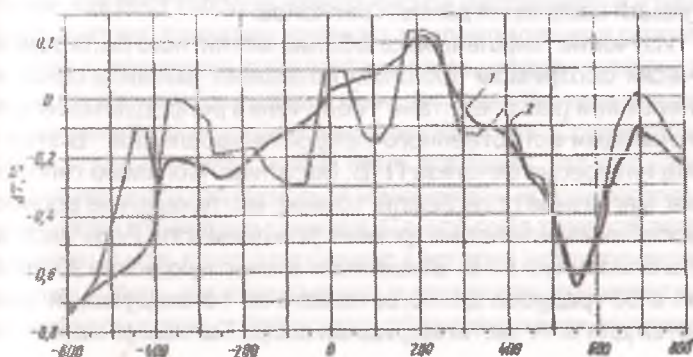
Е.В.Максимов в работе «1850-летний ритм Шнитникова и волны цивилизации» [5] ставит вопрос о влиянии изменений климата на исторические процессы. Согласно теории Шнитникова, климат на Земле подвержен ритмическим колебаниям с периодом в 1850 лет с короткой активной и длинной пассивной фазами. Короткая активная фаза длится 400-500, а длинная пассивная 1300-1400 лет. В этой связи интерес вызывает совпадение коротких активных фаз цикла Шнитникова и волн цивилизации. Генезис, становление и крушение античной цивилизации находятся в прямой зависимости от фазы ритма Шнитникова. Е.В.Максимов пишет, что античность появилась в начале активной фазы, средневековье просуществовало в пассивный период, а современная история началась с развитием новой активной фазы. Активные фазы определяются по горным оледенениям.

Другими словами, активизация интеллектуальной и духовной жизни человека напрямую связана с периодическими всплесками активных (холодных и влажных) фаз 1850-летнего цикла колебаний климата. Хронологически это связь выглядит следующим образом: I тысячелетие до н.э. — начало античного периода истории и активной фазы, на рубеже нашей эры происходит крушение античности, мир погружается в темную эпоху средневековья и наступает теплая и сухая фаза. Мир пробуждается в XV-XVII в.в. с наступлением активной фазы ритма Шнитникова, когда начинается эпоха Возрождения и становление буржуазного общества. На территории Евразии начинается процесс этногенеза и образования новых государств, Казахского в том числе.

Сочетание радиоуглеродного метода и данных инструментальных наблюдений позволяют исследователям реконструировать возможные изменения климата. Представленный график доказывает зависимость появления или крушения государств от роста и понижения температуры. В VIII в. до н.э. на территории Казахстана начинается история скифо-сакских племен. Рост температуры в конце III в. привел к падению племенных союзов скифо-саков и появлению на территории Казахстана раннеклассовых государств усуней и кангюев. Понижение температуры на рубеже нашей эры имело следствием аннигиляцию государств усуней, кангюев и сюнну. VI в. ознаменовался в истории Казахстана появлением Тюркского каганата. Рост могущества тюрков прямо связан с понижением температуры в указанное время. Наблюдается и обратная картина: с повышением температуры происходит крушение державы тюрков.

Рисунок 1

**Реконструкция среднегодовой температуры
Северного полушария в V в. до н. э. - VIII в. н. э.**



Данный температурный график приведен В.В. Клименко в книге «Климат и история от Конфуция до Мухаммеда» [4]. На нем первой 1 обозначены данные, пересчитанные из радиоуглеродной календарную шкалу времени, 2 - детализированные данные. Температура отсчитана в разности от средней за 1951-1980 гг. величины

В целом, понижение температуры для степных просторов Казахстана означало наступление влажного периода. Степь покрывалась обильным травостоем, увеличивались поголовье домашних животных, и, как следствие этого, росла численность населения. Степь обладает строго ограниченной емкостью населения, поэтому достигнув определенной точки роста, часть населения аридной зоны вынуждена покидать Родину в поисках новой земли. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что массовые переселения народов в глубокой древности всегда следовали синхронно ухудшению локальных природных условий, что ставит изменение климата в ряд первостепенных, важнейших причин такого рода событий.

По мнению В.В. Клименко, одной из возможных причин кратковременного (до 3-4 лет) резкого ухудшения климата являются грандиозные вулканические извержения, сопровождающиеся выбросом огромного количества пыли и, что еще более существенно для климата, окислов серы в атмосферу. Аэрозоли серной кислоты, оказавшиеся в верхних слоях атмосферы, живут там довольно долго, до 5-6 лет, и эффективно препятствуют поступлению солнечного излучения к поверхности Земли, вызывая ее существенное охлаждение. Это значит, что мощные извержения вулканов вполне могут служить спусковым механизмом, приводившим в действие лавину переселений. Другими словами, у исследователя проблемы есть возможность, проанализировав письменные источники древнего мира, составить синхронистическую таблицу извержений вулканов и миграций населения данных регионов.

Изучение локальных колебаний магнитного поля Земли в исторически обозримом прошлом позволяет выявить связь между акселерацией (как следствие увеличения репродуктивного периода) и темпами естественного прироста населения. В этой связи весьма интересна гипотеза П. В. Василика. Согласно гипотезе П. В. Василика, магнитное поле Земли, точнее, его локальные волнообразные колебания, влияют на уровень рождаемости. Если экстраполировать описанную П. В. Василиком магнитную волну длиной примерно в 60 градусов долготы на восток, то следующий минимум придется для III-IV вв. на меридиан озера Балхаш, а максимум - на

ладную Монголию. В течение трех последующих веков полоса высокой рождаемости перемещается по территории Казахстана, в то время как пик естественного прироста — по Алтаю и Джунгарии.

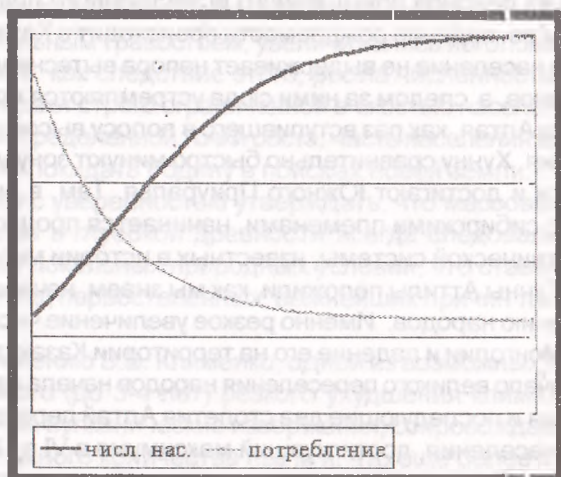
Если гипотеза П. В. Василика верна, считает В. Носевич [7], кочевое скотоводство с его очень малой способностью к росту численности населения должно максимально усиливать потребность в миграции из районов повышенного естественного прироста. В начале III-IV вв. падение рождаемости происходит в Казахстане, и прежнее население не выдерживает напора вытесненных саянцами хуннов, а следом за ними сюда устремляются тюркоязычные племена Алтая, как раз вступившего в полосу высокого прироста населения. Хунну сравнительно быстро минуют зону минимума рождаемости и достигают Южного Приуралья. Там, в результате контактирования с сибирскими племенами, начинается процесс сложения новой этнической системы, известных в истории мира как гунны Аттилы. Гунны Аттилы положили, как мы знаем, начало Великому переселению народов. Именно резкое увеличение численности населения Монголии и падение его на территории Казахстана и определили начало великого переселения народов начала нашей эры. В это время и последующие два столетия Алтай переживает период роста населения, достигнувший максимума в VI в. Именно в это время алтайские тюрки создают гигантский каганат, раскинувшийся от Желтого до Черного морей.

Нефедов С. А. утверждает, что демографический фактор влияет на исторический процесс. Речь идет о так называемом «демографическом давлении», т.е. степени заполнения экологической ниши. Он считает, что исторический процесс на Востоке, как и на Западе, состоит из демографических циклов, поэтому можно установить глобальный характер демографических закономерностей. Выделив хронологические рамки цикла, явления, происходящие в его рамках — такие, как рост городов, крестьянское малоземелье и разорение крестьянства, развитие крупного землевладения и ростовщичество, голод, восстания, гражданские войны и установление авторитарного строя — историк может объяснить как обычные следствия роста населения, как историческую неизбежность. Согласившись с удобным утверждением, можно лишь добавить, что для кочевых скотоводческих народов пусковым механизмом исторического процесса является изменение климата. Сам по себе тезис об экологической нише не нов, но по отношению к истории кочевников является актуальным. Степь как вмещающая и кормящая кочевников экосистема представляет собой основу общественных и экономических

ких отношений. Номад является частью степной экосистемы, изменение какой-либо составляющей ее влечет за собой катастрофические последствия.

Рисунок

Логистическая кривая и кривая душевого потребления



Представленная логистическая кривая и сопоставленный температурный график (рис. 1) дает возможность увидеть связь между увлажнением степи, увеличения численности населения и падением душевого потребления и, соответственно, миграцией части населения Алтая на запад в поисках новой экологической ниши. Понижение температуры началось в IV в., а стало быть, началось увлажнение степи, что в свою очередь повлекло увеличение численности населения. Увеличение численности населения приводит к понижению душевого потребления и росту миграционных наплывов части кочевников. У земледельческо-оседлого населения эта ситуация разрешается по-другому: голод, эпидемия, восстания и войны, что давало повод некоторым исследователям считать эти следствия регуляторами численности населения.

Кроме того, незаслуженно мало используются в исторической демографии материалы антропологических исследований. Данные краниологических, дерматоглифики, одонтологиче-ских исследований позволяют определить направление и интенсивность миграционных потоков населения Центральной Азии, как

широтном, так и долготном отношении. Материалы антропологических исследований дают возможность определить начало миграционных процессов путем выявления изменений расовых черт, состава крови, строения зубов и рисунка кожных покровов. Например, антропологические исследования подтверждают данные надписей на Бехестуне о саках-тиграхауда как носителей монголоидных расовых признаков. Эти факты доказывают, что миграция избыточного населения Монголии на территорию Казахстана началась в середине I тысячелетия до н.э.

Приведенные в данной работе естественно-географические методы определения численности населения, рождаемости и миграций призваны начать более широкие исследования в указанном аспекте. Сама постановка проблемы необходима хотя бы потому, что изучение истории Отечества сопряжено с трудностями такого рода, как скудость источниковой базы. Введение в научный оборот новых неписанных источников и методов естественно-географических наук, математики, представляется необходимым, оправданным и целесообразным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Время мира. М., 1992.
2. Вязков С. К вопросу о влиянии изменения климата на этногенез на примере этносов Восточной Европы// <http://kulichki.rambler.ru>
3. История Казахстана. Очерки. Алматы, 1993.
4. Клименко В.В. Климат и история от Кофуция до Мухаммада//<http://gerl.narod.ru>
5. Максимов Е.В. 1850-летний ритм Шнитникова и волны цивилизации/ Геоэкология: глобальные проблемы. Л., 1990.
6. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы-Москва, 1995.
7. Носевич В. Ранние тюрки в великом переселении народов (демографический аспект этногенеза)// <http://www.scgis.ru>

Н.В. Дулина

Волгоградский Государственный Технический Университет, г. Волгоград

РОЛЬ ГОРОДА В СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Город являлся с древнейших времен центром концентрации истории и культуры. О современном городе можно сказать, что он стал центром концентрации людей. Эволюция города (и его градообразующей основы), как и любого другого живого организма, происходит как под влиянием внешней среды, так и под влиянием внут-

ренных закономерностей развития самого города. Это приводит к необходимости рассмотрения по меньшей мере в двух аспектов

1) выявление механизмов влияния внешней среды на эволюцию градообразующей основы;

2) установление характера взаимодействия основных элементов (подсистем), образующих систему «город» и на этой основе выявление влияния самого города на эволюцию (а) его градообразующей основы и (б) внешней среды.

Если под внешней средой понимать население, например, страны и ее хозяйство (в широком понимании), то становится очевидным возможность либо притока в город новых ресурсов, либо обратного процесса. Можно предположить, что процесс притока целесообразен и происходит, пока качественный потенциал территории города, ее притягательность не выравнивается с притягательностью территории, расположенной вне его пределов. В период деградации города процесс происходит в обратном направлении.

Представляет определенный интерес историческая ретроспектива влияния внешней среды на эволюцию города. В настоящее время, к сожалению, радикальное усложнение системы причинно-следственных связей в организме города сокращает время «обратного срабатывания» этих связей и оказывает весьма осязаемое влияние на состояние внешней среды, поэтому, применительно к текущему времени, необходимо в большей степени говорить, как нам представляется, о влиянии города на внешнюю среду, нежели наоборот. Со временем материальная природная основа претерпела существенные изменения и модификации, очень заметно «очеловечилась».

Для того чтобы можно было оценить роль города в истории человечества, его влияние на становление и развитие цивилизации, необходимо понять, что приводит в движение историю, выявить механизмы «главных» исторических процессов (и, вообще говоря, понять, что же в истории является главным). Вероятно, единственное, что может претендовать на роль движущей «пружины» истории, это *рост численности человечества*. Иными словами, нет никаких других явных претендентов на роль ключевой переменной в истории, то есть достоверно измеряемой величины, которая могла бы быть значимой на всем ее протяжении. Строго говоря, разрастание популяции, ее многочисленность - не уникальная, но и не повсеместно встречающаяся черта живого мира. Огромное число видов живых организмов не достигли в своем развитии тех числовых параметров, которых достигла человеческая популяция. Это

остоятельство служит объяснением необходимости привлечения особого внимания к данной тенденции общественного развития: город, как особый социокультурный организм и пространственная организация людей, может возникнуть только при достижении определенного уровня роста его субстратных, в данном случае личностных носителей.

Рассматривая эволюцию города, можно обнаружить, что в период развития внешняя среда в той или иной форме как бы «представляет» городу его первооснову – население. Возникновение города обуславливается тенденцией разрастания человечества, ростом его численности. Малочисленные племена на заре человечества (как и в нашу эпоху) не образуют такого типа поселений, как города. Город возникает тогда, когда человечество стало достаточно большим в числовом выражении, когда смогло обеспечить себе так называемые жизнеспасающие технологии [23, с.27-28]. Археологические исследования дают первые свидетельства об остатках городов эпохи палеолита (примерно 15 тыс. лет до н.э.). Ориентировочно к концу этого периода численность населения Земли достигала 3 млн. человек, к концу неолита (2 тыс. лет до н.э.) – 50 млн. человек [16, с. 863]. Какими-либо более ранними свидетельствами (до периода палеолита) о городах наука сегодня пока не располагает.

Взаимосвязь роста численности человечества и роста городов выпукло прослеживается в наше время. В начале нашей эры на Земле было 230 млн. человек, к концу I тысячелетия н.э. – 275 млн. человек, в 1990 году – 1.6 млрд. человек, и в городах проживало около 13.3% населения. В 1990 году человеческая популяция насчитывала более 5 млрд. человек и 45.2% населения земного шара проживало в городах [24, с. 4]. Численность населения Земли в течение XX века увеличилась более чем в три с половиной раза (см. табл. 1 [29, с. 37]).

Со времен промышленной революции характерным стал не просто рост городов и населения в них, а рост больших городов. Процесс урбанизации происходит во всем мире: если еще в 1800 году не было ни одного города с населением в миллион человек, то в середине 80-х годов XX века их было уже 160 (см. табл. 2 [18, 29]).

Таблица 1

Рост численности населения Земли в XX веке, млн. чел.

Год:	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1975	1980	2000
	1617	1755	1811	2070	2295	2486	2983	3599	3947	4415	6100

Таблица 1

**Динамика изменения численности городов
с населением более миллиона человек**

Год:	1800	1850	1900	1922	1950	1960	1970	1985
Количество городов с населением более миллиона человек	0	4	12	22	65	100	131	160

Россия вошла в XXI век как страна городов. В настоящее время на территории страны насчитывается 2938 городских поселений [26, с. 25], в которых сосредоточена основная часть населения. Согласно данным переписи 2002 года 106.4 млн. россиян (73% от общей численности населения) – городские жители [26, с. 23]. Не подлежит сомнению, что именно города создают основу социально-экономического развития страны. Вряд ли стоит доказывать, что именно город та значимая точка, которая определяет возможность исторического перехода страны к своему новому состоянию. Город – это своеобразная «визитная карточка» государства, показатель положения страны в целом. В связи с этим проблемы развития современных городов России, особенно регионального значения, представляются чрезвычайно актуальными.

Города, как нам представляется, привлекают потоки населения не только возможностью трудиться и получать средства к существованию, на чем настаивают экономисты, утверждающие, что основным фактором урбомиграционных процессов и количественного роста являются имеющиеся и создаваемые в городах рабочие места. Нельзя забывать, что помимо витальных потребностей у человека есть потребность в личностном росте и самореализации, в индивидуально-личностной среде, в социально-психологическом комфорте, другие социально-личностные и метафизические потребности. Для их реализации города предоставляют больше возможностей. Условия, в которых человек трудится, удовлетворяет свои потребности (пища, жилье, образовании, культуре и т.д.), определяют меру возможностей в конкретном месте поселения – это реальные условия, детерминированные профилем поселения, его численностью, административным статусом. Город, как непосредственная среда жизнедеятельности человека, в большей степени чем деревня реализует важнейшую интегрирующую функцию – функцию социального развития человека, населения в целом. Об этом убедительно свидетельствуют статистические и эмпирические данные, полученные в ходе при-

кладных социологических исследований.

Несмотря на то, что городской житель постоянно вынужден бороться с городской реальностью, так как она порождает то, что человеку биологически не свойственно, направление миграции, по-прежнему, ориентировано на город, и новые жители заполняют его пространство, по возможности приспособившись и адаптируясь к его законам, нормам и правилам. Так, например, по данным областного комитета статистики численность городского населения Волгоградской области за последние тридцать лет увеличилась на 10% (см. табл. 3 [30, с. 18]). На рубеже веков соотношение городского и сельского населения в области стабилизировалось, и в целом соответствует общероссийской тенденции. В общей численности населения России, по данным различных источников, горожане к концу прошлого и на начало текущего столетия составляют 73% [15, 17, 25, 26], причем около четверти этого населения сосредоточено в 13 самых крупных городах с численностью жителей свыше миллиона человек.

Таблица 3

Соотношение численности городского и сельского населения Волгоградской области, %

Год:	1970	1979	1989	2002	2003	2004
Городское население	65.4	71.3	75.7	75.2	75.2	75.2
Сельское население	34.6	28.7	24.3	24.8	24.8	24.8

Таким образом, можно заключить, что стабилизация доли городского населения в России происходила при одновременном нарастании концентрации городского населения в крупнейших городах. Общая закономерность развития цивилизации - по мере приближения к современному состоянию, человечество все более концентрируется в городах, причем именно в крупных и крупнейших городах.

Интересно обратить внимание еще на один факт, сопровождающий численное увеличение городов и числа проживающих в них жителей. Ученые, прослеживая эволюцию города, обращают внимание не только на то, что города становятся центрами товарно-денежных отношений, ремесленного производства и торговли [8, 12], но, что по нашему мнению более важно, они обнаруживают новые значимые моменты в генезисе города. Так, о городах Египта эпохи Среднего Царства записано: «стали возникать новые города,

административные и хозяйственные центры, жизнь которых облеклась в новые формы социального быта» [1, с. 224-225]. Иначе говоря, археологи, стали фиксировать факты, которые позволяют утверждать, что уже город начал «диктовать» свои условия организации социального порядка и устройства. Город обеспечивает развитие территориальной общности людей, ее воспроизводство. Иными словами, обозначается самостоятельная, социальная по своей природе функция города. Циклы воспроизводства, как известно, включают как воссоздание ранее существовавших элементов социальной структуры и отношений между ними, так и возникновение и расширение воспроизведения новых элементов и новых отношений. В процессе социального воспроизводства воссоздаются и изменяется и развивающийся индивид. Именно город, в ходе своей эволюции, готовит потенциал для осуществления промышленной революции, и на факт ее «свершения» города «откликаются» ростом численности населения.

В связи с этим, уместно напомнить одну точку зрения, согласно которой, социальный прогресс - одновременно и причина, и следствие прогресса технического. Как указывается в [19], развитие техники - важная причина, от которой зачинаются социальные перемены и которая направляет общественное развитие. Религии, философии, политические теории и короли с их советниками (то внешним сношениям слабо влияют на ход истории (согласно этой точке зрения), кроме тех случаев, когда они действуют сообразно направлению развития техники своего времени. «Прогресс техники есть одна из главных причин, которые приводят время от времени к преобразованию общества одного типа в общество совершенно другого типа» [19, с. 401]. Технический и социальный прогресс взаимно обусловлены: застой в одной части непременно приводит к упадку другой. Социальный прогресс обеспечивает технический, и наоборот. «Развитие техники - социально обусловленный процесс, зависящий от многих социально-экономических факторов, от общего культурного фона эпохи, определяющего не только направленность, социальные цели и темпы технического прогресса, но и его содержание и характер» [28, с. 586]. Иначе говоря, можно предположить, что на исторической оси победителем оказывается тот субъект, деятельности которого совпадает с направлением социальной эволюции. Как свидетельствуют факты истории, именно город оказался тем элементом, который сумел обеспечить приращение ремесел, развитие техники, технологии, общего уровня образования населения.

Таким образом, можно заключить, что первоначально ведущая

среда поставляла городу его градообразующую основу – население. Сам же город сумел создать все необходимые и достаточные условия, чтобы обеспечить расширенное социальное воспроизводство своего существования, более того, в ходе собственного развития сформировал некое новое качество, которое способствовало социальной эволюции. Именно город, как особый социокультурный организм и пространственная организация людей, обозначил переход к исторически новому обществу – к цивилизации [20, с.7; 21, с.71-72]. И в настоящее время город оказывается наиболее подготовленной во всех отношениях структурой, способной в условиях сложных, многохарактерных глобальных изменений осуществить переход к новому состоянию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдиев В.И. История древнего Востока. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 758 с.
2. История стран зарубежной Азии в средние века. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970. – 640 с.
3. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима: Пер с пол. – М.: Высшая школа, 1990. – 351 с.
4. Регионы России: Статистический сборник. В 2 т. Т.2 / Госкомстат России. – М., 1998.
5. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М.Прохоров. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1699 с.
6. Соколин В., Забарская И. О предстоящей всероссийской переписи населения // Экономист. – 1999. - №1.
7. Хорев В.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). – М.: Мысль, 1975.
8. Лилли С. Люди, машины и история / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1970. – 432 с.
9. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. – М.: Наука, 2001. – 392 с.
10. Заборова Е.Н. Социологический анализ городского социального пространства. – Дисс. докт. соц. наук. – Екатеринбург, 1997. – 339 с.
11. Малинецкий Г.Г. Выбор стратегии // Компьютерра. – 2003. - №38. – С. 25-31.
12. Мировая урбанизация: географические проблемы. – М.: МФ ГО СССР, 1989.
13. Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – 216 с.
14. Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: КДУ, 2004. – 224 с.
15. Российская социологическая энциклопедия. Под общ. ред. Г.В. Оси-

- пова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 672 с.
29. Географический атлас мира. – М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1981 г. – 252 с.
30. Население Волгоградской области – 2003/ Волгоградский областной комитет государственной статистики. – Волгоград, 2004. – 52 п.

Е.Н. Егоренкова

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им.С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ 15-16 ВВ.

Эпоха Возрождения, занимая промежуточное положение между средневековьем и Новым временем, является ярким примером переходного периода – когда одна эпоха сменяется другой. Ренессанс подготовил базу для формирования социально-экономических, политических, культурных основ буржуазного общества. Возрожденческое общество представляет собой образец синтеза элементов чуждых друг другу историко-культурных общностей – средневекового узкокорпоративного общества и его эгоцентричного буржуазного общества с его идеалом самодостаточного индивида. Возрождение выводит на первый план человеческую личность, что способствовало складыванию гуманистической идеологии, занявшей господствующее положение в сфере философии, науки, культуры, религиозности и т.д. Значительной трансформации подверглась система нравственно-этических установок, напрямую связанная со сферой семейно-брачных отношений.

Однако при рассмотрении представленной нами проблемы необходимо учитывать региональные особенности европейского Ренессанса. Северный гуманизм Германии представляет несколько иную картину, нежели классический гуманизм Италии и Южной Франции. Бюргерство Германии существовало в специфических условиях усиления феодально-католической реакции и обострения социальных противоречий, потому там гуманизм в своей классической форме не находит широкой опоры в обществе. Северным гуманистам чужд идеал гармонично развитой свободной личности, новой светской культуры, несколько языческое мировосприятие. Гуманизм Германии имеет, по преимуществу, ученый характер и замкнут в узком кругу передовой интеллигенции, части светских и духовных князей и бюргерства. Северные мыслители, в отличие от

итальянских, усиленно занимались богословскими вопросами, под-
вергая критике христианские догмы и по новому читая «священные
писания» [4, с. 19].

Гуманистическое движение Германии пошло по пути религи-
озных преобразований, приобретя в конечном итоге форму Рефор-
мации. 16 век в истории германских земель - это период религиоз-
ных войн и споров. Ренессансный индивидуализм не получил ши-
рокого распространения – еще раз повторим, что в центре внима-
ния религиозные вопросы, и проблема человека и свободы челове-
ческой личности рассматривалась в религиозном контексте, в силу
чего в Германии не получает достаточного развития идея свобод-
ной, самосовершенствующейся личности, что нашло отражение во
многих сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в обла-
сти семейно-брачных отношений.

Средневековье не знало понятия «семья» в современном
ее понимании как супружеской пары с детьми. Термин «семья»
тогда подразумевал в ту эпоху совокупность как широкого круга
родственников, родню, так и совместно живущих людей, не
непосредственно связанных родством. Современное значение семьи
сложится лишь к концу 17в. Именно в эпоху Возрождения про-
исходила закладка основ моногамной семьи, что было обусловле-
но социально-экономической необходимостью и сложившейся де-
мографической ситуацией, которая характеризуется следующими
моментами:

- сокращение общей численности населения;
- повышения возраста вступления в брак женщин;
- сокращение численности женщин фертильного возраста.

В Германии, не смотря на возросшее значение брака в его
завершенной форме как церковной формы брака, продолжает су-
ществовать и языческий культ (унаследованный от древних герман-
цев). Языческий и церковный ритуал дополняли друг друга: освя-
щение брачного ложа и его публичное разделение. Главная цель
брака – рождение детей, поэтому ложе освящается церковью, но
брак – это еще и сделка, поэтому совершается она публично, как
то было заведено на протяжении веков. «Взойдешь на постель и
право свое обретешь», - гласит немецкая поговорка [3, с. 223]. Эта
традиция порождала массу «случайных», «тайных» браков вплоть
до 17в.

Именно Ренессанс противопоставил друг другу семью,
освященную церковью, и простое сожительство (конкубинат). Но
парадокс времени заключается в том, что мощный взрыв

страстей и чувств поставил первую в отнюдь невыгодное положение.

Конкубинат в эпоху Возрождения распространяется очень широко и охватывает все слои общества, включая духовенство. Например, во Франции 15в. по статистике в среднем на 100 мужчин, имеющих конкубин, приходилось 32 клирика, 50 отцов семейств, 14 холостяков [2, С. 116]. Семьи имели даже папы.

Дети, рожденные в конкубинате - бастарды - практически ничем не отличались от законнорожденных: они воспитывались в строгости и любви, часто отцы не делали никакого различия между внебрачными и законными детьми. Бастарды Ренессанса это не изгои без средств и положения в обществе. Например, в 14-15 веках в среднем каждый восемнадцатый мужчина в своем завещании отдавал распоряжения относительно «прижитых в конкубинате незаконных детей; в среде рыцарства такие распоряжения встречаются в каждом седьмом завещании» [2, С. 149].

В Германии же конкубинат имел еще и прочную языческую основу, унаследованную от древнегерманских предков, что отразилось, например, в праве «пробных ночей», очень широко распространенном в 15-16 вв. в крестьянской и бюргерской среде Германии. Это право рассматривалась как форма добрачных ухаживаний: когда девушка достигала половой зрелости, по ночам ее посещал выбранный молодой человек. Эти свидания продолжались до тех пор, пока они не решат вступить в брак, либо разойтись. «Пробные ночи» не были связаны с сексом, они рассматривались как форма флирта, при которой присутствовали свидетели (родственники любовников).

В то же время, с 16 в. официальная мораль Германии и церковь требуют жесткого соблюдения от женщины целомудрия, что поддерживалось общественным мнением, церковными установлениями и юридическими законами. Достойная или недостойная невесты имеют разные права, разные виды наказания. В Ротенбурге недостойные невесты выставлялись на церковной паперти с соломенной косой, в Нюрнберге — с соломенным венком. Выслеживались и наказывались добрачные связи, но их широкое распространение вполне соответствовало общему духу эпохи.

Кроме конкубината, широко распространяется супружеская измена или адюльтер (как со стороны мужа, так и со стороны жены). Но если в Италии и ряде районов Франции часто встречается обычай поощрения взаимной измены, и даже торговли своими женами (причем во всех социальных группах), то на севере, осо-

бенно в Германии и Нидерландах в массовом сознании очень резко осуждались любые формы супружеской измены. Женщине, совершившей прелюбодеяние, в 16 веке грозила смерть. Если ее застигал на месте преступления муж, то он имел право тут же убить ее, суд обычно освобождал его от наказания. Допускалась и возможность выдачи виновной родственникам для осуществления казни. Женщина, уличенная в адюльтере светским судом, могла быть повешена. За убийство мужа во Франции и Германии женщину живьем закапывали в землю.

Судебное преследование мужчин по факту прелюбодеяния встречалось гораздо реже, лишь тогда, когда их статус существенно уступал статусу оскорбленного мужа. Чаше в таком случае видели некоторое молодечество, на которое даже жены смотрели сквозь пальцы. Тем не менее, местные власти резко выступали против любых супружеских измен, в городах даже существовала своего рода «полиция нравов», которая нередко поддерживалась населением. Молодежные братства подвергали осмеянию и прелюбодеев, и обманутых мужей, которые именно в это время стали называться обидными кличками: «нозами» (с фр. «наш друг»), рогоносцы, «голубые» (в противовес «желтым» - завзятым развратникам) [2, С. 147].

Так же единодушно в 14-15 веках осуждается развод (или попытка супругов проживать отдельно друг от друга). Но если верить литературным источникам, конкубинат, адюльтер и развод в эпоху Ренессанса был отнюдь нередким явлением. Примечательно, что при этом количество браков не уменьшалось. Главнейшей заботой родителей становится стремление как можно выгоднее женить или выдать замуж своих детей. А.Э.Дешан констатировал: «ему известны многие случаи, когда после смерти одного из супругов брак заключался и в третий, и в четвертый, и даже в пятый раз» [2, С. 148]. И это тогда, когда церковь признавала законным лишь один брак (в крайнем случае два), наблюдаются отклонения от средневековых канонов брачно-семейной жизни.

Объяснить такое положение можно не только ломкой нравственных установок, но и сложившейся в эпоху Возрождения демографической ситуацией. С начала 14 века Западную Европу захлестнула волна эпидемий (в основном чумы - «черной смерти»). Так, в Германии к началу 15 века население в среднем сократилось на 35-40% [5, С. 270-272]. К концу 16 века сокращение населения в целом по Европе составило 40-45% [1, С. 105-106].

В отношении Германии данного периода необходимо также

помнить еще об одном мощном факторе демографического регулирования – Реформация: в ходе реформационных войн и в результате деятельности инквизиции в 16в. было истреблено около 65% населения, причем 4/5 их составляли женщины (потенциальные «ведьмы»).

В сложившихся условиях средняя продолжительность жизни человека составила 30 лет, повысился возраст вступления в брак: если в средние века традиционными были 12-14 лет, то теперь - 24-25.

Это связано с высокой женской смертностью, причем брачного возраста (14-59 лет). Умирали чаще всего при родах – и почтенные были многодетные матери (например, отец Альбрехта Дюрера имел 18 детей), от болезней и тяжелого труда. Большая выживаемость относится к возрасту 20-27 лет – расцвету биологического потенциала женщины. В такой ситуации на 100 мужчин приходилось 52 женщины брачного возраста, а в крупных городах, торговых и военных центрах положение еще больше усложнялось [6, С. 108]. Как следствие этого – высокий процент мужского безбрачия. У решения этой проблемы было два выхода: с одной стороны, часть мужчин пополняла собой монастыри, а с другой – наблюдается широкое распространение внебрачных, добрачных связей, а также проституции и изнасилований.

Как указывают французские источники, во Франции со второй половины 15 века резко возросло количество изнасилований. Виновные не слишком сурово наказывались: им грозило несколько месяцев (или даже недель) тюрьмы, штраф или розги. Страшнее была угроза мести со стороны родственников пострадавшей женщины; участники самосуда обычно оправдывались законом. И, тем не менее, подобные судебные дела с конца 15 века становятся обычным явлением, особенно в городах. Для молодых мужчин участие в «мероприятиях» такого рода превращалось в своеобразный «пропуск» в среду сверстников. Поучительна снисходительность светских и церковных властей: об этом свидетельствуют не только относительно легкие наказания, но и частота случаев, при которых местный герцог или епископ просто амнистировали виновных.

Подобное положение вещей мы видим и в отношении проституции. В сознании людей соединялось несоединимое – представление о моногамии и представление о необходимости проституции. И королевские ордонансы, и городское право, и общественное мнение рассматривали публичные дома как оп-

равданное явление, необходимое и направленное на то, «чтобы избежать худшего» [2, С. 150]. Виновные в «плохом обращении» с женщинами легкого поведения наказывались светским судом. Владельцами публичных домов выступали то отдельные общины, то знатные фамилии, то купцы или чиновники, то (!) аббаты или епископы. Сами дома размещались открыто, в лучших местах города, зачастую рядом со зданием суда или магистрата.

Среди посетителей публичных домов встречались мужчины всех возрастов и сословий. Для мужчин среднего класса посещение подобных заведений являлось обычным делом, в нем видели признак здоровья, морального и делового благополучия. Судя по судебным разбирательствам, которые предпринимались при нарушении порядка, женатые мужчины входили в числе завсегдатаев «домов терпимости». С женатых, застигнутых у проституток, полагалось взимать штраф, но и это правило соблюдалось не всегда.

Было бы в корне неверно упрощенно рассматривать подобное широкое распространение проституции. Перед нами сложное явление, которое в большей мере относится к средневековью; этот мир исходил из убеждения в неизлечимом несовершенстве человеческой натуры. Человек изначально грешен, а мир наполнен соблазнами. Если удавалось «избежать худшего», или даже «сократить масштабы» греховного поведения, это уже было достижением, свидетельством «преодоления худших соблазнов» [2, С. 152]. С такой точки зрения отступление в эпоху Возрождения от идеала многоамного церковного брака значительной массы населения становится понятным и естественным. С другой стороны, укреплялось положение многоамной семьи как экономической, политической и социальной основы общества.

Таким образом, в эпоху Возрождения семейно-брачные отношения характеризуются целым рядом особенностей (повышения брачного возраста женщин, увеличение количества повторных браков, рост безбрачия среди мужчин, широкое распространение конкубината, проституции), которые являются результатом социально-экономических, культурных, политических, демографических процессов ломки структур средневекового общества.

Но в силу того, что Возрождение Германии обладает рядом особенностей, вытекающих из общих процессов развития данного региона в 15-16 вв. – слабое развитие идей гуманистического идеализма, сохранение в бытовой сфере языческих традиций и обычая-

ев древних германцев, широкое распространение Реформационного и Контрреформационного движений – область семейно-брачных и половозрастных отношений приобретает несколько специфические черты (параллельное сосуществование церковного и языческого обряда освящения брака, двойной стандарт ухаживания и флирта – невинность невесты и «пробные ночи», категоричное неприятие адюльтера и т.п.)

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Karlheinz Blaschke. Geschichte Sachsens im Mittelalter. - Union Verlag Berlin, 1990
2. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. – М., 1991
3. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа от античности до 20в. – М., 2002
4. Соколов В.В. Философия эпохи Возрождения. – М., 1996
5. Стам С.М. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации. // Вопросы истории. – 1977. - № 4. – С. 75-93.
6. Средневековая Европа Глазами современников и историков. В 5 ч. – М., 1995. Ч.5. - 384 с.

С. К. Есетов, А. Е. Мрачковский

Северо-Казахстанский Государственный Университет им. М.Козыбаева,
г. Петропавловск

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ

В истории формирования современной структуры населения Северного Казахстана и становления хозяйственной специализации данного региона период освоения целины занимает особое место. В 2004 году в Республике широко проходят юбилейные торжества, посвященные этому историческому событию.

В 50-е годы XX века в целях претворения в жизнь намерений Центра по единовременному поднятию и освоению огромных площадей целинных земель в Казахстане, было осуществлено, в основном, организованное привлечение сюда большого числа рабочих и специалистов (а также переселение и обустройство их семей) из республик бывшего СССР и Казахстана.

Грандиозная работа по поднятию целины в Казахстане раз-

вернулась весной 1954 года с началом вспашки огромных массивов новых земель в тогдашних пяти северных областях республики Акмолинской, Кокчетавской, Кустанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской. Хотя в том же году она началась в меньших масштабах в Уральской (ныне Западно-Казахстанской), Актюбинской, Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской), Карагандинской и Алматинской областях. Из всех вспаханных в первом «целинном» году в Казахстане 8 миллионов 531 тысячи гектаров, 759 тысяч гектаров (9%) пришлось на Северо-Казахстанскую область.

На освоение целинных и залежных земель в совхозы Казахстана в 1954 г. прибыло 55 753 человека, в т. ч. бригадиров тракторных бригад – 830, трактористов – 10 785, комбайнеров – 766, шоферов – 2925, ремонтных рабочих – 8500, рабочих разных профессии – 31947.

«География» прибывших только за первые три месяца (с марта по июнь 1954 г.) на территорию Северо-Казахстанской области выглядела следующим образом. Из Краснодарского края прибыло 406 человек, Москвы – 1013, Ленинграда – 1048, Ярославской области – 603, Украины – 1057, Мордовской АССР – 369, Алма-Аты – 78, Донбасса – 35. Всего за первые три года в область прибыло свыше 18 тысяч человек из разных городов и регионов страны. Кроме перечисленных в область приехали посланцы Сочи и Одессы, Воронежа и Курска, Калинин и Горького, других городов и областей тогдашнего Союза.

В 1955 г. в совхозы республики прибыло 107 280 человек, в т. ч. бригадиров тракторных бригад и их помощников – 6660; трактористов – 34 429, из них из училищ механизации – 7180; комбайнеров – 7680, из них из училищ механизации – 7180; учетчиков – 3300, ремонтных рабочих – 6773, прицепщиков и разнорабочих – 48 438. Всего по призыву ЦК КПСС прибыло 163 033 человека. [1]

В целом за 1954-1956 гг. в Казахстан прибыло 640 тыс. человек, причём, большая часть прибывших была в молодом трудоспособном возрасте, с ещё не реализованным репродуктивным потенциалом. Существенно менялась и профессионально-квалификационная структура населения. В Казахстан прибыло 390 тыс. механиков, 50 тыс. строителей, свыше 20 тыс. работников хлебоприёмных пунктов, около 3 тыс. медицинских работников, полторы тысячи учителей, более тысячи торговых работников.

На примере Северо-Казахстанской области можно составить представление о невиданных масштабах механизации целинных районов республики. Если в 1953 году МТС, колхозах и совхозах

здесь было 5863 трактора (в 15 - сильном исчислении), то в 1960 году их стало 12,5 тысячи, в 1959 – 17,6, в 1960 – 19,5, и в 1971 – 34,6 тысячи. Таких высоких темпов еще не было в истории развития сельского хозяйства того периода.

Все это, в свою очередь, наряду с высоким естественным приростом среди коренных жителей края, пришедшим именно в 60-е годы, вызвало ускоренное и значительное увеличение общей численности населения Казахстана во второй половине 50-х и 60-х годах по сравнению с предыдущими и последующими периодами. Это можно проследить из приводимой ниже динамики населения Казахской ССР в 1951 – 1971 гг.

Таблица 1

**Показатели наличия и темпов роста
численности населения**

	Казахская ССР			Из них по 5 целинным областям - Акмолинской, Кокчетавской, Кустанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской		
	Все население	В том числе		Все население	В том числе	
На начало 1951 г., тыс. человек	6813	2675	4138	1904	518	1 366
На начало 1952 г., тыс. человек	7067	2825	4242	1926	537	1 389
На начало 1954 г., тыс. человек	7355	3070	4285	1970	576	1 394
в % к 1952 г.	104,1	108,7	101,0	102,3	107,3	100,4
На начало 1956 г., тыс. человек	8256	3363	4893	2474	639	1 305
в % к 1951 г.	121,2	125,7	118,2	129,9	129,2	130,2
в % к 1954 г.	112,3	109,5	114,2	125,6	116,1	129,5
На начало 1961 г., тыс. человек	10236	4590	5646	3111	953	2 158
в % к 1956 г.	124,0	136,5	115,4	125,7	142,5	119,6
На начало 1966 г., тыс. человек	12047	5702	6345	3577	1331	2 246
в % к 1961 г.	117,7	124,2	112,4	115,0	139,7	104,1
На начало 1971 г., тыс. человек	13228	6725	6503	3747	1642	2 105
в % к 1966 г.	109,8	117,9*	102,5*	104,8	123,4*	93,7*

• в 1968 – 1969 году более 10 крупных сел были переведены в статус поселков городского типа.

Таким образом, самый большой «скачок» в росте численности населения целинных областей (на 1141 тыс. человек) и в целом в республике (на 2881 тыс. человек), в основном произошел в 1954-1960 гг.

При этом необходимо отметить, что две трети произошедшего во второй половине 50-х и в 60-х годах большого роста численности населения Казахстана, приходится на фактор естественного прироста самих местных жителей, а также на родившихся в те периоды здесь же детей первоцелинников. В этот период отмечен высокий уровень рождаемости и низкий уровень смертности населения.

Таблица 2
Демографические показатели периода 1954 – 1970 гг.

	рождаемость		смертность		в данном периоде		
	Предельные коэффициенты в данном периоде*	Всего родилось, тыс. человек	Предельные коэффициенты в данном периоде	Всего умерли, тыс. человек	Естественный прирост населения, тыс. человек	Общий прирост всего населения, тыс. человек	Прирост за счет миграционного притока извне, тыс. человек
1954-1960гг.	36,9-37,3	2235	10,0-6,6	482	+1753	2881	+1128
1961-1970 гг.	36,1-23,4	3229	6,6-6,0	712	+2517	2992	+475

* и расчете на 1000 человек населения Казахстана (в соответствующем периоде).

Таким образом, если общая численность Казахстана за годы освоения целины (1954 – 1960) возросла на 2,9 млн. человек (39%), то около 1,8 миллиона (61%) приходилось на естественный прирост собственного населения, остальные 1,1 миллиона (39%) – на миграционный приток извне. Необходимо отметить, что к концу 60-х годов началось угасание миграционного потока населения в Казахстан из других регионов СССР, а с середины 70-х годов наступил процесс устойчивого миграционного их оттока за пределы Казахстана.

Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 26 декабря 1960 года в составе республики был образован Целинный край. В административное подчинение края входило пять областей (Северо-Казахстанская, Кустанайская, Кокчетавская, Павлодарская и Целиноградская).

Территория Целинного края в тот период была равна 600 ты-

сячам квадратных километров. В ее состав входило 67 районов, 11 городов, 32 рабочих поселка и 749 сельских и аульных Советов. К 1 ноября 1961 года в крае насчитывалось 642 совхоза, 104 колхоза, десятки разнообразных предприятий всесоюзного и краевого значения.

Изменения в экономике областей Северного Казахстана, входящих в состав Целинного края, оказали прогрессивное значение для региона. В тоже время оно повлияло на характер расселения профессиональный и национальный состав населения. На освоение целинных земель прибыло более 800 тысяч человек.

Для населения Целинного края того времени было характерен быстрый рост численности населения, многонациональный состав, резкое преобладание числа сельских жителей над городскими.

За 20 лет, прошедших между переписями 1939 и 1959 годов население в современных границах края увеличилось с 1 619,1 тыс. до 2 753,1 человек, т. е. на 70 процентов. При этом если в Северо-Казахстанской области прирост населения составил лишь 25 %, то в Целиноградской – более чем в два раза. Почти удвоилось население Кустанайской и Павлодарских областей, где, кроме освоения огромных площадей целинных земель, была начата разработка месторождений полезных ископаемых. В полтора раза выросла численность населения Кокчетавской области, где возникли новые целинные районы.

К 1959 году население Целинного края равнялось почти двум третям общереспубликанского, в то время как по размерам территории занимала лишь одну пятую часть Казахстана. Однако и этого количества жителей было недостаточно для полного и интенсивного использования природных ресурсов богатого и обширного края. Сравнимого по площади Украине, но уступающего ей по населению почти в 15 раз.

Средняя плотность сельского населения в крае составляла 3,2 человека на км², а средняя плотность всего населения – 4,6 человека на км². Это почти в полтора раза выше, чем по Казахстану в целом, но в 17 раз ниже средней плотности населения Молдавии, в 7 раз меньше, чем в Белоруссии, Латвии и Литве.

Наибольшая плотность как всего (11 человек на км²), так и сельского (7,3) населения, наблюдалась в Северо-Казахстанской области. Здесь расположился самый крупный в крае город – Петропавловск, а пахотно-пригодные земли составляли более половины территории.

Изменился и национальный состав Целинного края. Здесь как образно выразился Н.С.Хрущев: «представлена почти вся

миграция Советского Союза». Переписью 1959 года в Целинном крае было учтено свыше 30 национальностей, из них преобладали русские, казахи, украинцы и немцы. Довольно многочисленны были белорусы (свыше 64 тыс.), татары (50 тыс.), поляки (40,4 тыс.), ингуши (32,3 тыс.) и чеченцы (16,8 тыс. жителей).

Таким образом, эпопея освоения целинных и залежных земель в Северном Казахстане привела в движение огромное количество населения и трудовых ресурсов всего тогдашнего государства. Казахстан испытал огромный приток населения трудоспособного возраста. Это в последующем сказалось на всех основных демографических показателях республики. Возросла не только общая численность населения, но и изменилась структура его воспроизводства, национальный, половозрастной, профессиональный и квалификационный состав, увеличилась плотность населения северных областей Казахстана, что в последующем предопределило перспективы и тенденции демографических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парта. Архив Казахского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 708, оп. 28, д. 14, л. 172-173.
2. Целинный край. Краткие очерки о природе, населении и хозяйстве. (Общ. научная ред. акад. Н. Н. Пальгова). Алма-Ата, Казгосиздат, 1962.
3. Из докладной записки ЦК ЛКСМ в ЦК КПК о прибытии комсомольцев и молодежи на постоянную работу в районы освоения целинных и залежных земель Казахстана. 17 марта 1954 г.
4. Справка Министерства совхозов Каз. ССР в ЦК КПК о прибытии рабочих в новые зерновые совхозы республики на освоение целинных и залежных земель по призыву ЦК КПСС. 14 ноября 1955 г.
5. Из отчета по итогам работы совхозов Министерства совхозов Каз. ССР за 1956 год. 24 апреля 1957 г.
6. Демиденко В. П. На земле, озаренной дружбой. – Алма-Ата: Казахстан, 1981. с 131

А.Б. Есимова

Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави, г.Шымкент

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РЕПАТРИАНТОВ В КАЗАХСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В истории Казахстана миграционные процессы всегда играли важную роль. Ретроспективный обзор советского периода пока-

зывает, что именно в результате миграции населения (который зачастую носил насильственный характер) произошло становление Казахстана как многонационального государства, перемещения людей отразились на половозрастной структуре, а также повлияли на социально-экономический, культурный облик республики.

С провозглашением независимости Республики Казахстан началось проведение государственной политики по возвращению казахов, которые в свое время были вынуждены ее покинуть, на свою историческую родину. Теперь наиболее часто употребляемыми определениями при определении характеристик и миграционных процессов современности стали «репатриант», «репатриация». Одними из первых возвратились казахи из Монголии, численность которых с 1991 по 1993 г.г. составила 60 тыс. чел. [1].

Причины миграционных процессов различны. Это экономические, социальные, политические, семейные. Это и психологический фактор - чувство оторванности от исторических корней, неуверенности в своем будущем и в будущем детей, это и этнокультурный фактор, который выражается в стремлении воссоединения с исторической родиной. Зачастую происходит наложение одних причин на другие и очень сложно выявить доминирующую из них. Например, оралманы из Каракалпакии прибыли также вследствие ухудшения экологической ситуации и, скорее всего, их можно назвать как репатриантами, так и экологическими мигрантами.

Указом Президента ежегодно определяется квота иммиграции для оралманов, с указанием количества семей и областей их расселения. Меры по организованной репатриации лиц казахской национальности, их прием и обустройство направлены на тех из них, которые не могут вернуться на историческую родину без финансовой поддержки государства.

С начала 90-х началась разработка политико-правовых документов, регулирующих миграционные процессы. 13 декабря 1997 г. был принят Закон «О миграции населения», который «регулирует общественные отношения в области миграции населения, определяет правовые, экономические и социальные основы миграционных процессов, а также создания необходимых условий жизни на новом месте для лиц и семей, возвращающихся на свою историческую родину» [2]. В 2000 г. была одобрена Концепция миграционной политики Республики Казахстан (Постановление Правительства РК от 5 сентября 2000 г., № 1346), в которой определены цели и принципы миграционной политики, приоритеты, основные направления реализации миграционной политики, задачи, формы и методы

ализации миграционной политики. Из документа следует, что приоритетами миграционной политики для решения вопросов переходного периода является: всемерное содействие обустройству оралманов; предупреждение и предотвращение потоков вынужденной миграции, в том числе и незаконной; создание и развитие иммиграционного контроля; содействие сокращению и стабилизации эмиграционных процессов; обеспечение и регулирование внутренней и внешней трудовой миграции [3]. В Программе демографического развития Республики Казахстан на 2001-2005 г.г. (утверждена Правительством РК от 30 октября 2001 г.) обозначены следующие задачи: «сокращение отрицательного сальдо миграции за счет активизации иммиграции путем создания нормальных жизненных условий для иммигрантов, особенно для оралманов и возвращающихся резмигрантов». В данном документе утверждается, что реализацию регулирования миграционных процессов предполагается осуществлять при помощи следующих мер: 1. Ежегодного увеличения темпов иммиграции; 2. Создания благоприятных условий для приема и обустройства оралманов, их быстрой интеграции в социальную сферу; 3. Поддержки и развития конструктивных взаимоотношений казахской диаспоры за рубежом; 4. Создания условий для добровольной миграции лиц, проживающих в депрессивных районах в другие, более благополучные регионы; 5. Обеспечения поддержки в решении социальных вопросов резмигрантов; 6. Изучения эмиграционного настроения населения [4].

В Программе демографического развития республики Казахстан на 2001-2005 годы (Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 октября 2001 года, №1380) в пункте 3.5 «Регулирование миграционных процессов» указывается, что реализация данного направления предполагает осуществление кроме прочих меры по созданию благоприятных условий для приема и обустройства оралманов, их быстрой интеграции в социальную сферу.

Анализ законодательной базы по мигрантам свидетельствует об эволюции определения понятия «оралман». В «Законе о миграции населения» (1997г.) записано: «репатриация - возвращение на родину военнопленных, перемещенных лиц, беженцев, эмигрантов, оралманов; репатриант (оралман) - лицо коренной национальности, вынужденное покинуть пределы исторической родины и лишенное гражданства в силу актов массовых политических репрессий, незаконной реквизиции, насильственной коллективизации, иных антигуманных действий, добровольно переселяющееся в Республику Казахстан с целью постоянного проживания, а также его потомки». Однако в

уже поздних документах дается более обширная трактовка данных понятий. В Законе Республики Казахстан от 27 марта 2002 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О миграции населения» подчеркивается следующее: «оралманы – иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшие из Казахстана с целью постоянного проживания; репатриация – добровольное или вынужденное возвращение граждан Республики Казахстан на свою родину».

Также согласно Закону Республики Казахстан от 27 марта 2002 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «О миграции населения» статус оралмана прекращается после получения им гражданства Республики Казахстан».

Если в начале 90-х годов акцентировалось внимание на бытовых проблемах, с которыми сталкивались оралманы, то в последние годы наиболее острой стоит проблема интеграции в казахстанское общество. Для того чтобы репатрианты усвоили основные ценности казахстанского общества, адаптировались в нем, необходимо длительное время.

Следует подчеркнуть, что оралманов можно условно поделить на две группы: первая – это те, кто прибыл из республик бывшего Советского Союза и вторая – репатрианты из Ирана, Турции, Монголии, Афганистана, Пакистана и т.д. Что касается первой группы, то они быстро осваиваются на новом месте, так как не имеют существенных различий ни в языке, ни в культуре, ни в менталитете. Меры по постепенному вхождению репатриантов в казахстанское общество должны быть направлены в первую очередь на вторую группу, которые живут компактно и общаются в своем узком кругу.

Присутствует еще одна немаловажная проблема – это равномерное расселение оралманов по регионам и областям Казахстана. Для того, чтобы изменить создавшуюся ситуацию, которая длится более 10 лет, в течении которой большая часть репатриантов расселяется в южных областях, прежним руководством Агентства по миграции и демографии (А. Джаганова) предлагался гибкий механизм заселения северных областей, «который включал бы наделение оралманов некоторыми налоговыми льготами, предоставление облегченного доступа к кредитам, обеспечение занятости членов семьи» [5]. Однако данное предложение не было реализовано.

Значительное влияние на демографическую ситуацию в Южно-

Казахстанской области оказывает миграционный поток репатриантов, для которых данная область является наиболее привлекательной. Притягивающими факторами для них являются: наличие родственных связей, схожесть житейских и природно-климатических условий, а также образа жизни в целом и менталитета. Нередки случаи, когда семьи репатриантов расселяются в северных, центральных областях, а через некоторое время /зачастую после получения жилья/ они переселяются в Южно-Казахстанскую область.

Если рассматривать географию расселения оралманов в Южно-Казахстанской области, то следует отметить, что их большая часть проживает в южных районах области, которые граничат с Узбекистаном. Так, в Сарыагашский район за 1991 по сентябрь 2004 переселилось 35738 человек, в Мактааральский район – 29067 человек. Наименьшее количество оралманов зафиксировано в северных районах области. Так, в Байдибекском районе за указанный период расселилось 66 человек и в Сузакском – 73 человека.

Анализ статистических данных по месту прибывания оралманов показывает, что подавляющее большинство репатриантов – это выходцы из Узбекистана (из 106113 оралманов, прибывших за 13 лет 87324 человека - из Республики Узбекистан). Далее по численности – оралманы из Таджикистана – 9677 человек [6].

Социологическое исследование по изучению проблем репатриантов проводилось в два этапа конце 2003г.- начале 2004 г. совместно с Департаментом по делам молодежи и внутренней политики ЮКО. Основным методом исследования явилось анкетирование. Количество респондентов составило 600 человек /городская и сельская местности/. Выборка комбинированная (квотная /квота по национальности, возрасту (от 16 до 55 лет), полу/, районированная).

Социологическое исследование показало, что в целом население неоднозначно оценивает демографическую обстановку в области (35,8% считают, что она благоприятная, 25,3% - неблагоприятная, 33,3% - затруднились ответить и 5,5% высказали другое мнение). По данному вопросу наблюдаются различия ответов по месту проживания. Условно их можно поделить на 2 группы. Первая группа – неоднозначные ответы респондентов, когда не наблюдается преобладания какого-либо определенного мнения (г.Шымкент, г.Туркестан, Толебийский район). Вторая группа – ответы респондентов, которые считают демографическую обстановку благоприятной (Сумкский район- 73,3%, Отарский -59,6%, и Сарыагашский – 44%).

Отрадно, что большинство респондентов дали правильное определение понятию «оралман». Так, 62,8% ответили, что оралма-

ны - это лица казахской национальности, возвращающиеся на историческую родину. Наибольшее количество точного ответа были даны респондентами из г.Шымкент (76%), Отрарского (70,2%) и Тoleбийского (65,0%) районов.

Что же касается наличия среди родственников и знакомых оралманов, то 73,2 % опрошенных их не имеют, у 20,5 респондентов есть среди родственников и друзей оралманы. Наибольшее количество родственников-оралманов имеют респонденты в Сарыагашском и Отрарском районе.

В последние годы произошло увеличение числа оралманов прибывающих в область. Понятно, что население не могло не заметить данного явления. 79,0% ответили, что за 2002/2003 годы увеличилось количество оралманов. Причем следует отметить, что подобный ответ дали респонденты из различных населенных пунктов (г.Шымкент – 70,5%, г.Туркестан – 84,1%, Тoleбийский район- 75,6%, Сарыагашский район – 87,1%, Отрарский район- 78,7%, Сузакский район – 83,4%). Незначительное количество респондентов посчитало наоборот и затруднилось ответить (4,3% ответили, что уменьшилось, 3,7% - ничего не изменилось и 13,0% затруднились ответить на этот вопрос).

Каждый второй респондент ответил, что большая часть оралманов прибыла из Узбекистана (48,3%). 23,7% - из Ирана, 8,0% - из Монголии, 2,8% - из России и 11,3% затруднились ответить. В разрезе местностей можно отметить, что практически каждый второй респондент в г.Шымкент (41%), Тoleбийском (56,9%), Сарыагашском (59,0%), Отрарском (61,7%), Сузакском (56,7%) районах ответил подобным образом. Исключение составил г.Туркестан, где считают, что большинство оралманов приехало из Ирана (82,6%). Это вызвано тем, что действительно большая часть оралманов в г. Туркестан – это выходцы из Ирана. Так, за 1991-сентябрь 2004 г. в городе обосновалось 1073 человек, которые прибыли организованно и живут компактно (например, район «Достык»).

В целом, население положительно оценивает политику государства по возвращению казахов на историческую родину (60,7%). Каждый четвертый (25,2%) относится к этому нейтрально. И, к сожалению, 10,5% - отрицательно. Отрадно отметить, что большая часть опрошенных в Отрарском (93,6%) и Сузакском (93,4%) районах поддерживают государственную политику по репатриации этнических казахов. Обращает на себя тот факт, что опрошенные в г.Шымкенте не высказали явного предпочтения этой политике (36,7% ответили положительно, 38,6% - нейтрально, 20,5 – отрицательно).

4,2% - другое).

Почти каждый второй опрошенный считает, что СМИ в достаточном объеме освещают проблемы оралманов (22,2% ответили «да», 37,3% - скорее да, чем нет).

Одной из задач социологического исследования было выявление проблем оралманов с точки зрения местного населения. Эти проблемы распределились следующим образом: покупка жилья – 66,2%, трудоустройство на работу – 56,0%, получение казахстанского гражданства – 38,7%, незнание своих прав – 21,0%, образование для детей – 17,7%, незнание русского языка – 16,7%, получение статуса оралмана – 12,2%, адаптация к местным обычаям – 8,3%, адаптация к климатическим условиям – 6,7%, другое – 5,3% и получение медицинских услуг – 4,5%.

Анализируя данные по месту проживания респондента, можно заметить значительные расхождения в ответах. Так, на проблему трудоустройства больше всего указали респонденты из г.Шымкент (60,2%), Сарыагашского (63,2%), и Сузакского (66,7%) районов. В этих же местностях оказалось большее количество тех, кто отметил проблему покупки жилья (г.Шымкент – 60,8%, Сарыагашский район – 67,8% и Сузакский район – 53,3%). Респонденты из Отрарского (83,0%) района считают, что оралманы сталкиваются с проблемой получения казахстанского гражданства. Получение официального статуса оралмана, который дает право на определенные льготы, указал каждый четвертый опрошенный в г.Туркестан (19,0%) и в Отрарском (19,1%) районе.

На вопрос «Какую помощь руководство области должно оказывать оралманам в первую очередь?» наиболее часто встречаемыми ответами были: выдача земельных участков – 24,5% и обеспечение бесплатным жильем – 16,3%.

Из результатов социологического исследования следует, что жители понимают, что наиболее острая проблема у оралманов – это решение жилищного вопроса. Опрос показал, что у респондентов нет ответа на решение данного вопроса. Так, 36,3% респондентов считают, что нужно дать возможность покупать жилье по ипотечно-му кредитованию, 36,0% - выдавать бесплатно землю оралманам и строить дома по методу асара, 32,3% - выдавать ссуду для строительства жилья и 29,5% - ответили, что оралманы должны самостоятельно решать жилищную проблему.

По мнению большинства респондентов оралманам должен оказывать помощь областной акимат (44,8%), областное управление по демографии и миграции (43,0%) и специальный фонд под-

держки оралманов (39,3%). При этом следует отметить, что каждый второй респондент считает, что местные власти оказывают достаточную помощь оралманам (26,3% ответили «да», 28,5% - «скорее да, чем нет»).

Возлагают работу по оказанию помощи оралманам на областную акимат большинство опрошенных в Отрарском районе (89,4%) и половина респондентов в Сарыагашском (50,3%) и Сузакском (53,3%) районах. Каждый третий опрошенный в Отрарском районе (29,8%) указал, что помогать оралманам должно местное население. Половина респондентов в г.Шымкент (53,0%) считают, что их проблемами должен заниматься специально созданный фонд помощи оралманов.

Большинство респондентов отмечают, что расселять оралманов следует равномерно в городской и сельской местности (38,7%).

Согласно ответам, респонденты рекомендуют оралманам расселяться в Северо-Казахстанской области (26,2%), Восточно-Казахстанской (24,8%) и Акмолинской (23,2%). Менее привлекательными, по мнению респондентов, являются Карагандинская (10,0%) и Мангистауская (12,2%) области. Следует отметить, что большинство (32,2%) придерживается мнения, что своим местом проживания оралманы могут выбрать любую область Казахстана. В Южно-Казахстанскую область предложили оралманам поселиться 21,5% опрошенных, среди которых преобладают респонденты из Сузакского района (43,3%).

Что касается того, как представляют оралманов местное население, то в целом у респондентов нет четкого представления о них. Так, считают, что оралманы живут компактно, обособленно, не общаются с местным населением 38,0% (18,0% ответили «да», 20,0% - «скорее да, чем нет»), почти такой же процент респондентов утверждает обратное - 36,6% (15,3% ответили «скорее нет, чем да», 21,3% - «нет»). И 20,5% затруднились дать ответ.

Согласно данным социологического опроса можно констатировать, что каждый второй опрошенный (50,5%) считает, что у оралманов преобладают иждивенческие настроения, и они не предпринимают попыток самостоятельно решать свои проблемы (32,2% ответили «нет» и 18,3% - «скорее нет, чем да» на вопрос «Считаете ли Вы, что большинство оралманов пытается самостоятельно решить свои проблемы и не ждет помощи со стороны государственных органов?»).

Отношение к оралманам среди опрошенных в целом положительное (32,5%). Однако обращает на себя внимание, что каждый

четвертый относится к ним нейтрально (24,2%) и двойка (25,5%).
Большой процент негативно относящихся к оралманам составляют
городские жители (г.Шымкент – 10,8% и г.Туркестан – 17,5%) и 7,8%
тех, кто к оралманам относится нейтрально.

Получается, что каждый третий опрошенный хочет помочь
оралманам (38,8%) и почти столько же тех, кто этого делать не же-
лает (33,0%). Анализ данных в разрезе местностей показал, что
каждый второй городской респондент не намерен оказывать помощь
оралманам (г.Шымкент – 48,2% и г.Туркестан – 47,6%). Социологи-
ческий опрос также показал, что половина респондентов не имеет
возможности оказать им помощь (55,7%). Такую возможность име-
ют 22,0% опрошенных, среди которых наибольшее количество со-
ставляют респонденты из Отрарского района (55,3%) и Сузакского
района (50%).

Касаясь непосредственно вида помощи оралманам, то мож-
но заключить, что преобладают такие: помощь предметами быта –
5,8%, бесплатное обучение русскому языку – 5,7%, продуктами
питания – 5,5% и деньгами – 5,3%. Анализ данных в разрезе мест-
ностей показал дифференциацию в оказании помощи. Получается,
что опрошенные в г.Шымкент (6,0%) и Тoleбийского района (6,5%)
могли бы помочь предметами быта, Отрарского и Сузакского райо-
на (22,3% и 23,3% соответственно) – продуктами питания, Сарыа-
гашского (8,2%) – деньгами.

Также наблюдается дифференциация ответов на вопрос о том,
как следует решить жилищную проблему оралманов. Так, большин-
ство жителей г. Шымкента (35,5%), Отрарского (66,0%) и Сузакско-
го (60,0%) районов выступают за возможность покупать жилье по
ипотечному кредитованию. Респонденты из Тoleбийского (33,3%) и
Сарыагашского (43,3%) районов – за то, чтобы выдавать оралма-
нам бесплатно землю и строить дома по методу асара. А большин-
ство жителей г. Туркестан высказались за то, чтобы оралманы само-
стоятельно решали жилищный вопрос.

Следует отметить, что общество заметило прибытие оралма-
нов и считает, что с их приездом произошли определенные измене-
ния (только 8,8% респондентов отметили, что никаких изменений не
произошло). Вот как распределились изменения с точки зрения рес-
пондентов: повысилась численность казахов – 64,5%, повысились
цены на жилье – 52,0%, повысился уровень рождаемости – 29,8%,
произошло возрождение казахского языка – 16,0%, казахских тра-
диций и обрядов – 16,0%, сократилось количество рабочих мест на
рынке труда – 13,2%. Если анализировать данные в рамках местно-

стей, то можно проследить особенности в ответах респондентов по месту проживания. На то, что произошло увеличение числа казахского населения, больше всего подчеркнули респонденты из Отрарского района (80%). Среди них же оказался большой процент указавших на произошедшее в связи с прибытием оралманов возрождение казахского языка (43,3%) и казахских традиций и обычаев (50%). Самое большое количество респондентов, посчитавших, что именно приезд оралманов явился причиной резкого скачка цен на жилой фонд, оказалось в г.Шымкент (62%) и в Тoleбийском районе (60,9%).

Из всего вышеизложенного следует, что отношение местного населения к оралманам и к их проблемам можно назвать неоднозначным. Существующие расхождения во мнениях относительно оралманов объясняются тем фактом, что процесс репатриации — достаточно новое явление в жизни общества. Можно заключить, что социологическое исследование показало, что в целом население имеет потенциал и желание для решения проблем, связанных с быстрой интеграцией оралманов в казахстанское общество.

Второй этап исследовательского проекта заключался в проведении социологического исследования среди оралманов. Было опрошено 400 человек, проживающих в Мактааральском, Сарыагашском, Сайрамском районах, а также в г.Шымкент и Туркестан. Использовался метод «снежного кома».

Среди оралманов оказалось 54,0% выходцев из Узбекистана, 27,8% - из Ирана, 10,0% - из Таджикистана, 4,0% - из Афганистана, 1,3% - из Турции и остальные — из Монголии, России, Пакистана, Китая и др. 38,5% опрошенных живут в Казахстане более 5 лет, 27,5% - от 3 до 5 лет, 26,3% - от 1 года до 3 лет и 7,8% - менее 1 года.

Среди опрошенных 37,5% имеют среднее образование, 18,8% - среднее специальное, 16,0% - высшее, 14,8% - не имеют никакого образования и 11,3% - неполное среднее. Наибольшее количество оралманов с высшим образованием составляют выходцы из Узбекистана (23%). Что касается репатриантов из Ирана, то большинство из них или вообще не имеют образования (40%) или только среднее (35%). Из Узбекистана и Таджикистана подавляющее большинство со средним образованием (41% и 40% соответственно). Репатрианты из Афганистана указали, что имеют среднее специальное образование (31%) и вообще никогда не учились (31%).

Что же касается сферы их деятельности, то 25,5% - это безработные и 21,8% - работающие в сфере торговли.

Ответили, что работают в сфере транспорта - 8,0%, сельском хозяйстве - 7,3%, в образовании - 6,8%, в строительстве - 6,3%. Можно заключить, что репатрианты из Узбекистана в основном работают в системе образования (они «заполняют» места в системе образования, которые возникли в связи с эмиграцией русскоязычного населения). Репатрианты из Ирана, Пакистана заняты ремесленничеством (в частности, сапожничеством).

Анализ полученных данных показал, что семьи оралманов - это большие по численности семьи. Так, 19,5% ответили, что семья состоит из 7 человек, 18,3% - из 5 человек, 17,3% - 6 человек, 16,5% - 4 человека. Есть семьи, состоящие из 11 человек (1,3%), 12 человек (0,8%), 15 человек (0,3%), 17 человек (0,5%) и 28 человек (0,3%). Большую часть семьи составляют дети. У 25,3% в семье 3 детей, у 13,8% в семье 4 детей, 17,5% - 2 детей и 10,8% - 5 детей. Также был респондент, который ответил, что в семье 14 детей.

86,3% респондентов ответили, что женаты/замужем, 13,0% - в браке никогда не состояли. Что же касается брачного состояния мужчин, то 53,5% опрошенных состоят в браке (из них 51,5% имеют жену, 1,8% - 2 жен и 0,3% - 3 жены) и 46,5% - не состоят в браке.

Одним из важных вопросов является жилищный вопрос. Выяснилось, что 40,3% - репатриантов купили жилье сами, 36,0% - получили от государства, 15,3% - снимают жилье в аренду и 5,8% - проживают в общежитии. На вопрос «Как бы Вы предложили решить жилищную проблему оралманов?». 59,0% опрошенных оралманов ответили, что следует выдавать безвозвратную ссуду для строительства жилья; 54,0% - выдавать бесплатно землю оралманам и строят дома по методу асара; 14,3% - дать возможность покупать жилье по ипотечному кредитованию и 17,0% ответили, что оралманы самостоятельно должны решать жилищный вопрос.

Почти каждый второй респондент (41,5%) ответил, что в стране, откуда они прибыли они жили хуже, чем здесь. 39,3% указали, что они жили также, как здесь.

43,0% респондентов отметили, что традиции, поведение людей в местности, где они сейчас живут (имеется в виду Южно-Казахстанская область) сильно отличаются от традиций, которые были приняты на прежнем месте их проживания, 25,3% - отличаются незначительно и 31,8% ответили, что не отличаются. При этом следует отметить, что 36,0% респондентов отметили, что эти различия им нравятся, 15,5% они безразличны, 7,0% - удивляют и только 5,3% ответили, что раздражаются от несходства в традициях. 31,8% респондентов оставили этот вопрос без ответа. Если рассматривать

данный вопрос в разрезе местностей откуда прибыли репатрианты то среди тех, кто ответил, что традиции и поведение людей сильно отличаются наибольшее количество составили те, кто приехал из Узбекистана (50,4%). А большинство выходцев из Пакистана (100%), Афганистана (43,8%) и Ирана (43,2%) посчитали, что не отличаются. Объяснить это можно тем, что поведение самих репатриантов не одинаково. Можно утверждать, что репатрианты из Узбекистана расселяются и тесно общаются с местным населением в силу различных причин (общая историческая память (советский период), ментальность), в то время как репатрианты из Пакистана, Ирана, Афганистана стараются проживать компактно и общаться с такими же оралманами, как они сами. Этому способствует политика подбора районов для оралманов, где есть не только жилье для репатриантов, но и зачастую объекты социальных услуг. При всем положительном аспекте данного типа построек и расселения оралманов, есть и свои минусы, которые выражаются в том, что это способствует изолированности от местного сообщества и продлению срока адаптации к местным условиям.

Здесь следует также подчеркнуть, что большинство (42,5%) репатриантов из Узбекистана, отметивших различия, подчеркнули, что они /эти различия/ им нравятся.

Если классифицировать проблемы, стоящие перед оралманами, то получается следующая картина: 1. Трудоемкое строительство (66,8%), покупка жилья (54,8%), получение казахстанского гражданства (29,8%), незнание русского языка (25,5%), адаптация к местным обычаям, традициям и культуре (18,8%), адаптация к климатическим условиям (11,5%).

Понятно, что оралманы на исторической родине сталкиваются со множеством проблем, которые им следует решать. В ходе социологического исследования была попытка выяснить к кому обращаются оралманы за помощью. Большая часть (59,8%) ответили, что прежде всего обращаются к представителям власти (Акимат, Управление по демографии и миграции и т.д.), далее (21%) - к родственникам, к местным жителям (7,3%) и 1,8% - ни к кому. Интересно тот факт, что 1,3% - ответили «к Богу», причем все они являются репатриантами, приехавшими из Ирана.

На вопрос «Какую помощь Вы хотели бы получить от государства?» 53,8% опрошенных респондентов ответили - работу, 46,3%-жилье, 25,3%- земельный участок, 17,0%- ссуду для строительства жилья, 17,0%- скот для занятия сельским хозяйством и 6,8%-никакую.

В целом, можно сказать, что особых затруднений в общении с местным населением оралманы не испытывают. 74,8% - ответили, что таких трудностей нет, 15,0% - что есть небольшие затруднения в общении и 4,8% указали на то, что испытывают значительные затруднения в общении. На вопрос «Чувствуете ли Вы себя ущемленными по сравнению с местными жителями?» 72,8% дали отрицательный ответ, 15,0% - затруднились ответить и 12,3% ответили положительно. Наибольший процент тех, кто себя чувствует ущемленным составили представители из Афганистана (18,8%) и Ирана (13,5%).

Следует отметить, что большая часть оралманов ощущает себя прежде всего казахами (37,5% - репатриантов из Афганистана, 40% репатриантов из Ирана, 45% - из Таджикистана, 61,5% - из Узбекистана). Меньше оказалось ответивших, что в первую очередь себя ощущают гражданами Казахстана (18,1% - из Узбекистана, 25% - из Афганистана, 27,5% - из Таджикистана, 33% - из Ирана). Оралманами себя чувствуют 6,5% репатриантов из Узбекистана, по 12,5% - из Таджикистана и Афганистана и 12% - из Ирана. Наибольший процент ответивших, что прежде всего они мусульмане оказалось среди тех, кто прибыл из Афганистана (25%), Ирана (15,1%) и Таджикистана (15%).

Большинство опрошенных репатриантов ответили, что принимают участие в праздновании таких праздников как День Республики, День независимости, День Конституции и т.д. Так, участвуют в мероприятиях по празднованию государственных праздников 87,5% репатриантов из Таджикистана, 81,5% из Узбекистана, 68,4% - из Ирана и 50% - из Афганистана. Самыми активными оказались оралманы, проживающие в городе Шымкент (94%). Возможно, это связано с тем, что в городе лучше поставлена организация праздников и работа по привлечению оралманов в участие в общественных мероприятиях.

Показателем миграционных настроений является то, что большая часть оралманов, прибывшая в Южно-Казахстанскую область не намерена ее покидать (99% респондентов в Сайрамском районе, 96% - в г. Туркестан, 95% - в г. Шымкент, 94% - в Сарыагашском и 71% - в Мактааральском районе).

Это исследование подтвердило, что репатрианты не представляют собой некую единую социальную группу, так как заметно отличаются в зависимости от страны, откуда прибыли, от времени пребывания на родине и т.д. Поэтому при выработке программ по работе с оралманами следует учитывать эти особенности. Также

следует отметить, что если сравнить ответы коренных жителей области и оралманов, то можно заметить различия во мнениях.

В заключении следует подчеркнуть, что подобные социологические исследования нужны, так как дают представления об оралманах и проблемах, с которыми они сталкиваются.

ЛИТЕРАТУРА

1. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Агентство РК по статистике. Алматы, 1998, с.66
2. Казахстанская правда, 18 декабря, 1997.
3. Сборник материалов по народонаселению / Агентство по стратегическому планированию РК, Агентство РК по миграции и демографии, Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА). Астана, 2000, с. 15
4. Казахстанская правда, 8 ноября, 2001.
5. Казахстанская правда, 29 апреля, 2001.
6. Данные Областного Управления по миграции и демографии.

Г.Н. Жанабаева

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНИ – ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Современные демографические процессы на территории Казахстана протекают под влиянием ряда социальных факторов, среди которых особое место занимает - экологический. Это обусловлено обострением экологических проблем на современном этапе развития.

Экологический кризис проявляется на сегодняшний день в глобальном масштабе. Центральнoазиатский регион, на территории которого находится Казахстан, не является исключением. Если проанализировать все параметры выражения экологических проблем (изменение химического состава атмосферы, рост дефицита водных ресурсов и ухудшение их качества, ухудшение состояния почвенных, биологических, земельных ресурсов, распространение опасных промышленных отходов и токсичных химических веществ, ухудшение, в целом, состояния среды, в которой живет и работает население и т.д.), то все они практически проявляются и в Казахстане.

В Восточном регионе Казахстана эти проблемы имеют осо

ное значение. Здесь экологические проблемы явились следствием развития и функционирования военного объекта (Семипалатинский ядерный полигон) и промышленного комплекса (предприятия цветной металлургии и теплоэнергетики). Экономическое развитие Восточного Казахстана осуществлялось за счет наращивания крупномасштабного производственного потенциала без соблюдения мероприятий по экологической безопасности. Вследствие этого здесь сложилась неблагоприятная экологическая обстановка, которая на сегодняшний день усугубляется неустойчивым социально-экономическим развитием. Согласно мониторингу по загрязнению атмосферного воздуха, который проводился в 2000 году, в 19 городах республики наибольший уровень загрязнения по республике наблюдался в г. Усть-Каменогорске, Лениногорске – вследствие выбросов предприятий цветной и черной металлургии. В несколько раз превышает предельно допустимый уровень загрязнения атмосферного воздуха такими компонентами, как диоксид серы и диоксид азота. К наиболее загрязненным водным объектам в республике относятся река Иртыш, река Ульба, характеризующиеся повышенным уровнем меди, цинка и нефтепродуктов. Понятно, что многолетняя деятельность военно-промышленного комплекса в Восточном регионе Казахстана оказывала и продолжает оказывать негативное влияние не только на природные объекты, но и, в первую очередь, на состояние здоровья населения. По показателю уровня общей заболеваемости на 1000 человек г. Усть-Каменогорска за период 2000-2001 гг. наблюдался рост показателей - с 1489,0 до 1512,5. В том числе по онкологическим заболеваниям с 13,0 до 17,4 на 1000 жителей г. Усть-Каменогорска, в том числе взрослого населения – с 16,2 до 21,5; подросткового поколения – с 4,4 до 5,2; детей – с 2,4 до 3,7. Заболевание эндокринной системы в целом возросли с 83,0 до 92,2 на 1000 человек, так же наблюдается рост заболеваний по всем возрастным группам: взрослого населения - с 93,4 до 102,9; подросткового поколения с 136,8 до 155,1; детей - с 28,1 до 29,9. Наблюдался рост болезней системы кровообращения с 154,1 до 163,4 на 1000 человек, в том числе взрослых – с 195,3 до 206,7; подростков с 35,; до 36,1; у детей с 17,; до 19,4. Таким образом, за последние годы в Восточно-Казахстанской области отмечается тенденция ухудшения состояния здоровья населения по всем возрастным категориям, что является прямым следствием неблагоприятной экологической ситуации.

Особую тревогу вызывает у исследователей репродуктивное здоровье женщин, проживающих на территории области. По-пре-

жнему высоким остается процент младенческой смертности, увеличиваются генетические заболевания, вызванные экологическим влиянием. Некоторый всплеск рождаемости вызван не только стабилизацией в социально-экономической сфере и решением экологических проблем, здесь налицо результаты объективных изменений половозрастной структуры (так называемая «демографическая волна»). Кроме этого, в регионе продолжает сохраняться тенденция сокращения средней продолжительности жизни.

В миграционном аспекте экологическая ситуация в области является одной из основных причин выезда населения. Импонирующая нерешенность проблем по улучшению экологической ситуации, обеспокоенность состоянием здоровья своего и будущих поколений побуждает людей покидать регион. Однако следует отметить, что экологические причины являются решающими в первую очередь для внутриобластной и межобластной миграции. Здесь процесс характерен на примере миграционной активности казахов. В целом по Казахстану миграционное сальдо казахов положительное, в Восточном Казахстане - миграционное сальдо продолжает оставаться отрицательным.

Для решения экологических проблем области в 2001 году была утверждена «Программа рационального использования и охраны природных ресурсов ВКО на 2002-2005 гг.». Однако данная программа на сегодняшний день практически не реализована. Экологическая ситуация по-прежнему вызывает тревогу у населения. И если в дальнейшем будет сохраняться данная тенденция, это чревато обострением социальной, демографической ситуации в регионе. Здесь, прежде всего, должна идти речь о комплексной программе (социального, экономического, правового характера), способной реально решить региональные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е.Ю.Садовская. Миграция в Казахстане на рубеже 21 века: основные тенденции и перспективы. Алматы, 2001.
2. Агентство Республики Казахстан по статистике. Экологическая статистика. Алматы, 2000.
3. Экология Восточного Казахстана: проблемы и решения. Справочное информационное издание. Усть-Каменогорск, 2001.
4. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы 5 Международной научно-практической конференции. Усть-Каменогорск, 2003.

Н.А. Завалко

Южно-Казахстанский Государственный Университет им. С.Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.

Социальный запрос на активную творческую личность, умеющую реализовать свой потенциал в условиях рынка, актуализирует проблему исследования ценностных ориентации старшеклассников, определяющих их жизненные стратегии и мировоззренческие ценности.

Динамика социальных факторов обуславливает новый тип социальной ситуации, влияющий непосредственно на педагогические факторы. Зачастую неуспешность воспитательной деятельности во многом объясняется перенесением стереотипов и субъективно-личностного опыта педагога в ситуацию взаимодействия с современными школьниками, уже значительно отличающимися своими интересами и идеалами от сверстников прежней эпохи. Чтобы дать ответ на вопрос – каков он современный старшеклассник, каковы его ценности, мы (совместно с к.п.н. Васильченко Н.Л., к.п.н. Ильминой М.Н.) в мае 1995 года провели многоплановое прикладное социологическое обследование учащихся 9-11 классов. Общая цель исследования заключалась в составлении социального портрета современных старшеклассников по различным аспектам их жизни на основе содержательного анализа данных анкет и сочинений.

Анализ некоторых материалов обследования (отношение к школе и учителям, нравственные ценности, профессиональные намерения) дан в совместной статье (1).

В мае 2004 года нами было проведено повторное обследование с целью выяснения изменений, произошедших в ценностных ориентациях учащихся на базе тех же школ, что и в 1995 году. В данной статье приводится сопоставление данных 2-х обследований и их анализ.

Анкета состояла из 30 вопросов, имеющих от 2-х до 14 вариантов ответов каждой (всего 223 варианта). Полученные данные обрабатывались с помощью компьютерной программы, составленной студенткой факультета теоретической и прикладной математики Е.В. Михайловой. Всего было опрошено 758 учащихся (1995г.) и 762 (2004 г.), из сельских (49,5 %) и городских (50,5 %) школ,

школьников 9-го класса (55% - в 1995 г., 51% - в 2004 г.) и 11-го класса (45% и 49% соответственно), обучающихся в массовой школе и школах нового типа (лицее, гимназии).

В основном блоке вопросов анкеты выяснилось отношение старшеклассников к школе, учителем, политике и религии, их представления о почтении в выборе профессии, жизненные ценности, идеалы и проблемы, их беспокоящие.

В социально-демографическом блоке представлена информация о месте проживания, национальности, роде занятий родителей и поле ребенка с целью изучения проблематики по соответствующим социально-демографическим категориям школьников и для обеспечения репрезентативности выборки.

Сравнение данных двух обследований мы проводим по ряду позиций: отношение к школе и учителям; нравственные ценности; профессиональные намерения.

Если в опросе 1995 года большая часть старшеклассников признавалась в своем позитивном отношении к школе (на вопрос «нравится ли тебе твоя школа» утвердительно ответили 60,3 % и лишь 7,5% высказались негативно, то в опросе 2004 года увеличился как «позитивный», так и «негативный» процент, соответственно – 69,2% и 17,8%. Особенно характерно увеличение негативных ответов для ребят из сельских школ.

Уточнение составляющих отношения к школе проходило при ответе на вопрос о степени характерности для школы следующие позиции: интересно учиться (66%), школа дает глубокие знания (54%), все учителя знают свои предметы (40%), учителя любят школу (40%), в школе созданы условия для учебы (43%), школьники хотят учиться (47%), школа помогает развиваться разносторонне (39,5%), школа готовит к жизни в современных условиях (37%), в школе уважают каждого учащегося (40%). Нужно было выделить выраженности указанных позиций по 4 степеням: характерно в сильной, средней, слабой степени и не характерно. Среднюю степень выраженности отмечает по выше перечисленным показателям от 39,5% до 66% учащихся в 1995 году (именно эти показатели приведены в скобках рядом). Однако в 2004 году отмечено увеличение как позитивных, так и негативных оценок, за счет размывания средних. Если в 1995 году мы отмечали, что школа, в основном ориентируется на среднего ученика, на «золотую середину», то в 2004 году более характерны полярные ответы: «интересно учиться» в сильной степени 24%(2004 г.) против 16%(1995 г.), но и в слабой степени 20% против 10,4% (1995 г.); «школа помогает развиваться разносторонне» и

альной степени – 34% (1995 г. – 26,4%), в слабой степени – 41% (1995 г. – 22,4%). При этом ответы равно представлены как по городским, так и по сельским школам. Это подтверждает уже явно заметившуюся тенденцию обретения школами «своего лица», уникальности и неповторимости, к сожалению, не всегда с позитивным отношением к ученику к его личности в целом.

Дефицит общения, незащищенность ребенка в школе, одиночество имеют тенденцию к увеличению. Среди предложений на вопрос «Чтобы ты хотел изменить в школе» на первое место дети оставили проблему «улучшить отношения учителя и учащихся» (1995 г. – 57,8%, 2004 г. – 61,7%). Старшеклассники хотят, чтобы учителя больше бы уважали их и давали больше самостоятельности (46% - 1995 г., 48% - 2004 г.). На трудности в отношениях с учителями указывает 65,4% учащихся (1995 г.) и 64,1% (2004 г.).

Среди ценностей, значимых в личности учителя на первое место старшеклассники поставили «понимание учеников (69,3% - 1995 г., 67% - 2004 г.) и только потом - «способность вызвать интерес к своему предмету» - 58,8% - 1995 г., 60% - 2004 г. и «умение учить» (50,9% - 1995 г., 48% - 2004 г.).

Анализ данных показывает рост интереса старшеклассников к проблемам политической и экономической жизни. Так, если в 1995 году с друзьями часто обсуждали эти вопросы 10% учащихся, то в 2004 году 24,8%. На вопрос «Из каких источников и как часто ты получаешь политическую информацию?» на первое место по частоте предпочтений вышло телевидение и радио (84,4% в 1995г., 82% в 2004г.), газеты и журналы (44,6% в 1995 г., 42% в 2004 г.), беседы с родителями (40,4% в 1995 г., 41% в 2004г.), учебники истории (34% в 1995 г., правда в 2004 году этот процент упал до 8 и переместился на последнее место), беседы с учителями (28,4% и 29%). К сожалению никто не отметил роль и место других предметов в этом процессе и лишь единицы подчеркнули значение политических минуток, бесед и других форм, пришедших на смену политинформациям в школе. Таким образом, преобладает самостоятельное приобщение старшеклассников к сложным проблемам мира современной политики и экономики и они, безусловно, нуждаются в компетентных, эрудированных собеседниках среди учителей, родителей и других взрослых. В подавляющем большинстве школьники являются интернационалистами. На вопрос «имеет ли для тебя значение: национальность человека при выборе друзей» - «нет» ответило 84,6% старшеклассников в 1995 году и 82% в 2004 году.

Практически мало изменилось отношение к религиозным куль-

там. На вопрос «Как бы ты отнесся к посещениям твоим другом культовых учреждений?» были получены следующие ответы:

- это дело моего друга, меня это не касается (58,4% и 56,2%);
- может быть он прав (26,7% и 28,9%);
- нужно его убедить, что он напрасно этим занимается (5,5% и 4,2%);
- не вижу ничего плохого, т.к. тоже этим занимаюсь (11,5% и 12,8%).

Как показывают данные, преобладает терпимое отношение к выбору другом посещения культового учреждения, уважение свободы этого выбора и невысокий процент верующих среди школьников.

Наблюдается снижение числа школьников, сожалеющих о распаде СССР, если в 1995 г. об этом сожалело 46,3%, не сожалело 16%, остальные затруднились ответить, то в 2004 г. сожалело лишь 20,1% и не сожалело 32,8%. Этот вопрос уточнялся рядом высказываний:

- СССР был мощной державой, которую все боялись (36,0% в 1995 г., 39,1% в 2004 г.);
- это государство защищало интересы простых людей (33,0% и 32,1%);
- это была колониальная держава (3,7% и 4,5%);
- это государство нельзя было назвать социалистическим (12,8% и 11%).

Поэтому на вопрос «Какое государство ты считаешь своей родиной?», старшеклассники ответили:

- Казахстан (65% в 1995 г. и 87% в 2004г.), как видим наблюдается значительный рост выборов, что может в известной мере служить основанием для вывода о росте патриотических настроений и ценностей);
- СНГ (2,8% и 0,2%);
- Россию (8,9% и 7,2%);
- СССР (25,6% и 15,6%).

При этом планируют выехать на постоянное место жительства за пределы Казахстана по данным опросов 30,7% из 1995 г. и 32,4% в 2004г., решительно «нет» ответили 24,9% и 21,4% соответственно, остальные пока не думали над этим вопросом.

Традиционно выбор формы профессионального образования реально стоит перед девятиклассниками. Информация о 5 их жизненных планах особенно важна, потому что именно после 9-го класса происходит первоначальное и наиболее массовое распределение молодежи между различными типами средних учебных заведений.

Исследование показало, что в ПТУ намерены, были поступить (10,8% в 1995 г. и 11,2% в 2004 г.) опрошенных девятиклассников, 20,1% и 24,8% соответственно в ССУЗы, 23% и 5,8% решили идти работать.

Распределение жизненных планов учащихся 11-х классов выглядит следующим образом: учиться в ПТУ – 5,5% и 3,4%, в ССУЗе – 12,7% и 10,1%, вузе – 21,4% и 62%, работать – 4,3% и 8%, работать и учиться – 9,0% и 11%, эти цифры подтверждают известную истину – в 10-ые и 11-ые классы идут школьники, ориентированные на получение высшего образования и на производство и не торопятся даже в условиях резкого снижения жизненного уровня большей части населения.

Следует отметить и такой факт, что 34,3% в 1995 г. и 59,2% в 2004 г. учащихся девятого и 17,1% в 1995 г. и 11% в 2004 г. одиннадцатого классов не приняли решения относительно дальнейшего жизненного пути, хотя опрос проводился в мае и времени на выбор оставалось очень мало.

В каких же экономических сферах хотели бы работать выпускники обследованных школ? Результаты двух опросов практически идентичны. В сфере бизнеса 31,5% в 1995 г. и 32% в 2004 г. – администрации и управления, депопроизводства – 16,6% в 1995 г. и 16,1% в 2004 г., культуры и просвещения, здравоохранения – 15,6% и 14%, услуги, сервис – 10,6% и 12,2%, промышленности – 8,5% и 7%, транспорте и связи – 6% и 11,2%, науки – 6% и 5,5%, сельском хозяйстве – 3,2% и 5%, строительства – 1,3% и 1,1%, как видим, рыночные настроения проникли в школу основательно. Ориентацию на сферу администрации можно рассматривать как отражение завышенного уровня притязаний. Весомость доли ориентированных на сферу культуры, просвещения и здравоохранения можно связать с современной тенденцией гуманитаризации жизненных планов молодежи, которая носит всеобщий характер. Благоприятна и значительность доли желающих работать в сфере обслуживания. Закономерно снижение престижности профессии сельского хозяйства. Хотят работать в аграрном производстве лишь 8% (10%) выпускников сельских школ. Некоторое увеличение доли желающих работать в строительстве связано с возрождением этой отрасли, переходом ее на новые технологии.

Школьники отдают предпочтение структурам рыночного типа: хотели бы работать на совместном с иностранными инвесторами предприятиях – 65,4% (71%), в частном предприятии – 39,0% (42%). Работа в государственном секторе становится для школьников все

менее привлекательной, менее четверти опрошенных выбрали соответствующий вариант.

Заметны различия профессиональных намерений по полу по этому признаку. Среди юношей в два раза больше желающих пойти учиться в ПТУ, работать после окончания школы или сочетать работу с учебой, чем среди девушек. Юноши же предпочитают сферы бизнеса, промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, деятельность в сфере науки. Наоборот среди девушек заметно большая доля желающих учиться в ССУЗах, вузах, работать в сфере обслуживания, культуры, просвещения и здравоохранения, административного управления и делопроизводства.

Вряд ли следует думать, что такую дифференциацию определяет сам по себе пол. Разумеется, что большое значение имеют исторически сложившиеся традиции, биологические различия и главное, социальная ситуация.

Две трети опрошенных старшеклассников имеют карманные деньги, однако значительную долю среди них занимают деньги, которые дают родители (74,4% и 71%), среди других источников были названы: перепродажа (2,2% и 1,8%), работа в коммерческой фирме (2,2% и 6%), работа в государственном учреждении (0,9% и 0,5%), другие источники (5,2% и 6%). Большинство среди тех, кто выбрал ответ «денег чаще всего не бывает» составляют сельские школьники.

За последние девять лет молодое поколение стало более прагматичным. На вопрос анкеты, «что в кругу твоих друзей ценится превыше всего» в 1995 году 60,8% школьников на первое место поставили «честность, порядочность, принципиальность», на второе 56,2% «общительность», на третье «доброту и гуманность» (34,4%). В обследовании 2004 года на первое место вышли «сила воли, решительность» (56,2%), независимость (48%), общительность (47,7%), доброта и гуманность (32,1%).

В понимании старшеклассников возросло принятие людей по внешним признакам, умению одеваться (32% против 29,8% в 1995 г.). К сожалению, как и в прежнем обследовании значимость интеллекта, эрудиции, образованности значительно уступает выше указанному (28,6% в 1995 году, 27,1% в 2004 году). «Интересная профессия» занимает в шкале выборов последнее десятое место (14,6% и 14,5%). В списке ценностей растут новые приоритеты, такие как «наличие денег и умение их делать» (14,8% в 1995 г., 18,9% в 2004 г.), сексуальность (8,7% и 12,8%), карьеризм (3,8% и 11,2%).

Все эти данные только подтверждает, что наши старшекласс-

— дети своего времени. Новые реалии, новые требования к личности активизируют перестройку системы ценностных ориента-

Нравственные ориентиры школьников четко просматриваются в анализе ответов на вопрос «Каким правилам ты стараешься следовать в своей жизни?» На первое место школьники и в 1995 и в 2004 году поставили правило «Не имей сто рублей а имей сто друзей» (69% и 67% соответственно). Значительное предпочтение дали правилу «Сам погибай, а товарища выручай» (41,3% и 45,7%). «Дружба» как нравственная ценность старших школьников поднялась на первое место (77% и 79%) при ответе на вопрос «Чего тебе в жизни хотелось больше всего?» Здесь, на наш взгляд, является прежде всего возрастная особенность старших школьников — стремление к чистой и романтической дружбе, усиленное осознанием предстоящей необходимости разлуки после окончания школы.

Значительно повысился рейтинг правила «Быть самим собой» (41,3% в 1995 г. до 72% в 2004 г.), что подтверждает растущее стремление школьников к самоутверждению и самовыражению, желание жить свой стиль поведения в любых ситуациях. С 41,3% до 45,7% возросло значение правила «Уважай мнение другого, даже если ты с ним не согласен». Здесь не могут не проявиться демократические тенденции в жизни школы. На 6,8% возросло значение правила «Мне — я тебе». И существенно уменьшилось число сторонников правила «Правда сильнее всего» (на 12%), эта тенденция замечена особенно у учащихся 11 класса.

Исследование показало что упал авторитет взрослых в глазах детей: «старшие всегда правы» (20,6% и 9,8%), возросло прощание индивидуализма «моя хата с краю» (0,1% и 12,8%).

На вопрос «Чего бы тебе хотелось в жизни больше всего?» выбор старшеклассников практически не изменился:

- много хороших друзей (77,7% и 75,8%);
- большую дружную семью (65,4% и 59,8%);
- хорошо оплачиваемую работу (39% и 42%);
- быть материально независимым в своей стране (32,3% и 30,9%).

Что мешает быть школьникам счастливыми? Ответы по значимости также очень мало изменилась. Прежде всего называются «проблемы в личной жизни» (48,4% и 50,1%), это и закономерно, юношеский возраст — пора поиска друзей и любимых, корректировки отношений с близкими. Поэтому «здоровье и счастье близких»

стоит на втором месте (28% и 34,6%). На третье место старшие классники поставили проблему «ограниченности возможности в своей профессии» (21,8% и 29,6%). Затем по степени убывания идут проблемы заработка, конфликты в школе, неприятности в учебном процессе, отношения с родителями, социальные и общественно-политические проблемы, одиночество, невозможность развивать свои способности.

Старшеклассники считают необходимым создание в школах детских и юношеских общественных организаций. В 1995 году об этом высказалось 47,5%, в 2004 году – 56,8%.

Результаты обследования позволяют сделать выводы о необходимости учета в образовательном процессе школы тех изменений, которые происходят в ценностных ориентациях молодого поколения, поворота к личностно-ориентированному образованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильченко Н.Л., Завалко Н.А., Кузьмина М.Н. Исследование ценностных ориентаций современных старшеклассников // Материалы VI научно-методической конференции, Усть-Каменогорск, 1997 г. с.107-111.

Д.А. Завалко

СШ №29, г. Усть-Каменогорск

ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В ВКО В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕОБЩИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ)

Казахстан является многонациональным государством, поэтому представляется актуальным изучение места и роли каждого народа, в т.ч. и татар, в истории становления республики.

Разработка темы ведется второй год. На первом этапе ставилась цель воссоздать объективную картину положения татарского населения в Восточном Казахстане в 19 веке. В качестве основного источника была взята Первая Всеобщая Перепись населения Российской Империи 1897 года, тетрадь 16, Семипалатинская область [1], как наиболее достоверный источник. Программа по ее проведению была разработана в Российской Империи в 1895 г., накопленный до этого времени опыт проведения местных переписей

...мог избежать многих ошибок. Перепись содержит обширный материал и включает в себя следующие виды таблиц: «Наличное и постоянное население», «Распределение населения по хозяйствам и составу таковых», «Численность населения по 10-летней возрастным группам», «Распределение населения по полу, возрасту и грамотности», «Дети моложе 1 года по месяцам возрастов», «Семейное состояние», «По сословным группам и месту рождения», «Местные уроженцы по месту рождения», «Распределение по исповедованиям», «Распределение по родному языку», «Финансовые недостатки», «Распределение по занятиям». На основе анализа ее данных были сделаны некоторые выводы об уровне жизни татар в этот период, их социальном положении, занятиях, грамотности. В конце 19 века татары в Семипалатинской области занимали третье место по численности после русских и казахов, их численность к тому моменту достигла 9940 человек; 7983 человека, составляло 80%, проживали в городах. В общем же по области доля городского населения составляла 8,7%. Среди татар, проживавших в городах, было больше женщин на фоне того, что в общем по области их численность меньше (4869 чел, мужчин – 5071 чел). В Семипалатинске проживало 5678 (57%) татар. Необходимо отметить довольно высокий уровень грамотности татар – 31,5%, в то время как доля грамотных по области составляла 6%, среди казахов – 6,5%, русских – 27,5%. Среди проживающих в городах татар грамотных было 33% (областной уровень – 27%), среди проживающих в сельской местности – 24,6% (областной уровень – 4,6%). Данную дифференциацию можно определить как незначительную для того времени. Наиболее высокий уровень грамотности наблюдается в возрастной группе 10-19 лет. Большинство татар (61%, 1042чел) относилось к сословию мещан, 20% (1945 чел) – к крестьянам. Основными занятиями являлись торговля (31%) и земледелие (26%).

Начало XX века в Казахстане было наполнено различными историческими событиями: восстание 1916 года, революция в России 1917 года, гражданская война, голод и т.д. Поэтому целью следующего этапа моей работы стало проследить изменения в положении татар в сложившейся обстановке. Для этого было решено сравнить данные по татарскому населению в переписях 1897 и 1926 [2] гг. Работа с переписями сразу поставила ряд проблем. Во-первых, несоответствие территории Семипалатинской области и Семипалатинской губернии. К последней были добавлены новые территории, в частности, Бухтарминский район. Изменился состав Пав-

подарского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского уездов [4]. В-вторых, ликвидация сословного деления после революции позволила возможности сравнить социальную структуру татарского населения В-третьих, в переписи 1926г. нет данных по занятиям, семейному состоянию, возрастному составу татар (они даются только в общероссийском по области и для преобладающих по численности народов - казахов, русских и украинцев). В-четвертых, довольно сложно сравнить процент городского населения по двум переписям, т.к. в 1897 г. к городским поселениям относились областные и уездные города, а в 1924 году это определение изменилось, теперь статус города имели населенные пункты с численностью взрослого населения не менее 1000 человек при условии, что сельское хозяйство является основным не более, чем для 25% населения. В Семипалатинской губернии таким образом к городам, указанным в переписи 1897 г. добавилось 4 ПГТ. Все это затрудняет сопоставление данных. Однако его все же можно провести по следующим позициям: численность, половой состав, доля городского и сельского населения, грамотность.

Таблица 1
Социально-демографическая характеристика татар Восточного Казахстана по данным переписей 1897 и 1926

	Семипалатинская область, 1897г.			Семипалатинская губерния, 1926 г.		
	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
общая численность населения	684590	364988	319602	1307186	675442	631744
численность татар	9940	5071	4869	18765	9379	9386
в % от численности населения	1,45			1,44		
численность городского населения (татары)	7983	3970	4013	12746	6204	6542
доля в численности татар	80,3	78,3	82,4	67,9	66,1	70,2
доля гор. населения по области	8,7			9,2		
численность сельского населения (татары)	1957	1101	856	6019	3225	2794
доля в численности татар	19,7	21,7	17,6	32,1	34,4	29,8
доля сельск. населения по области	91,3			90,8		

Продолжение таблицы 1

	Семипалатинская область, 1897г.			Семипалатинская губерния, 1926 г.		
	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
число татар в Семипалатинске	5678	2802	2876	8214	3987	4277
% от татар. живущих в городах	71,1	70,6	71,7	64,4	64,3	64,9
грамотность						
в целом среди татар	3135	2042	1093	8177	4839	3338
% от общ. числа татар	31,5	40,3	22,4	43,6	51,6	35,6
общеобластной уровень	5,9	9,2	2,4	20,3	28,9	11,0
грамотность казахов	6,5			8,8		
грамотность русских	27,5			33,7		
грамотность среди гор. населения (татары)	2654	1712	942	5985	3399	2586
% от числа грамотных татар	84,7	83,8	86,2	73,2	70,2	77,5
% от числа гор. татар	33,2	43,1	23,5	47,0	54,8	39,2
общеобластной уровень	27,1	35,4	17,2	49,1	57,1	40,9
грамотность среди сельск. населения (татары)	481	330	151	2192	1440	752
% от числа грамотных татар	15,3	16,2	13,8	26,8	29,8	22,5
% от числа сельск. татар	24,6	30,0	17,6	36,4	44,7	26,9
общеобластной уровень	4,6	6,9	0,8	17,4	26,1	8,0

По данным переписи 1926 года татары занимали четвертое место по численности после казахов, русских и украинцев, их количество составило 18765 человек, т.е. увеличилось почти вдвое. Это произошло за счет естественного прироста, новоприсоединенных территорий, население которых составило примерно 8-10% всей численности татар. Миграционный приток не оказал значительного влияния [4]. Таким образом, их доля среди населения губернии осталась практически неизменной - 1,44%. Однако достаточно справедливым будет утверждать, что абсолютная численность татар в пределах территории Семипалатинской области 1897 года уменьшилась, поскольку упадок в экономике, неурожай, голод не могли не оказать влияния [4]. Наблюдается уменьшение доли городского населения - с 80 до 68%. Этому есть несколько объяснений. Татары Бухтарминского уезд-

да представляли в большинстве своем сельское население, по этому, войдя в состав Семипалатинской губернии, они дали увеличение численности сельского населения на 7%. Также можно предположить, что разруха, наступившая после революции и Гражданской войны, голод 1921 года заставили татар, традиционно городское население, мигрировать в сельскую местность, поскольку занятие большинства из них – торговля – уже не могло достаточно их обеспечивать. Наблюдается уменьшение доли татар, проживавших в г. Семипалатинске. Если в 1897 г. она составляла 71% от татар, проживавших в городах, то в 1926 г. – 64%.

В 1926 году татары оставались одним из самых образованных народов, превышая уровень грамотности по губернии на 20%. Доля грамотных увеличилась с 32 до 44 %, т.е. на 12% на фоне общеобластного роста грамотности на 14,5%. Сохранилась значительная дифференциация уровня грамотности среди мужчин и женщин, что характерно для мусульманского общества. Увеличение доли грамотных в сельской местности связано с внутренними миграциями татар. Из татар, проживающих в городах, грамотные составили 47%, из татар, проживающих в сельской местности – 36%, таким образом разность между уровнем грамотности в селе и в городе составляет 11% (в 1897 г. она составляла 8,6%), в общем же по губернии этот показатель достигает 32% (в 1897 г. – 22,4%). Следовательно, распределение грамотного населения у татар более равномерное, чем у остального населения губернии. Необходимо отметить, что в таблице переписи 1987 года образовательный уровень определяется в трех категориях: грамотные на русском языке (составляли 4,7% от численности татар), грамотные на других языках (27%), имеющие образование выше начального (0,03%). В переписи 1920 года можно увидеть более полную картину. 113 татар по губернии (0,6%) были грамотными на трех языках - казахском, татарском и русском, 0,5% – на татарском и казахском, 12%- на татарском и русском, 24% - только на татарском, 1% - на казахском и русском, 3% - на казахском и 3% - на русском.

На данном этапе работы мы можем сделать следующие выводы. Переписи населения 1897 и 1926 годов относительно татар дают данные, сопоставимые по выделенным нами критериям, однако необходимо учитывать территориальные изменения, а так же изменения некоторых определений (город-село). По некоторым категориям сопоставление дает только приближен-

льные результаты, их необходимо уточнять с помощью других источников. За 30 лет численность татарского населения снизилась, сказались потери во время голода, неблагоприятной экономической ситуации, но для того, чтобы более точно оценить это снижение, необходимо произвести сравнение численности татар на сопоставимых территориях. Произошел отток татар из города в село. Образовательный уровень повысился, значительно опередив аналогичный по губернии.

ЛИТЕРАТУРА

- Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т.16, Семипалатинская область.
Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.VIII. М., 1928.
Алексеев Н.В., Алексеев А.Н., Население Казахстана за 100 лет (1897-1997гг.). Усть-Каменогорск, 1999.
История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001.

С.К. Игибаев

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им.С Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск

СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX В.

Акмолинская область была образована 1 января 1869 года, на основе указа от 21 октября 1868 года, в составе 5 уездов: Омского, Петропавловского, Кокчетавского, Акмолинского и Сары-суйского. Последний, решением Комитета Министров от 13 сентября 1878 года был переименован в Атбасарский уезд. Область занимала территорию площадью 497860 кв. вёрст.

Наличное население Акмолинской области составляло, по данным переписи 1897 года, 682608 человек, из них 354962 человека мужчин (52,0% от всего населения и 327646 женщин (48,0%). Заметим, что население Акмолинской области в конце XIX в. рассматривалось в различных научных трудах, однако глубокому анализу и изучению не был подвергнут сословный состав населения региона.

Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года выделяют 9 сословных групп по родному языку: дворяне потомственные и их семьи, дворяне личные, чиновники не из дворян, лица духовного звания всех христианских исповеданий и их семьи, потомственные и личные почетные

граждане и их семьи, купцы, мещане, крестьяне, войсковые казаки и инородцы. Нижеследующая таблица, составленная и подсчитанная автором на основе материалов всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года по Акмолинской области, содержит сведения о сословной принадлежности населения по языку:

Дворяне, лица духовного звания всех христианских исповеданий, потомственные и личные почетные граждане, купцы, мещане, крестьяне, войсковые казаки и иностранные подданные не входили в состав так называемых «сословий инородцев». «Инородцы», численностью 427892 человека (224936 мужчин и 202956 женщин), составляли 62,68% населения области. В таблице Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. при распределении инородцев по уездам и городам Акмолинской области на основе родного языка не были учтены 668 человек, из них 554 жителя городов и 114 жителя сельской местности. 666 не учтенных инородцев принадлежали к турецко-татарской языковой группе, два человека женского пола к языку кавказских горцев[2]. Казахское население, численностью 426219 человек, составляло 99,60% «инородцев» или 99,73% казахского этноса входило в состав «инородцев». 1170 казахов входили в состав других сословий: дворян – 551 человек, крестьян – 390 человек, мещан – 116 человек, войсковых казаков – 91 человек и т.д. В составе инородцев было 451 татар, 14 человек, говорящих на языке кавказских горцев и др. Кроме нерусских народностей, в составе инородцев, по данным переписи 1897 года, было 525 русских (423 мужчины и 93 женщины), 10 украинцев (8 мужчин, 7 женщин).

В сословном делении довольно многочисленную группу населения составляли крестьяне, численностью 137389 человек или 20,14% от общего числа населения. Русские составили 55,46%, украинцы – 33,66%, немцы – 3,30%, татары – 2,78%, мордва – 2,74% от общей численности крестьян. В составе крестьян было 529 литовцев и латышей, 433 поляка, 39 казахов.

Сословие казаков, численностью 74707 человек, составляло 10,94% от общей численности населения. Казачье сословие формировалось, в основном, из русских (84,41%). 51,03 (4361 человек) мордовцев были в составе «войсковых казаков» и они составляли 5,84% от численности казаков. Украинцы, численностью 4020 человек, составляли 5,38% казаков. В составе казаков было 922 татар, 91 казах, 10 белорусов.

№ п/п	Сословный состав населения области	Всего	из них		казаки	русские	украинцы	татары	мордвы	немцы	евреи	поляки
			м.	ж.								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Дворяне потомственные и их семьи	2934	1406	1528	515	2015	18	101	-	26	-	236
2	Дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи	4057	1908	2149	29	3820	25	34	-	50	6	82
3	Лица духовного звания всех христианских исповеданий и их семьи	832	422	410	-	819	2	-	-	3	-	-
4	Потомственные и личные почетные граждане и их семьи	502	246	256	5	460	8	-	-	14	8	6
5	Купцы и их семьи	1107	515	592	9	674	1	335	-	2	102	17
6	Мещане	32075	15907	16168	116	23660	756	5093	413	134	1276	355
7	Крестьяне	137389	73005	64384	390	76204	46241	3814	3768	4542	199	433
8	Войсковые казаки	74707	36088	38619	91	65299	4020	922	4361	-	-	-
9	Иногородцы	427892	224936	202956	426219	525	15	451	-	-	-	-
10	Лица, не принадлежащие к этим сословиям	692	300	392	-	630	14	8	4	2	18	10
11	Лица, не указавшие сословия	259	141	118	15	225	3	2	-	1	4	2
12	Иностранные подданные	162	88	74	-	15	-	59	-	17	-	1
	Итого	682608	354962	327646	427389	174346	51103	10819	8546	4791	1613	1142

Пестрым этническим составом отличались мещане – 15,88% (5093 человека), что составляло 4,20% численности населения. Русские составляли 73,76% (23669 человек) мещан, татары – 15,88% (5093 человека). 47,07% татар принадлежали к сословию мещан. В составе мещан было 1276 евреев (79,11% от численности данного этноса), что составляло 3,90% численности мещан. Украинцы, численностью 756 человек, формировали 2,36% мещанского сословия. В число мещан входили 4 мордвина, 355 поляков, 134 немца, 116 казахов, 68 литовцев и 11 латышей, 44 представителя остальных индо-европейских народов, 1 представитель других славянских языков, 17 белорусов, 6 карел и 11 горцев и т.д.

Дворянское сословие составляло 1,02% населения области – 6991 человек, включая членов их семей, из них потомственных дворян было 2934 человека, личных дворян и их членов семей – 4057 человек, что составляло 88,46% (5835 человек) людей, имевших дворянское звание, белорусские и из них 2015 человек были потомственные дворяне и их семьи. Казахи составляли 7,78% (544 человек) дворян, из них 511 человек принадлежали к сословию дворян потомственных. Польские составляли 4,55% (318 человек, из них 236 человек были дворяне потомственные) дворян, татары – 1,93% (135 человек, из них потомственные дворяне – 101 человек), немцы – 1,08% (76 человек, из них дворяне потомственные – 26 человек) дворянского сословия. К дворянскому сословию принадлежали 43 украинца, 14 литовцев, 11 латышей, 9 белорусов, 6 евреев.

Купцы и их семьи, численностью 1107 человек составляли 0,16% населения. Русские составляли 60,88% купцов, татары – 30,26%, евреи – 9,21% купцов. В купеческом сословии были 1 поляков, 9 казахов, 2 немца и 1 украинец.

Духовный сан христианских исповеданий имели 832 человека. Русские составляли 98,43% от общей численности лиц, имеющих духовного звания. Духовный сан христианских исповеданий имели также 3 немца, 2 украинца.

Потомственные и личные почетные граждане составляли 0,07% населения. Звание почетных граждан имели в основном русские (460 человек), а также 14 немцев, 8 украинцев, 8 евреев, 1 поляков, 5 казахов и один литовец. Почетные граждане, в подавляющем большинстве, проживали в городах (429 человек, из них 210 мужчин, 219 женщин). В сельской местности проживали 73 человека (36 мужчин, 37 женщин), имеющих звание почетных граждан. 259 человек не указали свои сословные принадлежности, из них

15 русских, 15 казахов, 4 еврея, 3 украинца, 2 татарина, 2 поляка и 1 немец.

Таким образом, материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года содержат весьма интересные сведения о сословной структуре населения Акмолинской области в конце XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Количество русского населения по сословному составу оказалось больше на 54 человека по сравнению с данными по языку. Эта разница выявлена нами на основе анализа данных XIII-ой таблицы (с. 50) и XXIV таблицы (с. 122-123) Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г. Акмолинская область. СПб., 1904, с. 50, 122-123.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического Комитета министерства внутренних дел, под редакцию Н.А. Тройницкого. Акмолинская область. СПб., 1904, С. 123. Наш подсчет.

А.К. Игибаева

Восточно-Казахстанский Государственный Университет им. С.Аманжолова, г. Усть-Каменогорск

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАЗАХСТАНА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

С точки зрения концепции человеческого развития, образование – сложный и длительный процесс.

На протяжении многих лет разными государствами устанавливалась собственная образовательная иерархия, в основе которой лежали различные возрастные критерии, показатели интеллектуальной зрелости, и т.д. Однако по мере интеграционных процессов в мировой образовательной системе возникла необходимость в разработке международной классификации уровней образования, объективной оценки образовательного капитала, накопленного каждым человеком, независимо от его местонахождения.

Решением данной проблемы стало более широкое рассмотрение образования в контексте концепции человеческого развития как основного фактора обеспечения прав и возможностей личности.

Теория человеческого капитала сыграла важную роль в мировом образовательном прогрессе. Её практическая ценность была признана правительствами ведущих стран. Середина XX века стала

временем небывалого роста инвестиций в образование, расширения массовости и доступности образовательных услуг. Сегодня наука и образование становятся факторами экономического роста и научно-технического прогресса и возводятся в ранг высшего приоритета для государства, общества и личности.

Сложные условия переходного периода, неоднозначные социальные последствия экономического реформирования, выраженные в сокращении дошкольных образовательных учреждений, отсутствии должного финансирования системы среднего образования, заброшенность профессионально-технического образования – все это имело и имеет негативные тенденции в развитии образовательной системы Казахстана. Историческим достоянием советской образовательной системы была поголовная грамотность населения, всеобщность среднего и высокий уровень доступности высшего образования, бесплатность на всех ступенях, научный характер и фундаментальность образовательных программ. Образование и наука были предметом особой заботы советского государства. Несмотря на противоречивость в оценке реальной мотивации такого подхода к образовательной системе, положительные результаты были налицо.

Несмотря на многие сложности социально-экономического характера, к началу 90-х годов, образовательный потенциал Казахстана был достаточно высок. Однако годы реформ характеризуются негативными тенденциями развития сферы образования и науки, что подтверждаются как данными официальной статистики, так и исследованиями экспертов различных международных организаций. Принимаемые государственные документы в области образования носили декларативный характер, что отрицательно сказывалось на всей образовательной системе.

В качестве примера можно привести данные по образовательной структуре Восточно-Казахстанской области за период с 1991 по 2000 г.г. Если в 1991 г. число дошкольных образовательных учреждений достигало 911, а численность детей составляла 102787 человек, то в 2000 году в области функционировало всего 74 дошкольных учреждений, а число детей составило 9654. Таким образом, количество дошкольных учреждений сократилось в 12,3 раза, численность детей в 10,6 раз. Массового закрытия общеобразовательных школ не было. Однако сокращения по республике более чем в три раза числа интернатных учреждений, малокомплектных школ, на фоне роста безработицы и бедности, особенности в сельской местности оказало значительное влияние на непосещения школ детьми школьного

ного возраста. В 1995-1997гг. была произведена так называемая «оптимизация» образовательных учреждений, в ходе которой в республике было закрыто более 300 малокомплектных школ.

По имеющимся статистическим данным, количество общеобразовательных школ в области с 875 в 1991 сократилось до 860 в 2000 году, учащихся – с 318,3 тыс. до 303,1 тыс. Экономический спад оказал существенное влияние и на профессионально-техническое образование. Количество профтехшкол по республике в 1997 по сравнению с 1991 годом сократилось почти на 40%, а контингент обучающихся в них – более чем на 40%.

Ограничение возможностей бюджетного финансирования быстро привело к сокращению плана принятия в государственные вузы. С 1991 по 1997гг. контингент студентов государственных вузов Казахстана упал с 288371 до 246390 человек. При этом в 1997г. более четверти студентов обучались на договорной основе. Сокращение приема обучающихся на бюджетной основе было компенсировано ростом приема на платное обучение и открытием частных учебных заведений. Следует заметить, что высшая школа перенесла социально-экономическую ломку с меньшими потерями, чем другие звенья образовательной системы и проявили более высокую адаптивность к рынку.

Так, если в 1991 году в Восточно-Казахстанской области было 6 учебных заведений с контингентом студентов в 24357 человек, то в 2000 году их число достигло 11 с численностью студентов в 35943 чел. Таким образом, основополагающей задачей образовательных реформ 90-х годов XX века в Казахстане явилась необходимость выживания и развития в новых условиях.

Одним из главных стоимостных показателей состояние человеческого капитала в образовательной сфере является доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте. Государственные расходы на образование и профессиональную подготовку в странах СНГ в 2000 г. в среднем составляли около 4%. В Казахстане с 1990 по 1998 г.г. доля расходов на образование от ВВП уменьшилась с 5,7 до 3,7%, а от государственного бюджета – с 24,5 до 11,2%. Отметим, что в настоящее время наиболее развитые страны тратят свыше 10% ВВП на нужды образования, а страны со средним уровнем развития – от 4 до 7%.

Эти показатели являются порогом эффективности, который позволяет обеспечивать экономический рост на инновационной основе.

Таким образом, в первое десятилетие независимости казахстанская образовательная система понесла существенные матери-

альные и моральные потери, связанные с переходом к рынку. Они были связаны с неэффективностью государственного регулирования и слабостью национальной саморегуляции рынка образовательных услуг. Негативные тенденции в образовании были связаны не только с изменившейся социально-экономической средой, но и с «реформистскими» действиями органов управления образованием.

В последние годы XX столетия началась более последовательная и системная модернизация образовательной системы республики на основе мирового опыта и с учетом национальных традиций и ценностей.

В то же время в сложившихся социально-экономических условиях принцип всеобщности и общедоступности, как среднего, так и высшего образования остается под серьезной угрозой. Решение данного вопроса требует поддержки со стороны государства, НПО и бизнес-структур.

Международно-признанной программой обеспечения роли образования в человеческом развитии является стратегия «Образование для всех» /ОВД/. Казахстан стремится последовательно реализовать принцип человеческого развития в государственной образовательной политике, в построении национальной модели образования, уделяя серьезные внимания перестройке ее внутренней структуры.

Таким образом, признание роли образования в человеческом развитии базируется на теории человеческого капитала, сформировавшейся в целостном виде в 60-е годы XX века. Это способствовало увеличению инвестиций в образование, что повлияло на усиление массовости образования, увеличению его масштабов и доступности. В то же время данная теория выявила ряд противоречий в системе образования. Рассмотрение образования в контексте концепции человеческого развития помогло решению многих вопросов. Сформировавшаяся в основном национальная модель образования сохранила такие позитивные качества как фундаментальность и научный характер и удачно внедряет образцы западных моделей образования. Однако образовательной системе Казахстана еще предстоит испытание на социально-экономическую эффективность и соответствие целям человеческого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги переписи населения 1999 года по Восточно-Казахстанской области: в 3-х томах – Алматы., Агентство РК по статистике.
2. Вопросы статистики Научно-информационный журнал. 2003, № 3

Л.Н. Игнатьева

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В КАЗАХСКОЙ ССР (1953-1959 ГГ.)

С 20-х годов Советское правительство начинает организованное переселение рабочих из республик Советского Союза в Казахскую ССР. 13 февраля 1929 г. бюро Казкрайкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о переселении и организации Переселенческого управления в Казахстане. С 1929 г. начинается плановое переселение.

В то же время и до 1929 г. осуществлялось переселение рабочих. Так, на восстановление предприятий Рудного Алтая и железных дорог Казахстана приехали рабочие из РСФСР.

В результате мощных миграционных потоков из других республик на промышленные предприятия и стройки Казахской ССР, численность рабочих и служащих возрастает к 1940 г. в 4 раза.

Но при этом следует учитывать, что в это же время в Казахстан едут раскулаченные, депортированные народы. Труд этих категорий мигрантов так же используется в народном хозяйстве республики.

В годы Великой Отечественной войны поток мигрантов не иссякает. В 1941г. продолжается плановое переселение, хотя план выполнен всего на 3,8 %. Одновременно с этим осуществляется эвакуация населения и депортация народов.

В 50-е годы увеличение трудовых ресурсов в Казахской ССР шло в основном за счет переселения из других республик, а также за счет внутренних переселений.

Советом Министров СССР и ЦК КПСС был разработан проект переселения в республику. Этот план был перевыполнен. Одновременно продолжался оргнабор рабочих для промышленных предприятий Казахстана. За 1954-1960 гг. в республику прибыло более 300 тыс. человек.

Используя архивные данные, можно проследить численность и расселение прибывающих в республику по оргнабору в колхозы и совхозы республики рабочих из Украинской, Белорусской, Молдавской и Литовской ССР, а также из КНР в период с 1953 по 1959 гг.

Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете Министров Каз.ССР регулярно составляет отчеты о со-

стоянии переселенческого процесса как внутриреспубликанского, так и межреспубликанского.

В целом за период с 1953 года по октябрь 1958 г. переселено в колхозы и совхозы республики в плановом и неплановом порядке 68 866 семей. Кроме того, с 1955 по 1958 годы приняты 11 842 семьи советских граждан, репатриированных из КНР, из Киргизской Народной Республики, и изъявивших желание работать в сельском хозяйстве Казахской ССР. Таким образом, за указанный период переселено 80 708 семей, в которых насчитывается более 160 тысяч трудоспособных. Из установленного на 1953 – 1958 гг. плана подготовки 120 600 домов для переселенцев, фактически подготовлено (построено, куплено и отремонтировано) только 42 336 домов или 35,1% [1].

Если процесс рассматривать в динамике, то получается следующая картина. В 1956 г. по плану внутри республики должно было быть переселено 5 000 семей, реально была отправлена 5 241 семья, что составило 104,8% от плана. Практически во всех областях шло перевыполнение плана, кроме Северо-Казахстанской (91%), Кокчетавской (89,5%), Южно-Казахстанской (80%) и Актыбинской (55%) областей. Принято на месте – 1 100 семей.

По плану переселения на 1956г. из других республик должны были прибыть 4 000 семей (в Актыбинскую – 1 200 семей, в Карагандинскую – 500, в Кокчетавскую – 1 000, в Северо-Казахстанскую – 300, в Талды-Курганскую – 500, в Южно-Казахстанскую – 500). Было отправлено в Казахскую ССР – 2 298 семей, что составило 57,4% от плана. Если смотреть по областям, то в Актыбинскую область отправлено 537 семей (44,7% от плана), в Карагандинскую – 236 семей (47,2%), в Кокчетавскую – 582 семьи (58,2%), в Северо-Казахстанскую – 404 семьи (134,6%), в Талды-Курганскую – 445 семей (89%), в Южно-Казахстанскую – 77 семей (15,4%) и вне плана в Кустанайскую область – 17 семей. В Актыбинскую, Карагандинскую, Кокчетавскую области переселенцы были отправлены из Белорусской ССР, в Северо-Казахстанскую – из Литовской ССР, в Талды-Курганскую и Южно-Казахстанскую – из Молдавской ССР [2].

Народнохозяйственным планом на 1958 год установлено переселение 18 700 семей, в том числе: из других республик – 1 500 семей; внутри республики 5 200 семей. Переселено на 1 октября 1958 г. 17 458 семей или 93,3%, в том числе: из других республик – 12 030 семей или 89,1% плана; внутри республики

1 428 семей или 104,4% плана [3].

Кроме того, прибыли самостоятельно (в неплановом порядке) в колхозы и совхозы и оформлены на местах 1 878 семей переселенцев, а также принято в 1958 году 833 семьи граждан репатриированных из КНР, изъявивших желание работать в сельском хозяйстве Казахской ССР. Таким образом, на 1 октября 1958 г. в колхозы и совхозы Казахстана всего прибыло 20 169 семей [4].

Всего планом на 1958 г. предусмотрено переселение 18 700 семей. Переселено – 20 717 семей или 116,4% от плана. В том числе: в колхозы – 8 820 семей, в совхозы – 11 897 семей.

Внутриобластное переселение – план на 1958 г. – 5 200 семей. Переселено – 5 480 семей или 105,4% от плана. В том числе в колхозы – 3 415 семей, в совхозы – 2 065 семей.

Всего из других республик за весь 1958 г. по плану должно было прибыть 13 500 семей. Переселено – 12 249 семей или 90,7% от плана. В том числе в колхозы – 4 104 семьи, в совхозы – 8 145 семей. Из Украинской ССР – план переселения – 8 000 семей, переселено – 6 781 семья или 84,8% от плана. Из Белорусской ССР – план переселения – 4 000 семей, переселено – 3 665 семей или 99,1% от плана. Из Молдавской ССР – план переселения – 800 семей, переселено – 801 семья или 100,1% от плана. Из Литовской ССР – план переселения – 700 семей, переселено – 702 семьи или 100,2% от плана.

Самоявочники – 2 419 семей, из них в колхозы – 1 133 семьи, в совхозы – 1 386 семей. По постановлению Совмина Казахской ССР № 1045 в Южно-Казахстанскую область переселено 569 семей, из них в колхозы – 168 семей, в совхозы – 401 семья.

В то же время шел процесс выбытия семей из областей республики. Так, за 1958 год выбыло 3 687 семей. Наибольшее число семей выбыло из Южно-Казахстанской области – 1 405. Таким образом в наличии оказалось 17 022 семьи [5].

Всего за период с 1954 по 1958 годы из КНР репатриировано в Казахскую ССР 10 950 семей советских граждан. В 1954 г. – 2 531 семья, в 1955 г. – 7 586 семей, в 1958 г. – 833 семьи. Фактическое наличие семей на 1 октября 1958 г. составило 11 442 семьи. Разница между прибывшими семьями и их фактическим наличием объясняется переездами из Киргизской ССР и других республик некоторой части, репатриированных из КНР. При этом осуществляются и внутренние перемещения внутри областей по собственной инициативе.

О приеме, наличии и внутренних перемещениях советских граждан, репатриированных из Китайской Народной Республики в Казахскую ССР 1 октября 1958 г.

Наименование областей	Годы вселения и количество семей			Всего принято	Фактич. наличие семей на 1/X-58 г.	Перемещено по собственной инициативе	
	1954	1955	1958			Прибыло в область	Выбыло из области
Алма-Атинская	110	250	389	849	2 695	1 846	-
Акмолинская	278	305	-	583	180	-	403
Актюбинская	-	501	-	501	129	-	372
Восточно-Казахстанская	113	86	-	199	769	570	-
Гурьевская	-	-	-	-	-	-	-
Джамбульская	193	398	15	606	225	-	381
Западно-Казахстанская	1	692	-	639	60	-	633
Карагандинская	211	603	-	814	604	-	210
Кзыл-Ординская	-	79	-	79	-	-	79
Кокчетавская	271	918	-	1 189	361	-	328
Кустанайская	250	1 100	-	1 350	684	-	366
Павлодарская	254	1 204	-	1 458	433	-	1 025
Северо-Казахстанская	247	319	-	566	100	-	466
Семипалатинская	146	400	-	546	1 269	-	-
Талды-Курганская	107	300	329	736	4 250	3 514	-
Южно-Казахстанская	350	431	-	781	83	-	698
Итого	2 531	7 586	833	10 950	11 842	6 653	5 761

Планы переселения и оргнабора рабочих с 1953 по 1958 годы предусматривали переселение в Казахскую ССР 613 900 семей. Реально было переселено 68 200 семей или 101,8% от плана. При этом за тот же период времени выбыло 12 355 семей. Основными причинами выбытия переселенцев являются недовольное обеспечение их жильем и отсутствие других необходимых бытовых условий для устройства на новых местах жительства. Это можно проиллюстрировать на таком при-

Таблица 1

мере: план подготовки домов для переселенцев за период с 1953 по 1958 годы составил 120 600 домов. Из них было реально подготовлено 38 525 домов.

Таблица 2

Прибытие и обустройство переселенцев в 1953-1958 гг. [7]

	План переселения (семей)	Переселено (семей)	Выбыло из мест вселения	План подготовки домов	Подготовлено домов
1953 год	2 200	2 280	375	2 400	2 707
1954 год	2 400	5 604	1 712	4 200	2 643
1955 год	22 900	16 216	5 083	31 000	9 851
1956 год	9 000	10 456	1 772	31 000	8 436
1957 год	11 760	15 387	2 002	30 000	10 989
1958 год	18 700	18 257	1 411	22 000	3 899
Итого	66 960	68 200	12 355	120 600	38 525

План переселения и оргнабора рабочих за 1959 год в колхозы и совхозы предусматривал переселение 17 400 семей. Было переселено 17 655 семей или 101,5% от плана. В том числе внутриобластное переселение – план – 5 000 семей. Переселено – 5 088 семей или 101,7% от плана. Межреспубликанское переселение – план – 12 400 семей. Переселено – 12 567 семей или 101,3% от плана. Самоявочники – 838 семей, советские граждане, репатриированные из КНР – 6 680 семей [8]. Таким образом, всего за 1959 год было переселено 25 173 семьи.

Выполнение плана межреспубликанского переселения в разрезе республик выхода переселенцев ситуация выглядит следующим образом. Как указывалось выше, план переселения предусматривал переселение 12 400 семей, переселено – 12 567 семей. В том числе из Украинской ССР – по плану – 6 000 семей, переселено – 5 913 семей или 98,5% от плана. Из Белорусской ССР – по плану – 5 000 семей, переселено – 5 235 семей или 104,7% от плана. Из Молдавской ССР – по плану – 1 000 семей, переселено – 1 016 семей или 101,6% от плана. Из Литовской ССР – по плану – 400 семей, переселено – 403 семьи или 100,7% от плана.

Если смотреть по областям вселения, то из Украинской ССР семьи были вселены в Акмолинскую, Актюбинскую, Джамбуль-

скую, Западно-Казахстанскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Павлодарскую области. Из Белорусской ССР – в Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Карагандинскую, Кокчетавскую и Кустанайскую области. Из Молдавской ССР – в Павлодарскую область, а из Литовской ССР – в Северо-Казахстанскую область.

Так же как и в предыдущие годы идет отток переселенцев. Так, из 25 173 принятых по всем видам переселенцев семей, за 9 месяцев 1959 года выбыло 1 812 семей. Таким образом, осталось 23 331 семья. Причины оттока все те же – нехватка жилья и бытовая неустроенность.

Таблица 3

Прибытие и отток переселенцев в 1959 г. [10]

Наименование областей вселения	Принято семей по всем видам переселенцев	Выбыло семей за 9 месяцев	Наличие семей
Алма-Атинская	6 113	68	6 065
Акмолинская	1 939	295	1 644
Актюбинская	1 225	254	971
Восточно-Казахстанская	1 111	78	1 033
Гурьевская	191	-	191
Джамбульская	1 780	504	1 276
Западно-Казахстанская	999	25	974
Карагандинская	1 741	110	1 630
Кзыл-Ординская	322	-	322
Кокчетавская	1 587	77	1 510
Кустанайская	3 401	85	3 316
Павлодарская	2 772	217	2 255
Северо-Казахстанская	616	52	564
Семипалатинская	1 186	4	1 182
Южно-Казахстанская	470	73	397
Итого	25 173	1 812	23 331

Так же можно рассмотреть выполнение плана набора рабочих в разрезе республик на 1959 г. Из Украинской ССР план переселения – 28 200 человек, переселено – 29 544 человека или 104,7%

от плана, из Белорусской ССР план переселения – 3 800 человек, переселено – 4 602 человека или 121% от плана, из Узбекской ССР план переселения – 6 000 человек, переселено – 5 346 человек или 89,1% от плана, из Литовской ССР план переселения – 1 800 человек, переселено – 2 411 человек или 133,9% от плана, из Молдавской ССР план переселения – 4 000 человек, переселено – 3 881 человек или 97% от плана. Всего план переселения – 43 800 человек, переселено – 45 784 человека или 104,5% от плана [11].

Выполнение плана в разрезе совнархозов, министерств и ведомств. Гурьевский совнархоз план – не предусмотрено, направлено рабочих – 800 человек, Карагандинский совнархоз план – 23 000 человек, направлено рабочих – 21 748 человек, Кустанайский совнархоз – направлено рабочих – 321 человек, Актюбинский совнархоз – направлено рабочих – 138 человек, Семипалатинский совнархоз – направлено рабочих – 354 человека, Министерство хлебопродуктов план – 7 300 человек, направлено рабочих – 9 158 человек, Министерство сельского хозяйства план – 4 500 человек, направлено рабочих – 7 835 человек, Министерство транспортного строительства СССР план – 8 000 человек, направлено рабочих – 3 485 человек, Управление Казахской железной дороги план – 1 000 человек, направлено рабочих – 1 387 человек, Министерство строительства Казахской ССР направлено рабочих – 463 человека, Министерство электростанций СССР направлено рабочих – 95 человек. Всего по плану – 43 800 человек, направлено рабочих 45 784 человека или по другим данным – 48 108 человек [12].

Всего за период с 1953 по 1959 г. план переселения составил 84 360 семей, переселено по всем видам переселенцев 93 373 семьи. За этот же период выбыло 14 167 семей.

Самый большой приток населения относится к периоду освоения целинных и залежных земель. Февральско-мартовский пленум ЦК КПСС 1954 г. поставил задачу массового освоения целинных и залежных земель в кратчайшие сроки.

Освоение целинных и залежных земель шло в основном в Кустанайской, Целиноградской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Кокчетавской областях. Именно с 1954 г. идет заметное увеличение численности сельского населения республики. И в следующем, 1955 г., оно превышает уровень 1940 г.

В период массового освоения целины (1954-1956 гг.) в республику прибыло свыше 640 тыс. человек. Целинные совхозы создавались и укомплектовывались представителями отдельных республик, областей и регионов. Так, Украина укомплектовала 54 зер-

носовхоза, Белоруссия – 22, Москва – 15, Молдавия, Литва, Латвия и Удмурдская АССР – по 4 зерносовхоза каждая [13]. Большинство мигрантов – высококвалифицированные рабочие кадры (механизаторы, строители и др.) В это время в Казахстан прибывали не только представители рабочих специальностей, но и агрономы, инженеры и другие специалисты сельского хозяйства, а также медицинские работники и учителя.

Таким образом, в этот период народное хозяйство республики получило в большом количестве высококвалифицированных специалистов. Многие из них остались в Казахской ССР на постоянное жительство.

Благодаря всем этим миграционным потокам, население республики по сравнению с 1940 г. увеличилось с 6 148 тыс. до 9 870 тыс. человек в 1959 г. При этом численность городского населения увеличилась с 1 833 тыс. в 1940 г. до 4 302 тыс. человек в 1959 г. Городское население постоянно увеличивалось за счет как естественного, так и механического прироста. Численность сельского населения увеличилась с 4 315 тыс. человек в 1940 г. до 5 376 тыс. человек в 1959 г. Увеличение численности сельского населения в республике происходит лишь с освоением целинных и залежных земель. Довоенный уровень сельского населения был достигнут в 1955 г. Здесь немаловажную роль сыграл резкий приток мигрантов из европейской части СССР и Сибири [14].

Изменился и национальный состав республики. Усилился разрыв между численностью и удельным весом коренного населения, с одной стороны, и пришлого – с другой. В 1959 г. удельный вес русских достиг 42,7 %, а казахов упал на 8 пунктов по сравнению с 1939 г. и составил 30 %.

Население республики в 1959 г. составило 9 305 847 человек, что на 52,5 % выше численности в 1939 г. В РСФСР произошло резкое сокращение численности населения в результате прямых военных потерь, жертв оккупационного режима фашистской Германии, эвакуации на восток страны части населения и по другим причинам в условиях войны [15].

После XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности и сталинские беззакония против своего народа, начинается массовая миграция из Казахстана многих депортированных еще в годы войны северокавказских народов, которые возвращаются на свою историческую родину. Особенно массовой была миграция чеченцев и ингушей. Однако немалая часть ссыльнопоселенцев и депортантов осталась в республике на постоянное место жительства [16].

ЛИТЕРАТУРА

- ЦГА РК Фонд 1987, опись 1, дело 92, лист 23
1. Там же, дело 66, лист 294
 2. Там же, дело 92, лист 23
 3. Там же, дело 92, лист 24
 4. Там же, дело 91, лист 14
 5. Там же, дело 92, лист 29
 6. Там же, дело 92, лист 32
 7. Там же, дело 102, лист 1
 8. Там же, дело 102, лист 1
 9. Там же, дело 102, лист 4
 10. Там же, дело 102, лист 6
 11. Там же, дело 102, лист 7
 12. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001, с. 394
 13. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы, 1998, с. 55
 14. Там же, с. 40
 15. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001, с. 394-395

Г.Ш. Ишкинина

Восточно-Казахстанский Государственный Технический Университет
им. Д. Серикбаева, г. Усть-Каменогорск

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Происходящие в Республике Казахстан экономические и социальные преобразования влекут за собой существенные изменения и в развитии здравоохранения. Реформирование здравоохранения РК в настоящее время направлено на создание эффективной системы оказания медицинской помощи населению, которая в свою очередь должна способствовать улучшению состояния здоровья населения Казахстана. С этой целью Министерством здравоохранения РК разработана Государственная программа реформирования и развития здравоохранения РК на 2005-2010 годы.

Объективно все медицинские учреждения заинтересованы в повышении качества медицинской помощи в условиях конкуренции, но эта заинтересованность недостаточно реализуется в современных условиях, когда наблюдается острая нехватка финансовых ресурсов, а экономические стимулы и социальные функции учреждений здравоохранения всё ещё не стали главенствующими и определяющими. Таким образом, развитие качественной, социально ориентированной

и экономически эффективной системы здравоохранения в РК можно без оценки социального эффекта (результативности) и экономической эффективности, которые являются критериями успешности деятельности системы здравоохранения в целом.

Однако на практике возникают трудности при расчете экономической эффективности всего здравоохранения, поскольку здоровье населения зависит, прежде всего, от сложного комплекса социально-экономических условий и культурного развития, а затем – от уровня медицинской помощи населению. На основании вышеизложенного попытаемся дать социально-экономическую оценку эффективности здравоохранения в РК на примере конкретных медицинских учреждений.

Рассмотрим деятельность двух медицинских учреждений ВКО на примере г. Усть-Каменогорска.

КГКП «Больница скорой медицинской помощи» (БСМП) г. Усть-Каменогорска занимается оказанием стационарной медицинской помощи населению города на местном уровне, а также оказанием стационарной помощи беременным роженицам и родильницам.

Для оказания стационарной медицинской помощи населению БСМП укомплектована кадрами в соответствии с нормативами, имеет необходимое оборудование, об этом свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

**Сведения о выполнении плана по штатам
и контингентам за 2001-2003 годы**

№ п/п	Показатели	2001		2002		2003	
		Год. план	Факт	Год. план	Факт	Год. план	Факт
1	Количество учреждений, ед.	1	1	1	1	1	1
2	Число штатных ед. - всего	479	477	485	479	498	497
	В том числе:						
	врачебных должностей (ставок), включая гл. и зубных врачей, ед.	95	95	96	96	96	96
	среднего медицинского персонала, ед.	176	176	180	178	184	185
	младшего медицинского персонала, ед.	133	131	128	129	135	133
	прочего персонала, ед.	75	75	81	77	83	83
3	Количество коек, ед.	236	236	236	236	236	236
4	Количество койко-дней	80240	47947	80240	68247	81240	75056
5	Дни функционирования одной койки в год	340	249	340	289	340	318
6	Количество пролеченных больных	5850	4103	7063	7109	7036	7389
7	Количество транспортных средств	6	6	5	5	5	5

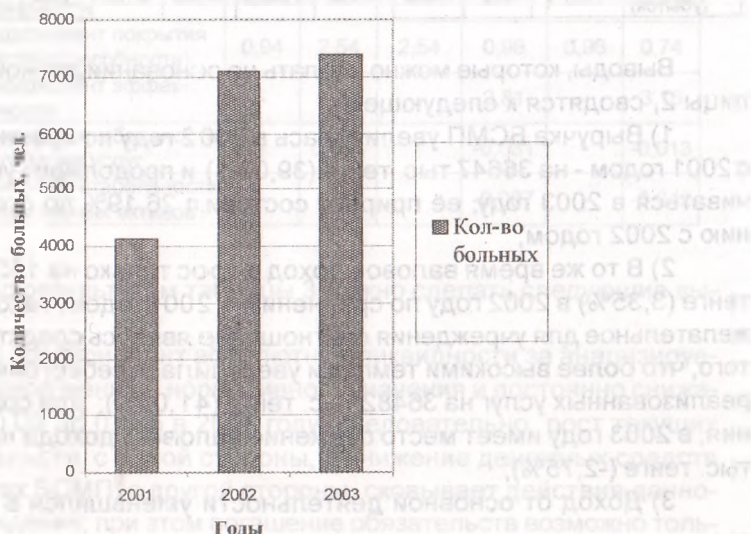
Из вышеприведенной таблицы видно, что врачами БСМП укомплектована на 100% в соответствии с нормативами, при этом увеличение численности врачей с 2001 по 2003 год составило 101,05%. То же самое можно сказать и о среднем медицинском персонале, однако увеличение их численности с 2001 по 2003 год составило 105,11%.

Если рассматривать укомплектованность БСМП младшим медицинским персоналом, то можно отметить, что их фактическое наличие немного меньше, чем должно быть в соответствии с нормативами. Например, в 2003 году по плану должно быть 135 ед., а фактическое наличие составило 98,5% или 133 ед. При этом их численность в 2003 году осталась на уровне 2001 года. Что касается прочего персонала, то ими БСМП также укомплектована на 100%, хотя их численность с 2001 по 2003 год увеличилась на 10,67%.

Особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что с 2001 по 2003 годы увеличились случаи обращения населения в данное больничное учреждение за получением медицинских услуг, о чем свидетельствуют увеличение дней функционирования одной больничной койки в год, а также общее увеличение койко-дней (рис. 1).

Увеличение койко-дней в 2003 году по сравнению с 2002 годом составило 376,1%, а увеличение дней функционирования одной койки в год – 378,69%.

Рисунок 1
Количество пролеченных больных в БСМП за 2001-2003 годы



Экономическая эффективность предприятий здравоохранения определяется рядом показателей. В настоящее время для этого используется горизонтальный и вертикальный анализ финансовой отчетности учреждений.

Цель горизонтального и вертикального анализа финансовой отчетности состоит в том, чтобы наглядно представить изменения, произошедшие в основных статьях баланса, отчета о прибыли и других, чтобы в дальнейшем помочь руководству медицинского учреждения принять решение относительно того, каким образом продолжать свою деятельность.

Таблица 2

**Горизонтальный анализ отчета о прибыли БСМП
за 2001-2003 годы, тыс. тенге**

Показатели	2001	2002	Абсол. измен.	Относ. измен., %	2002	2003	Абсол. измен.	Относ. измен., %
1. Доход от реализации услуг	93790	130437	+36647	39,07	130437	164600	+34163	+26,19
2. Себестоимость реал. услуг	88865	125347	+36482	41,05	125347	159650	+34303	+27,37
3. Валовой доход	4925	5090	+165	3,35	5090	4950	-140	-2,75
4. Расходы периода: - общие и административ. расходы	4515	9138	+4625	102,4	9138	7136	-2002	-21,9
5. Доход (убыток) от осн. деят-ти	410	-4048	-4458	-1087,3	-4048	-2186	+1862	+45,99
6. Чистый доход (убыток)	410	-4048	-4458	-1087,3	-4048	-2186	+1862	+45,99

Выводы, которые можно сделать на основании данной таблицы 2, сводятся к следующему:

1) Выручка БСМП увеличилась в 2002 году по сравнению с 2001 годом - на 36647 тыс. тенге (39,07%) и продолжает увеличиваться в 2003 году, её прирост составил 26,19% по сравнению с 2002 годом;

2) В то же время валовой доход вырос только на 165 тыс тенге (3,35%) в 2002 году по сравнению с 2001 годом; такое нежелательное для учреждения соотношение явилось следствием того, что более высокими темпами увеличилась себестоимость реализованных услуг на 36482 тыс. тенге (41,05%); для сравнения, в 2003 году имеет место снижение валового дохода на 140 тыс. тенге (-2,75%);

3) Доход от основной деятельности уменьшился в 2002

ду по сравнению с 2001 годом на 4458 тыс. тенге (-1087,3%), такое значительное снижение дохода явилось следствием значительного увеличения административных издержек на сумму 1625 тыс. тенге (102,4%); однако за счет снижения административных расходов в 2003 году по сравнению с 2002 годом на 1002 тыс. тенге (-21,9%), доход от основной деятельности увеличился на 1862 тыс. тенге (45,99%).

Таким образом, чистый доход (прибыль) БСМП в 2001 году составлял 410 тыс. тенге, в 2002 году имел место убыток в объеме 4048 тыс. тенге, который к 2003 году снизился до 2186 тыс. тенге.

На основании данных отчета о прибыли и бухгалтерского баланса БСМП рассчитывается ряд других показателей, которые позволяют судить о ликвидности баланса и платежеспособности медицинского учреждения (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Финансовые показатели деятельности БСМП
за 2001-2003 годы**

№ п/п	Показатели	2001		2002		2003	
		на нач. года	на кон. года	на нач. года	на кон. года	на нач. года	на кон. года
1	Коэффициент абсолютной ликвидности	0,09	0,013	0,013	0,003	0,003	0,005
2	Коэффициент быстрой ликвидности	0,61	1,0	1,0	0,61	0,61	0,14
3	Коэффициент покрытия (платежеспособности)	0,94	2,54	2,54	0,96	0,96	0,74
4	Коэффициент эффективности	-	2,47	-	2,81	-	3,16
5	Уровень рентабельности реализации услуг	-	0,004	-	-0,031	-	-0,013
6	Уровень рентабельности материальных активов	-	0,01	-	-0,087	-	-0,042

По результатам таблицы 3 можно сделать следующие выводы:

1) коэффициент абсолютной ликвидности за анализируемый период меньше нормативного значения и постоянно снижается с 0,09 до 0,005 в 2003 году, следовательно, рост текущих обязательств, с одной стороны, и снижение денежных средств на счетах БСМП, с другой стороны, сковывает действия данного учреждения; при этом погашение обязательств возможно толь-

ко с учетом незначительной суммы текущих активов (за счет реализации долгосрочных активов) или истребования долгосрочной дебиторской задолженности;

2) коэффициент быстрой ликвидности за анализируемый период изменялся прямо противоположно; к концу 2001 году он установился на уровне нормативного значения - 1,0, хотя в последующие годы снизился до 0,14 в 2003 году; это означает, что к концу 2003 года БСМП не способно оплатить свои текущие обязательства;

3) коэффициент покрытия (платежеспособности) сначала увеличился до 2,54 к концу 2001 года, что в пределах рекомендованного значения, а затем стал уменьшаться до 0,74 в 2003 году; это говорит о том, что в принципе погашение наиболее срочных текущих обязательств возможно, хотя недостаток денежных средств тем не менее ощутим;

4) коэффициент эффективности увеличивается с 2,47 в 2001 году до 3,16 в 2003 году; это положительная тенденция;

5) уровень рентабельности реализации услуг постоянно снижается: с 0,004 в 2001 году до -0,013 в 2003 году, эта тенденция отрицательная, поскольку уровень рентабельности должен быть не менее 8-9%;

6) уровень рентабельности материальных активов неуклонно снижается - с 0,01 до -0,042 в 2003 году, здесь тенденция ещё более опасная, т.к. уровень рентабельности - величина отрицательная.

Следующим объектом исследования является КГКП «Городская больница №1» г. Усть-Каменогорска ВКО, которая занимается оказанием стационарной медицинской помощи населению города и сельских жителей на местном уровне, оказанием стационарной помощи беременным роженицам и родильницам, оказанием специализированной медицинской помощи больным с инфекционными заболеваниями, а также имеет в своем составе патологоанатомическое бюро.

Для оказания стационарной медицинской помощи населению «Городская больница №1» укомплектована кадрами в соответствии с нормативами, об этом свидетельствуют данные таблицы 4.

Таблица 4

**Сведения о выполнении плана по штатам и контингентам
по 36 программе за 2001-2003 годы**

№ п/п	Показатели	2001		2002		2003	
		Год. план	Факт	Год. план	Факт	Год. план	Факт
1	Количество учреждений, ед.	1	1	1	1	1	1
2	Число штатных ед. - всего	790	789	790	787	780	784
	В том числе:						
	врачебных должностей (ста- вок), включая гл. и зубных врачей, ед.	117	117	119	119	129	129
	среднего медицинского пер- сонала, ед.	296	295	295	293	286	289
	младшего медицинского персонала, ед.	206	206	206	205	194	195
	прочего персонала, ед.	171	171	170	170	171	171
3	Количество коек, ед.	514	512	514	513	540	545
4	Количество койко-дней	162570	153768	162570	154969	184835	191429
5	Дни функционирования од- ной койки в год	316	300	316	302	342	351
6	Количество пролеченных больных	12360	12179	12360	12417	16292	16951
7	Количество транспортных средств	9	9	9	9	9	9

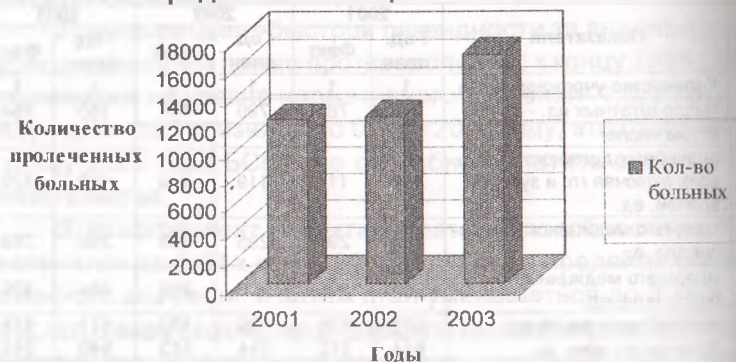
Из вышеприведенной таблицы видно, что врачами «Городс-
кая больница №1» укомплектована на 100% в соответствии с нор-
мативами, при этом увеличение численности врачей с 2001 по 2003
год составило 110,3%.

То же самое можно сказать и о среднем медицинском персо-
нале, однако имеет место уменьшение их численности с 2001 по
2003 год на 2,03%.

Если рассматривать укомплектованность данной больницы
младшим медицинским персоналом, то можно отметить, что их фак-
тическое наличие немного выше, чем должно быть в соответствии с
нормативами. При этом их численность в 2003 году снизилась по
сравнению с 2001 годом на 5,34%. Что касается прочего персона-
ла, то ими рассматриваемая больница также укомплектована на
100%, при этом их численность в 2003 году осталась на уровне
2001 года.

Особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что
с 2001 по 2003 годы увеличились случаи обращения населения г.
Усть-Каменогорска и сельских жителей в «Городскую больницу
№1» за получением медицинских услуг, о чем свидетельствуют уве-
личение дней функционирования одной больничной койки в год, а
также общее увеличение койко-дней (рис. 2).

**Количество пролеченных больных
в «Городской больнице №1» за 2001-2003**



Резкое увеличение случаев обращения населения в больницу можно объяснить притоком сельских жителей в 2003 году, поскольку он был объявлен Указом Президента РК, как год села. Таким образом, видно, что количество пролеченных больных в 2003 году в «Городской больнице №1» увеличилось по сравнению с 2001 годом на 39,18%.

Для того, чтобы сравнить финансовое положение «Городской больницы №1» и БСМП, необходимо провести горизонтальный анализ отчета о прибыли, рассчитать такие же финансовые показатели, как коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент быстрой ликвидности, коэффициент платежеспособности и другие на основании данных финансовой отчетности «Городской больницы №1».

Таблица 5

**Горизонтальный анализ отчета о прибыли
«Городской больницы №1» за 2001-2003 годы, тыс. тенге**

Показатели	2001	2002	Абс. измен.	Отн. измен., %	2002	2003	Абс. измен.	Отн. измен., %
1. Доход от реализации услуг	186991	212190	+25199	+13,5	212190	256354	+44164	+20,81
2. Себестоимость реал. услуг	164602	197182	+32580	+19,8	197182	199714	+2532	+1,28
3. Валовой доход	+22389	+15008	-7381	-32,97	+15008	+56640	+41632	+277,4
4. Расходы периода:								
- общие и административ. расходы	30816	34848	+4032	+13,1	34848	39454	+4606	+13,22
- расходы по реализации	197	374	+177	+89,94	374	-	-374	-100,0
5. Доход (убыток) от осн. деят-ти	-8624	-20214	-11590	-134,4	-20214	+17186	+37400	+185,02
6. Доход (убыток) от неосн. деят-ти	+52714	-	-52714	-100,0	-	-	-	-
7. Чистый доход (убыток)	+44090	-20214	-64304	-145,85	-20214	+17186	+37400	+185,02

На основании таблицы 5 можно сделать следующие выводы:

1) выручка «Городской больницы №1» увеличилась в 2002 году на 25199 тыс. тенге (13,5%) по сравнению с 2001 годом, и продолжает увеличиваться в 2003 году; её прирост в 2003 году составил 44164 тыс. тенге (20,81%) по сравнению с 2002 годом;

2) при этом валовой доход в 2002 году уменьшился на 7381 тыс. тенге (32,97%) по сравнению с 2001 годом, это произошло за счет превышения себестоимости реализованных услуг над выручкой; хотя в 2003 году имеет место увеличение валового дохода на 41692 тыс. тенге (277,4%) по сравнению с 2002 годом;

3) чистый доход (прибыль) «Городской больницы №1» в 2001 году составлял 44090 тыс. тенге, в 2002 году результатом финансовой деятельности явился убыток в объеме 20214 тыс. тенге, а в 2003 году снова образовалась прибыль в объеме 17186 тыс. тенге.

Таблица 6

**Финансовые показатели деятельности
«Городской больницы №1» за 2001-2003 годы**

№ п/п	Показатели	2001		2002		2003	
		на нач. года	на кон. года	на нач. года	на кон. года	на нач. года	на кон. года
1	Коэффициент абсолютной ликвидности	0,46	0,10	0,10	0,16	0,16	0,97
2	Коэффициент быстрой ликвидности	1,15	0,82	0,82	0,17	0,17	0,98
3	Коэффициент покрытия (платежеспособности)	1,26	1,28	1,28	0,47	0,47	1,08
4	Коэффициент эффективности	-	0,99	-	1,23	-	1,32
5	Уровень рентабельности реализации услуг	-	0,046	-	0,095	-	+0,067
6	Уровень рентабельности материальных активов	-	0,046	-	0,118	-	+0,089

Данные таблицы 6 показывают, что:

1) коэффициент абсолютной ликвидности на начало 2001 года находился в пределах нормативного значения, затем к концу 2002 года уменьшился до 0,16; тем не менее на конец 2003 года он составил 0,97, данный факт свидетельствует о том, что данное медицинское учреждение имеет достаточное количество денежных средств, чтобы погасить текущие обязательства;

2) коэффициент быстрой ликвидности на начало 2001 года равнялся 1,15, что в пределах рекомендованного значения; затем к концу 2002 года он резко снизился до 0,17, следовательно, на тот

момент больницы была не способна оплатить свои текущие обязательства; однако к концу 2003 года положение несколько стабилизировалось, т.к. коэффициент быстрой ликвидности увеличился до 0,98;

3) коэффициент покрытия (платежеспособности) сначала увеличился до 1,28 в 2001 году, затем снизился до 0,47 в 2002 году, однако на конец 2003 года снова увеличился до 1,08; это говорит о том, что погашение наиболее срочных текущих обязательств возможно, хотя недостаток в текущих активах всё-таки ощутим;

4) коэффициент эффективности увеличился с 0,99 в 2001 году до 1,32 в 2003 году, что само по себе хорошо; однако величина этого показателя не очень высокая;

5) уровень рентабельности реализации услуг увеличился к концу 2003 года и составил +0,067, хотя сначала был очень низким (-0,046) в 2001 году;

6) уровень рентабельности материальных активов увеличился с (-0,046) в 2001 году до +0,089 в 2003 году, что положительно характеризует деятельность данного больничного учреждения.

Сравнив административно-хозяйственную деятельность, финансовые и экономические показатели БСМП и «Городской больницы №1», следует отметить большую рыночную активность «Городской больницы №1», она выражается:

1) в оптимизации затрат, пересмотре штатного расписания в соответствии с текущими условиями;

2) финансовые показатели деятельности «Городской больницы №1» выше, чем у БСМП, о чем свидетельствуют результаты расчетов;

3) у «Городской больницы №1» прибыль в конце 2003 года составила +17186 тыс. тенге, в то время как финансовый результат БСМП – убыток в сумме 2186 тыс. тенге.

Эти факторы являются важнейшими при выживании в условиях рыночных отношений и в «Городской больнице №1» они взяты на вооружение, что позволяет им успешно функционировать в условиях рынка. Полученные выводы дают основания для разработки модели экономического поведения анализируемых медицинских учреждений и стратегии дальнейшего развития.

А.П. Катровский

Смоленский Гуманитарный Университет, г.Смоленск

ДИНАМИКА БРАЧНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В связи с глубокими изменениями в брачном поведении населения в последние годы вопросы его изучения, как и вопросы изучения самого брака как социального института приобретают исключительно важное значение. Брачность оказывает влияние на семейную структуру населения. Однако и сам брак зависит от развития семейных отношений, от семейных ценностей. Поэтому вопросы развития брака необходимо рассматривать сквозь призму семейных отношений.

Брак является одним из факторов рождаемости, поэтому вопросы изучения брачности для современной демографии представляют, прежде всего, с позиции репродуктивного поведения, воспроизводства населения. В какой степени значительные изменения рождаемости обусловлены изменениями в брачности. Анализ брачного поведения в Российской Федерации в конце XX начале XXI века свидетельствует о глубоких изменениях в роли брака в обществе. При анализе динамики брачности, эволюции семейно-брачных отношений необходимо исходить из положения о смене исторических типов брачности, выдвинутых А.Г. Волковым в 1986 году [2]. Тип брачности определяется уровнем разводимости, возрастом первого вступления в брак, уровнем безбрачия в разных возрастных группах. Глубокие изменения в данных показателях свидетельствуют о переходе к новому типу брачности. Подобно теории демографического перехода, наличии нескольких исторических типов воспроизводства населения существует несколько исторических типов брачности. Вопросы смены исторических типов брачности были рассмотрены в ряде отечественных и зарубежных публикаций. Из зарубежных публикаций на русском языке, в первую очередь, необходимо выделить статью Дж. Хаджнала, вышедшую в 1979 г., в издательстве «Статистика» [8]. Из отечественных исследователей наибольшего внимания заслуживают работы, Дарского, Волкова

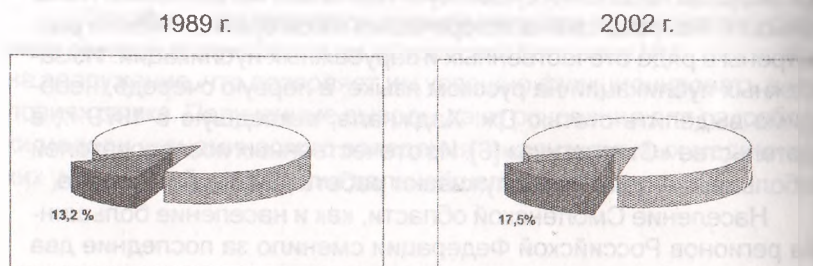
Население Смоленской области, как и население большинства регионов Российской Федерации сменило за последние два века несколько типов брачности. Фактически до начала тридцатых годов XX века в области преобладал традиционный тип, внешними признаками которого было раннее вступление в брак, распространение традиционного брака, очень низкая разводимость, низкий

уровень безбрачия. Однако уже во второй половине XIX века начался постепенный переход на новый тип брачности. Данный процесс продолжался до 30-х годов XX века. Переход к новому типу брачности был ускорен социально-политическими преобразованиями в советское время. Изменение роли и места женщины в семье и обществе объективно способствовало новому брачному поведению. Семейные ценности стали отходить на второй план после общественных, выросла занятость женщин в общественном производстве, часть женщин стала ставить на первое место карьерные соображения, значительно выросла доля женщин среди учащихся профессиональных учебных заведений и студентов вузов. Таким образом в 1930-е годы, вначале в городах, а затем и в сельской местности население перешло на так называемый «европейский» тип брачности, которому был присущ более поздний возраст вступления в брак, более высокий уровень разводимости, более высокий уровень безбрачия. В конце XX большинство стран мира вступило на стадию **современного** типа брачности. Анализируя причины снижения брачности и рождаемости в развитых странах мира в конце XX века, П. Бьюкинен писал «Многие американки поняли, что могут добиться самостоятельности и независимости. Им не нужно больше выходить замуж. <...> Среди женщин в возрасте от двадцати пяти до двадцати девяти количество «убежденных незамужниц» возросло с 10 до 35 процентов» [1. С. 60.].

В Российской Федерации доля женщин в возрасте 16 лет и старше, никогда не состоявших в браке, с 1989 по 2002 г. выросла с 13,2 до 17,5 % или на 32,6 %.

Рисунок 1

Динамика доли женщин в возрасте 16 лет и старше, никогда не состоявших в браке. 1989-2002 гг.[7].



Изменение типа брачности сопровождалось изменением норм брачного и репродуктивного поведения, и естественно оказало влияние на уровень рождаемости. Вместе с тем, в середине XX века

институт брака перестает рассматриваться как средство регулирования рождаемости» [3, С. 72].

Брачному поведению, как показал опыт демографического развития, свойственна цикличность. Вслед за периодами, характеризующимися повышением среднего возраста вступления в брак наступают периоды «омоложения» брака. Подобный процесс «омоложения» брака начался в первые послевоенные годы. Новый цикл «постарения» брака начался в 1980-е годы и продолжается до настоящего времени. Данный процесс получил распространение практически во всех развитых странах мира. Причем первыми в новый цикл брачного поведения вступили преимущественно протестантские страны Северной Европы. Далее процесс распространился на преимущественно католическую Южную Европу. Последними вступили в данный цикл страны Восточной Европы, включая Российскую Федерацию. Как правило, демографические «новации» вначале получали распространение в крупных городах, а затем становились нормой жизни в сельской местности. Одной из черт нового брачного поведения стал отказ значительной части населения от регистрируемого брака. На смену традиционному регистрируемому браку пришло многообразие брачных отношений. Новая модель брачных отношений является результатом длительного процесса эволюции брака. Незарегистрированное сожительство перестало осуждаться общественным мнением, и сегодня воспринимается как одна из социально приемлемых форм семейной жизни и партнерства [4, С. 32].

О глубоких изменениях в брачном поведении свидетельствуют данные о динамике в межпереписной период брачной структуры населения области.

Таблица 1

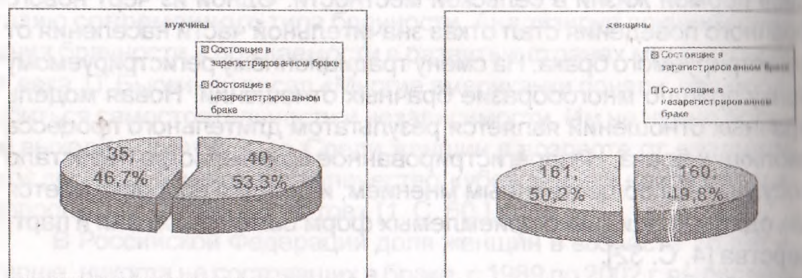
Мужчины и женщины Смоленской области по состоянию в браке (на 1000 человек соответствующего пола) [7].

	Мужчины		Женщины	
	1989	2002	1989	2002
Все население	1000	1000	1000	1000
Состоящие в браке	721	627	576	502
<i>из них:</i>				
в зарегистрированном	721	569	576	456
в незарегистрированном	-	58	-	46
Никогда не состоявшие в браке	183	235	125	161
Вдовы	29	41	218	213
Разведенные и разошедшиеся	65	85	80	113
Не указавшие состояние в браке	2	12	1	11

Учитывая изменения в брачном поведении населения при проведении Переписи 2002 г. впервые в рамках Российской Федерации была собрана информация о распространении незарегистрированного брака. В стране из общего числа супружеских пар 1 млн. состояли в незарегистрированном браке [6. С. 11]. Незарегистрированный брак наиболее характерен для молодежи. Так, согласно Переписи населения 2002 года, среди 75 мужчин Смоленской области, состоящих в браке в возрасте 16-17 лет, 35 человек были в незарегистрированном браке, среди 321 женщины данного возраста, состоявших в браке, 161 или чуть более половины состояли в незарегистрированном браке.

Рисунок 1

Мужчины и женщины в возраст 16-17 лет, указавшие состояние в браке (2002 г.). [7]



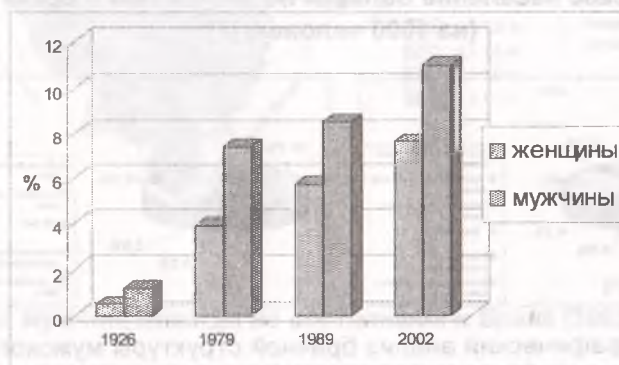
Незарегистрированный брак получил распространение во всех районах области. В 2002 г. во всех муниципальных образованиях области, кроме Руднянского района, среди молодежи в возрасте 16-17 лет имелись состоящие в незарегистрированном браке. А в 11 районах: Велижском, Вяземском, Гагаринском, Глинковском, Демидовском, Духовщинском, Ершичском, Монастырщинском, Рославльском, Сычевском, Угранском - среди состоящих в браке преобладали состоящие в незарегистрированном браке. Если общая численность мужского населения в возрасте 16 лет и более уменьшилась на 1,9 %, то численность мужчин состоящих в зарегистрированном браке, уменьшилась с 1989 по 2002 гг. на 22,6 %. Одновременно на 25,6 % выросла численность мужчин никогда не состоявших в браке, на 29,8 % выросла численность мужчин состоящих в разводе, однако наиболее выросло среди мужчин - число вдовых (на 39,7 %). Что касается брачной структуры женского населения в возрасте от

6 лет и старше, то за время с 1989 по 2002 гг. общая численность вдовых даже сократилась на 4,1 %, значительно снизилась численность состоящих в зарегистрированном браке (на 2,3 %), выросла на 26,8 % численность женского населения никогда не состоявшего в браке. Общая численность женского населения в возрасте от 16 лет за тринадцать лет снизилась на 1,9 %.

Рост доли женщин и мужчин, состоящих в разводе, приобретает, судя по результатам переписей населения, характер тенденции.

Рисунок 3

Динамика доли женщин и мужчин, состоящих в разводе [7]



Если в 1926 году она составляла в России соответственно 0,5 и 1,2 %, то 1979 г. – 3,9 и 7,4 %; в 1989 г. – 5,7 и 8,5 %; 2002 г. – 7,6 и 11,0 %.[6. С. 11].

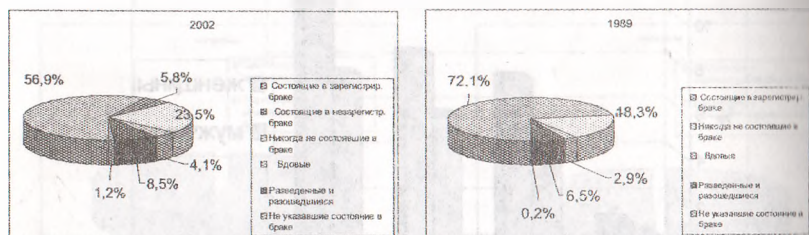
Сокращение численности и доли вдовых среди женщин наблюдается в большинстве регионов Российской Федерации. В 1979 доля вдовых по стране составляла 19,8, десять лет спустя – 18,2, в 2002 г. – 18,0 %. Сокращение числа и доли вдовых среди женского населения связано с постепенным преодолением одного из демографических последствий Великой отечественной войны. Вместе с тем, анализ брачной структуры населения Смоленской области по отдельным возрастным группам выявил значительный рост доли вдовых среди молодежи и лиц среднего возраста. Так, в возрастной группе 25-29 лет доля вдовых среди женщин выросла с 0,7 до 1,2 % или на 71 %, в возрастной группе 30-34 лет - с 1,2 до 2,5 % или более чем вдвое, в возра-

стной группе 35-39 лет – с 2,4 до 4,1 % или на 71 %, в возрастной группе 40-44 лет с 4,2 до 6,4 % или на 52 %.. Рост доли вдовых зарегистрирован и среди мужского населения в возрасте 25-44 лет. Отмеченный рост свидетельствует об уменьшении продолжительности жизни, росте смертности населения в наи более активном трудоспособном возрасте.

Доля мужского населения в возрасте от 16 лет состоящая в зарегистрированном браке с 1989 по 2002 гг. снизилась с 72,1 % до 62,7 %, доля никогда не состоявших в браке выросла с 18,3 до 23,5%. Доля мужского населения состоявшего в незарегистрированном браке составила 5,8 %.

Рисунок 4

**Мужское население области по состоянию в браке
(на 1000 человек) [7]**



Географический анализ брачной структуры мужского населения Смоленской области выявил наиболее высокую долю мужского населения состоявшего в незарегистрированном браке, сельская местность Велижского района -12 %, Десногорск -6% Самая высокая доля мужчин никогда не состоявших в браке –в сельской местности Сафоновского р-на -36 %, Новодугинского района -29 %, по 26 % - Смоленск, Десногорск, сельская местность Сычевского р-на. Доля мужчин никогда не состоявших в браке выросла во всех возрастных группах, однако наибольшие изменения произошли в возрастных группах 25-29 и 30-34 года. В данных группах доля никогда не состоявших в браке выросла соответственно с 20,0 до 34,7% и с 11,5 до 16,3 %.

Рисунок 5

**Доля мужчин, состоящих
в незарегистрированном браке (2002 г.). [7]**

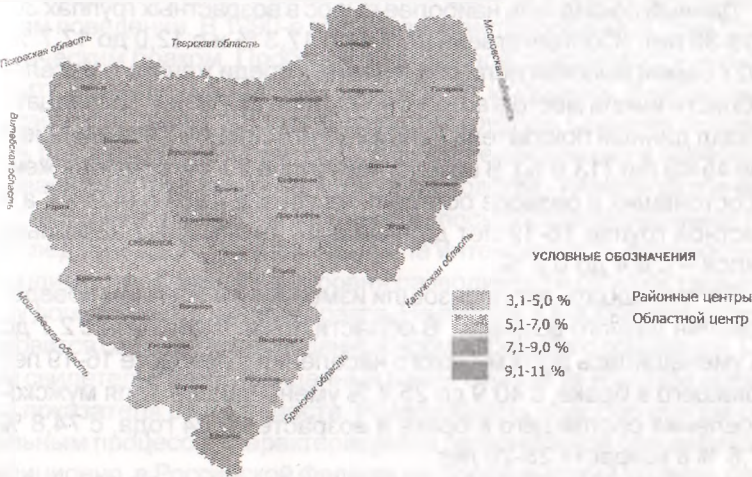
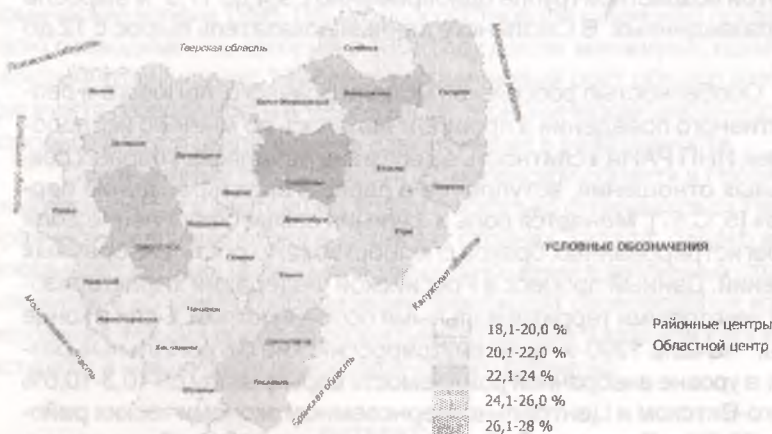


Рисунок 6

Доля мужчин, никогда не состоявших в браке (2002 г.). [7]



Максимальная доля женщин состоящих в разводе – Кардымово -14 %, Десногорск, Гагарин, Сафоново, Смоленск по 13 %. Данный показатель вырос во всех возрастных группах, начиная с 24-29 лет.

Данный показатель наиболее вырос в возрастных группах 30-34 и 35-39 лет. (Соответственно с 9,4 до 17,3 % и с 12,0 до 17,7 %. В 2002 г самая высокая доля разведенных среди женского населения области имела место в возрастной группе 35-39 лет. Тринадцать лет назад данный показатель принимал максимальное значение в группе 45-49 лет (13,9 %). В возрастной группе 20-24 года доля женщин состоявших в разводе осталась на уровне 1989 г. (4,0 %), а в возрастной группе 16-19 лет данный показатель даже несколько снизился – с 0,4 до 0,2 %.

За тринадцать лет произошли изменения в брачном поведении смолян разного возраста. В области почти в два раза с 2,7 до 1,6 % уменьшилась доля мужского населения в возрасте 16-19 лет состоявшего в браке, с 40,9 до 25,4 % уменьшилась доля мужского населения состоящего в браке в возрасте 20-24 года, с 74,8 % до 57,6 % в возрасте 25-29 лет.

Среди женского населения области в возрасте 25-29 лет более чем вдвое с 10,7 до 21,3 % выросла доля никогда не состоявших в браке. В Смоленске данный показатель вырос с 17 до 25 %. В возрасте 30-34 года доля никогда не состоявших в браке выросла с 6,0 до 10,2 %. В Смоленске данный показатель вырос с 9 до 13 %. Но в этой возрастной группе одновременно с 9,4 до 17,3 % выросла доля разведенных. В Смоленске данный показатель вырос с 12 до 19 %.

Особенностью российской модели брачного, полового и репродуктивного поведения в прошлом являлось по мнению исследователей ИНП РАН «слипность во времени начала регулярных сексуальных отношений, вступление в первый брак и рождение первенца» [5, С.57]. Меняется роль и функция семьи. Увеличение доли незарегистрированных браков способствовало росту внебрачных рождений. Данный процесс в Российской Федерации характеризовался некоторыми территориальными особенностями. Если в конце 1980-х - начале 1990-х годов внутрироссийские региональные различия в уровне внебрачной рождаемости варьировали от 10,3-10,6% в Волго-Вятском и Центрально-Черноземном экономических районах до 22,3% в Восточно-Сибирском экономическом районе, то спустя девять лет средний показатель доли родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, по стране достиг величини

ы 27,9%, а регионах лидерах – Восточно-Сибирском, Северном и дальневосточном он превысил 30%. В сельской местности данный показатель традиционно выше чем в городах. Рост числа и доли детей родившихся у матерей не состоящих в зарегистрированном браке свидетельствует о качественных сдвигах в брачно-репродуктивном поведении. В 1990-е годы незарегистрированный брак стал фактическим браком. Проблему внебрачной рождаемости нельзя сводить к ошибкам в половом воспитании молодежи. Внебрачная рождаемость растет во всех возрастных группах. Средняя очередность рождения у матерей, состоящих и не состоящих в зарегистрированном браке, имеет больше черт сходства - нежели различий.

Падение брачности сопровождалось ростом разводимости. В последние годы несколько выросла интенсивность брачности и разводимости. Повышение уровня разводимости способствовало росту доли вторых и третьих браков. На рубеже XX-XXI веков развод становится социально оправданной нормой брачного поведения. Об этом свидетельствует невиданный ранее бурный за короткое время рост показателя разводимости. Разводимость подобно другим социальным процессам характеризуется региональной спецификой. Традиционно, в Российской Федерации более высокий уровень разводимости - в Дальневосточном и Северо-Западном районах, а более низкий в Волго-Вятском и Северо-Кавказском районах. Динамика показателя разводимости свидетельствует о зависимости разводимости от экономического развития. С 1990-го до 1994-95 гг. в большинстве регионов России наблюдался рост разводимости. Экономические успехи 1996-1997 гг. способствовали снижению показателю разводимости, который в 1998 году достиг минимума, однако экономический кризис 1998 года вызвал новый рост общего коэффициента разводимости в 1999 году, т.е. экономическая цикличность сопровождается циклическими изменениями в разводимости.

Современный тип брачности в Смоленской области и Российской Федерации в настоящее время несколько отличается от типа брачности, сложившегося в развитых странах Запада, однако как показывает история брачно-семейных отношений в различных странах мира, в условиях глобализации происходит своеобразная конвергенция. Россия вслед за развитыми странами Западной Европы вступила в новую фазу демографического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюкинен П. Дж. Смерть Запада М.: ООО «Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.

2. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986.
3. Население России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы / Под. ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 352 с.
4. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: КДУ, 2000. – 176 с.
5. Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: КДУ, 2004. – 224 с.
6. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Госкомстат России. М.: «КРОС», 2003.
7. Состояние в браке и половозрастной состав населения Смоленской области по данным переписи населения 2002 года. Статистический бюллетень № 264. Смоленск. 2004.
8. Хаджал Дж. Европейский тип брачности / Брачность, рождаемость, семья за 3 века. М.: Статистика, 1979.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдарбаева Раушан Кайсановна

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Айтказина Зура Нурмуқановна

Аспирант ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, научный сотрудник НИИ Демографии ВКГУ

Аксенова Вера Викторовна

Студентка ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Аймагамбетова Гульмира Төлеуовна

Старший преподаватель кафедры истории Казахстана КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

Аубакирова Жанна Сакеновна

Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры юриспруденции ВГИ, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Барабанова Елена Ивановна

Преподаватель кафедры психологии ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Биханова Алмагуль Советкановна

Преподаватель кафедры «Финансы и кредит» ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Бургарт Людмила Александровна

Референт Восточно-Казахстанского немецкого культурного центра, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Бурлак Ирина Михайловна

Учитель истории СШ с.Рулиха

Винокурова Елена Ивановна

Старший преподаватель кафедры истории Казахстана ИКИ им.С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Владимиров Владимир Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и исторической информатики, декан исторического факультета АлтГУ, г. Барнаул, Россия

Гайко Ольга Александровна

Преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Григоричев Константин Вадимович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений КарГУ им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан

Григорьев Евгений Иванович

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Грищенко Елена Георгиевна

Преподаватель кафедры психологии ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Дергачёва Евгения Владимировна

Преподаватель кафедры психологии ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Джаксылыков Амантай Фрунзевич

Старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Дулина Надежда Васильевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии ВГТУ, г. Волгоград, Россия

Горенкова Елена Николаевна

Старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Есетов Сайран Конырович

Старший преподаватель кафедры географии и экологии СКГУ им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан

Есимова Айгуль Бегеновна

Кандидат исторических наук, и.о. доцента кафедры политологии Шымкентского института Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Ясави, г. Шымкент, Казахстан

Жанабаева Гульнара Нуртасовна

Старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Завалко Надежда Александровна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Завалко Дарья Александровна

Ученица СШ №29, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Игибаев Советкан Кабдуалиевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Игибаева Айнагуль Курмашевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ВКГУ им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Игнатьева Людмила Николаевна

Старший преподаватель кафедры философии и социально-политических теорий ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Ишкинина Гюзель Шаяхметовна

Старший преподаватель кафедры экономической теории и истории Казахстана ВКГТУ им. Д.Серикбаева, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Катровский Александр Петрович

Доктор географических наук, директор НИИ региональных исследований Смоленского гуманитарного университета, г. Смоленск, Россия

Мрачковский Анатолий Евгеньевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления СКГУ им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан

Силина Ирина Германовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и исторической информатики АлтГУ, г. Барнаул, Россия

Чиби́сов Максим Евге́ньевич

Аспирант АлтГУ, г. Барнаул, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Айдарбаева Р.К. Формирование казахского населения Алтайского края	3
Айтказина З. Н. Историческая антропология: проблемы становления и развития («новая демографическая история»)	14
Аксенова В.В. Иммиграционная политика Европейского Союза: проблемы и перспективы	35
Аймагамбетова Г.Т. Демографическая характеристика населения Карагандинской области (1999-2004 гг.)	43
Аубакирова Ж.С. Этнические особенности воспроизводства населения Казахстана (1979-1999 гг.)	53
Барabanова Е. И. Проблемы изучения этнопсихологических защитных механизмов	65
Биханова А.С. Численность и состав малого предпринимательства Восточно-Казахстанской области в начале XXI века	70
Бургарт Л.А. Демографический аспект темы «Немецкое население Казахстана в инонациональном окружении»: к постановке вопроса	79
Бурлак И. М. Социализация выпускников сельской школы	88
Винокурова Е.И. Детские погребения канайской культуры эпохи бронзы Восточного Казахстана	92
Владимиров В.Н., Силина И.Г., Чибисов М.Е. Особенности ведения и структуры клировых ведомостей в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в конце XVIII - первой половине XIX вв.	97
Гайко О.А. Проблема соответствия идей и приоритетов декларируемых программой демографического развития Республики Казахстан на 2001-2005 годы реализуемой социальной политике	102
Григоричев К.В. Внутриказахстанская миграция русского населения в 1990-е - начале 2000-х гг.: опыт картографического анализа	110
Григорьев Е.И. Проблемы экологической безопасности (демографический аспект)	118

Грищенко Е.Г. Смысл демографического исследования этноспецифики родительских установок как основы детско-родительских отношений (на примере русских и казахских семей)	123
Дергачёва Е.В. Этнические особенности поведения менеджеров в организациях	131
Джаксылыков А.Ф. Использование естественно-географических методик в исторической демографии Казахстана	140
Дулина Н.В. Роль города в социальной эволюции	147
Егоренкова Е.Н. К вопросу об особенностях семейно-брачных отношений в германских землях XV-XVI вв.	154
Есетов С. К., Мрачковский А. Е. Миграционные процессы на территории Северо-Казахстанской области в период освоения целинных и залежных земель	160
Есимова А.Б. Проблемы адаптации репатриантов в Казахстане (на примере Южно-Казахстанской области)	165
Жанабаева Г.Н. Демографическая ситуация в Восточном Казахстане - экологический фактор	178
Завалко Н.А. Сравнительный анализ изменения ценностных ориентаций старшеклассников	181
Завалко Д. Татарская диаспора в ВК в конце XIX - первой четверти XX века (по материалам всеобщих переписей населения)...	188
Игибаев С.К. Сословный состав населения Акмолинской области	193
Игибаева А.К. Образовательная система Казахстана и человеческое развитие	197
Игнатьева Л.Н. Трудовая миграция в Казахской ССР (1953-1959 г.)	201
Ишкинина Г.Ш. Социально-экономические аспекты функционирования системы здравоохранения в Республике Казахстан....	209
Катровский А.П. Динамика брачной структуры населения Смоленской области	219
Сведения об авторах	229

МАЛАЯ АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА
НИИ ДЕМОГРАФИИ ВКГУ ИМ. С. АМАНЖОЛОВА
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В
КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

VI Международная научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 27-28 ноября 2004 г.)

сборник научных трудов

Часть I

Заказ № 552/1 Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Усть-Каменогорский Печатный Двор»
г. Усть-Каменогорск тел. 8 (3232) 53-44-45, 26-91-02

